

Жорж Сименон

Мегрэ, Лоньон и гангстеры

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

В КОТОРОЙ МЕГРЭ ВЫНУЖДЕН ЗАНЯТЬСЯ ГОСПОЖОЙ ЛОНЬОН, ЕЕ БОЛЕЗНЯМИ И ЕЕ ГАНГСТЕРАМИ

- Договорились... договорились... да, мосье. Ну да, да... Обещаю... Я сделаю все, что смогу... Так точно... Будьте здоровы... Что-что? Я говорю: будьте здоровы... Обижаться тут нечего... Всего доброго, мосье...

Мегрэ повесил трубку - наверное, в десятый раз за последний час (впрочем, звонков он не считал), закурил, с укоризной взглянул на окно - нудный холодный дождь хлестал по стеклу, - снова взялся за перо и склонился над рапортом, к которому приступил час назад, но за это время написал всего лишь полстраницы.

Дело в том, что с первой же строчки он стал думать совсем о другом - о дожде, нескончаемом, нудном дожде, предвестнике зимы, который так и норовит попасть вам за шиворот, просочиться сквозь подметки ваших ботинок, стечь крупными каплями с полей вашей шляпы, - об этом холодном дожде, от которого непременно схватишь насморк, гнусном, тоскливом дожде, про который говорят: в такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит.

В такой дождь люди, словно привидения, бродят из угла в угол. Может, они и звонят-то без конца просто от скуки?.. То и дело трещал телефон, но из всех этих разговоров едва ли три было нужных. И когда снова раздался звонок, Мегрэ взглянул на аппарат с таким видом, словно собирался размозжить его ударом кулака, и рявкнул:

- Алло?

- Мадам Лоньон желает поговорить с вами лично, она на этом настаивает.

- Кто-кто?

- Мадам Лоньон.

Услышать это имя сейчас, когда Мегрэ и так был вне себя от беспрестанных звонков и скверной погоды, имя человека, ставшего притчей во языцех в парижской полиции, анекдотически невезучего, за что и прозванного "горе-инспектором", да к тому же, как многие считали, с дурным глазом, нет, это было уже слишком! Прямо как в водевиле.

А тут еще говорить с ним желал не сам Лоньон, а госпожа Лоньон. Однажды Мегрэ видел ее в квартире Лоньонов на площади Константан-Пеке, на Монмартре, и с того дня перестал злиться на инспектора Лоньона, стараясь только по мере возможности не иметь с ним никаких дел. Но при этом Мегрэ жалел его от всего сердца.

- Соедините меня... Алло! Мадам Лоньон?

- Простите, что я вынуждена побеспокоить вас, мосье Мегрэ...

Она говорила чересчур изысканно, отчеканивая каждый слог, как это бывает с людьми, которые селятся подчеркнуть свое хорошее воспитание. Мегрэ почему-то машинально отметил про себя, что сегодня четверг, 19 ноября.

Мраморные часы, стоящие на камине, показывали ровно половину одиннадцатого.

- Я никогда не позволила бы себе настаивать на том, чтобы говорить с вами лично, не будь у меня на это чрезвычайно веской причины...

- Слушаю вас, мадам.

- Вы нас знаете - и моего мужа, и меня.

- Да, мадам.

- Мне совершенно необходимо поговорить с вами, господин комиссар. У меня в доме происходят ужасные вещи... Я боюсь... Если бы не болезнь, я бы уже была у вас, на Набережной Орфевр. Но, как вам известно, я долгие годы заключена, как в тюрьме, в своей квартире на пятом этаже.

- Если я вас верно понял, вы хотели бы, чтобы я пришел к вам?

- Да, я прошу вас об этом, мосье Мегрэ. Он едва верил своим ушам! Она говорила вежливо, но твердо.

- А вашего мужа нет дома?

- Он исчез.

- Что? Лоньон исчез? Когда?

- Не знаю. Его нет в участке, и никто не знает, где он. А гангстеры снова приходили нынче утром.

- Кто-кто?

- Гангстеры. Я вам все расскажу. Пусть Лоньон злится на меня. Мне очень страшно.

- Вы хотите сказать, что к вам в дом приходили какие-то люди?

- Да.

- Они ворвались силой?

- Да.

- Они что-нибудь унесли?

- Видимо, документы. Но я не могу этого проверить.

- И все это произошло, как вы говорите, сегодня утром?

- Полчаса назад. Но двое из них приходили и позавчера.

- Как на это реагировал ваш муж?

- С тех пор я его не видела.

- Я еду к вам.

Мегрэ еще не верил в эту историю. Точнее, не совсем верил Он почесал в затылке, сунул в карман две трубки и приоткрыл дверь в комнату инспекторов:

- Никто ничего не слышал последние дни про Лоньона?

Это имя всегда вызывало улыбку. Нет. Никто о нем не слышал. Инспектор Лоньон, несмотря на свое бешеное честолюбие, работал не на Набережной Орфевр, а во втором отделе полицейского комиссариата IX района, и его участок находился на улице Ла Рошфуко.

- Если меня спросят, я вернусь через час. Есть дежурная машина?

Он надел свое грубошерстное пальто, спустился во двор, где стояла полицейская малолитражка, и дал адрес Лоньона. Дождь лил как из ведра, и прохожие уже не обращали внимания на грязные брызги, которыми их обдавали мчавшиеся мимо машины.

Дом, где жил Лоньон, был ничем не примечателен, построен лет сто назад, и, конечно, без лифта. Вздохнув, Мегрэ поплелся на пятый этаж; дверь открылась прежде, чем он успел постучать, и госпожа Лоньон - у нее были красные глаза и красный нос - впустила его в прихожую со словами:

- Я вам так признательна, что вы пришли! Если бы вы только знали, с каким восхищением к вам относится мой бедный муж!

Это было ложью. Лоньон ненавидел Мегрэ. Лоньон ненавидел всех, кому посчастливилось работать на Набережной Орфевр, ненавидел всех комиссаров полиции, всех, кто занимал более высокий пост. Он ненавидел пожилых за то, что они были старше его, а молодых - за то, что были моложе. Он...

- Садитесь, пожалуйста, господин комиссар. Госпожа Лоньон была маленького роста, плохо причесана и одета во фланелевый халат неприятного лилового цвета. У нее были синяки под глазами и вообще изможденный вид; она непрестанно подносила руку к груди, как это делают сердечники.

- Я решила ничего здесь не трогать, чтобы вы сами все осмотрели...

Квартирка была маленькая: столовая, гостиная, спальня, кухонька и туалетная комната, - все таких размеров, что мебель мешала открывать полностью двери. На кровати спал, свернувшись в клубочек, черный кот.

Мадам Лоньон ввела Мегрэ в столовую - было ясно, что гостиной они вообще никогда не пользуются. Все ящики буфета были выдвинуты, но там лежало не серебро, а какие-то бумаги, блокноты, фотографии. Видно было, что в них кто-то рылся: на полу валялись письма.

- Я полагаю, - сказал Мегрэ, вертя трубку в руке, но не решаясь закурить, - что лучше всего вам рассказать мне все сначала. По телефону вы мне что-то говорили о гангстерах.

- Да. Всю эту неделю Лоньон дежурил по ночам. Во вторник утром он вернулся домой, как обычно, в начале седьмого. Но вместо того чтобы поесть и лечь спать, он больше часа бегал взад-вперед по комнатам - у меня даже голова закружилась.

- Вам показалось, что он чем-то взволнован?

- Вы же знаете, господин комиссар, как он добросовестен. Я не переставая ему твержу, что он даже чересчур добросовестен, что он подрывает свое здоровье и что все равно ему никогда не дожждаться благодарности. Вы уж извините меня за откровенность, но и вы не станете отрицать, что Лоньона еще не оценили по достоинству. Ведь он только и думает что о своей работе, отдает ей все силы, живьем себя съедает...

- Итак, во вторник утром...

- В восемь часов утра он спустился вниз, чтобы купить еду. Мне стыдно, что я стала совсем беспомощная, хотя это и не моя вина. Врач запретил мне подниматься по лестнице, и Лоньону приходится самому приносить в дом все необходимое. Конечно, бегать за покупками - неподходящее занятие для такого человека, как он, я это знаю. И каждый раз я...

- Итак, во вторник утром?

- Он отправился в магазин. Потом сказал, что ему необходимо зайти в комиссариат, но что там он, наверное, долго не задержится, а спать будет после обеда.

- Он не говорил вам, чем он сейчас занимается?

- Нет, он никогда не говорит о делах. А если я, не дай бог, задам ему насчет этого какой-нибудь вопрос, он, всегда отвечает, что это профессиональная тайна.

- С тех пор он не возвращался?

- Нет, он вернулся часов в одиннадцать.

- В тот же день?

- Ну да, во вторник, около одиннадцати.

- И все так же нервничал?

- Не знаю уж, в нервах ли тут было дело или в ужасном насморке, но чувствовал он себя явно плохо. Я умоляла его подумать о себе, принять лекарство и лечь в постель. Но он ответил, что лечением займется потом, когда у него будет время, что он должен снова уйти и вернуться к обеду, а скорее всего, и раньше.

- Он пришел к обеду?

- Подождите! Господи, вы только послушайте, что я подумала: а вдруг я его больше никогда не увижу? А я как раз осыпала его упреками и все твердила, что он думает только о работе и совсем не заботится о своей больной жене!..

Мегрэ покорно ждал; ему неудобно было сидеть на таком скрипучем стуле, но он не решался откинуться на спинку, боясь, что стул вот-вот рассыплется.

- Через четверть часа после его ухода, а может быть, даже и четверти часа не прошло, короче, около часа дня я услышала на лестнице чьи-то шаги и подумала, что это, наверно, к жиличке с шестого этажа... Эта дама, между нами говоря, вызывает...

- Да, так, значит, шаги на лестнице...

- Шаги затихли на нашей площадке... Я как раз только прилегла - доктор велел мне отдыхать после каждой еды. Раздался стук в дверь, но я не двинулась с места. Лоньон мне советовал не открывать, если люди, постучав, не называют себя. Когда работаешь в полиции, нельзя не иметь врагов, не правда ли? Вы понимаете, как я была удивлена, когда услышала, что дверь сама открылась, а потом раздались шаги сперва в прихожей, потом в столовой. Их было двое, двое мужчин. Они заглянули в спальню и увидели меня. Я крикнула, чтобы они немедленно убирались вон, грозила позвать полицию и даже протянула руку к телефону на ночном столике.

- Ну?

- Тогда один из них, тот, что поменьше ростом, пригрозил мне револьвером и сказал что-то, видимо, по-английски.

- Что это были за люди?

- Не знаю, как вам сказать. Они были очень хорошо одеты. Оба курили сигареты. Шляп они не сняли. Казалось, они были удивлены, не обнаружив того, что искали. "Если вам нужен мой муж..." - начала я, но они меня не стали слушать. Тот, что повыше, обошел квартиру, а маленький тем временем не спускал с меня глаз. Они заглянули даже под кровать и порылись в стенном шкафу.

- А в ящиках они не рылись?

- Эти два - нет. Они пробыли здесь не больше пяти минут, ни о чем меня не спросили и преспокойно ушли, словно их визит был чем-то вполне естественным.

Конечно, я тут же бросилась к окну и увидела, как они стоят на тротуаре возле большой черной машины и что-то обсуждают. Длинный сел в машину, а второй пошел пешком до угла улицы Колэнкур. Мне показалось, что он вошел в бар. Я тут же позвонила мужу в комиссариат.

- Он оказался на месте?

- Да, он только что туда пришел. Я рассказала ему, что произошло.

- Он был удивлен?

- Кто его знает. По телефону он всегда разговаривает каким-то странным тоном.

- Он попросил вас описать этих людей?

- Да, и я это сделала.
- Опишите их и мне.
- Очень смуглые, похожие на итальянцев, но я убеждена, что говорили они не по-итальянски. Мне кажется, что главным был длинный - красивый мужчина, ничего не скажешь, только, пожалуй, слишком полный, лет сорока. У него был такой вид, словно он только что вышел из парикмахерской.
- А маленький?
- Тот выглядел куда вульгарней! Нос у него перебит, уши как у боксера, золотой зуб. На нем была серая шляпа и серый плащ, а на его товарище новенькое, с иголки пальто, знаете, такое, из верблюжьей шерсти...
- Ваш муж прибежал домой?
- Нет.
- Он прислал полицейских?
- Нет. Он только попросил меня не волноваться, если ему придется несколько дней отсутствовать. Когда я его спросила, что же я буду есть, он мне ответил, что едой он меня обеспечит.

***

- Тот, что поменьше ростом, пригрозил мне револьвером, - сказала мадам Лоньон.
- И он это сделал?
  - Да. Вчера утром пришел посыльный и принес продукты. И сегодня тоже.
  - Вчера вы не имели никаких сведений о Лоньоне?
  - Он звонил мне дважды по телефону.
  - А сегодня?
  - Один раз, часов в девять утра.
  - Вы не знаете, откуда он вам звонил?
  - Нет. Он никогда не говорит, где он находится. Не знаю, как себя ведут другие полицейские инспекторы со своими женами, но он...
  - Простите, вернемся к сегодняшнему визиту.
  - Я снова услышала на лестнице шаги.
  - В котором часу?
  - Вскоре после того как пробило десять. Я не поглядела на будильник. Быть может, в половине одиннадцатого.
  - Это были те же люди?
  - Вероятно, но вошел сюда тип, которого я прежде не видела. Он не постучал, а сам открыл дверь, словно у него был ключ. Наверно, он пользовался отмычкой. Я как раз возилась на кухне, чистила овощи и вдруг увидела его - он стоял в дверях. "Не двигайтесь с места, - сказал он. - А главное, не кричите. Я вам ничего не сделаю".
  - Он говорил с акцентом?
  - Да. По-французски он говорил не очень хорошо, с ошибками. Я почти уверена, что это американец: высокий, рыжеватый блондин, косая сажень в плечах и жует резинку... Типичный американец... Он с любопытством глядел по сторонам, словно впервые попал в парижскую квартиру. Он сразу же заметил в гостиной на стене, в рамочке из черного дерева с позолотой,

диплом, который Лоньон получил за двадцать пять лет безупречной службы в полиции. В дипломе были обозначены фамилия мужа и его звание. "Шпик, черт побери! - воскликнул он и, обернувшись ко мне, спросил:

- Где ваш муж?" Я ответила, что понятия не имею, но это, как мне показалось, его несколько не беспокоило, он тут же стал выдвигать все ящики и просматривать лежавшие там документы, счета и письма. Затем он покидал все это как попало обратно, часть бумаг упала на пол. Он нашел и нашу фотографию, снятую пятнадцать лет назад, взглянул на меня, покачал головой и сунул ее себе в карман.

- Короче, он, видимо, не предполагал, что ваш муж работает в полиции?

- Не могу сказать, что это его особенно поразило, но убеждена, что он этого не знал, когда явился сюда.

- Он спросил вас, в каком комиссариате служит ваш муж?

- Он спросил, где бы он мог его найти. Я ответила, что в точности не знаю, что муж никогда не говорит со мной о своей работе.

- О чем он еще спрашивал?

- Ни о чем. Он продолжал разглядывать все, что ему попадалось под руку.

- В ящике лежали и деловые бумаги?

- Да. Кое-что он сунул себе в карман вместе с фотоснимком. На верхней полке буфета стояла бутылка кальвадоса, и он налил себе большую рюмку.

- Это все?

- Он даже заглянул под кровать и в оба стальных шкафа. Потом он вернулся в столовую, выпил еще рюмку кальвадоса, с насмешливой улыбкой поклонился мне и ушел.

- Вы не обратили внимания, он был в перчатках?

- Да, в перчатках из свиной кожи.

- А те двое в тот раз?

- Кажется, они тоже были в перчатках. Во всяком случае, тип, который грозил мне пистолетом.

- Вы и сегодня подошли к окну после его ухода?

- Да, я видела, как он вышел из дому и направился к перекрестку; на углу улицы Колэнкур его поджидал один из тех двух типов, тот, что поменьше ростом. Я немедленно позвонила в комиссариат на улице Ла Рошфуко и попросила Лоньона. Мне сказали, что утром его не было и что они его не ждут, а когда я стала настаивать, мне объяснили, что он не появился и прошлой ночью, хотя это было его дежурство.

- Вы им сообщили, что у вас происходит?

- Нет. Я тут же подумала о вас, господин комиссар. Видите ли, я ведь знаю Лоньона как облупленного. Он готов в лепешку расшибиться, лишь бы все сделать как можно лучше. До сих пор никто еще не оценил его по достоинству, но он мне часто говорил о вас. Я знаю, вы не похожи на других, вы ему не завидуете, вы... Я боюсь, мосье Мегрэ. Должно быть, Лоньон замахнулся на людей, с которыми ему не справиться, и бог знает, где он сейчас находится...

Их прервал телефонный звонок. Госпожа Лоньон вздрогнула:

- Вы разрешите?

Мегрэ услышал, как она вдруг заговорила обиженным тоном:

- Как! Это ты? Где ты? Я звонила в участок, и мне сказали, что со вчерашнего дня ты туда не заглядывал. К нам приехал комиссар Мегрэ.

Мегрэ подошел к ней и протянул руку к трубке.

- Разрешите?.. Алло! Лоньон, это вы? Лоньон не мог вымолвить ни слова, должно быть, он застыл, стиснув зубы и глядя в одну точку.

- Скажите, Лоньон, где вы сейчас находитесь?

- В комиссариате.

А я - в вашей квартире, в обществе вашей жены. Мне необходимо с вами поговорить. Я сейчас заеду на улицу Ла Рошфуко. Ждите меня... Что вы говорите?

Он с трудом расслышал, как инспектор пробормотал:

- Я бы предпочел встретиться с вами в другом месте... Я вам потом объясню, господин комиссар...

- Тогда через полчаса я буду ждать вас у себя, на Набережной Орфевр.

Он повесил трубку и взял шляпу.

- Как вы думаете, беды не случится? - спросила госпожа Лоньон.

И так как Мегрэ глядел на нее, явно не понимая вопроса, она добавила:

- Он такой отчаянный и такой усердный, что иногда...

***

- Пусть войдет.

Лоньон промок до нитки. Брюки и ботинки его были в таком виде, что казалось, он шатался всю ночь по улицам. К тому же его замучил страшнейший насморк, и он ни на минуту не выпускал из рук носового платка. Слегка наклонив голову, как человек, ожидающий выговора, он застыл посреди комнаты, не подходя к Мегрэ.

- Садитесь, Лоньон. Я только что от вас.

- Что вам рассказала жена?

- Полагаю, все, что знала.

Наступила довольно долгая пауза, которой Лоньон воспользовался, чтобы высморкаться, но поднять глаза и посмотреть Мегрэ прямо в лицо он так и не решился. Комиссар знал, как обидчив Лоньон, и поэтому медлил, соображая, с чего лучше начать разговор.

Характеристика, которую госпожа Лоньон дала своему мужу, не была такой уж неточной. Этот болван от излишнего усердия постоянно попадал в дурацкие положения и был при этом уверен, что весь мир в сговоре против него, что все вокруг тайно строят козни, чтобы помешать ему получить повышение.

И удивительнее всего то, что инспектор Лоньон был вовсе не глупым и действительно на редкость добросовестным и честным человеком.

- Она лежит? - спросил он, прерывая затянувшееся молчание.

- Когда я приехал, она была на ногах.

- Сердится?

- Располагайтесь поудобней, Лоньон, и не отводите глаз. Вне зависимости от того, что мне наговорила ваша жена, достаточно взглянуть на вас, чтобы понять: с вами происходит что-то неладное. Вы мне непосредственно не подчиняетесь, следовательно, ваши дела меня как бы не касаются. Но раз уж ваша супруга обратилась ко мне, может быть, все же лучше посвятить меня в то, что приключилось. Как вы думаете?

- Думаю, вы правы.

- В таком случае я попрошу вас рассказать мне все, вы понимаете, все, а не почти все.

- Понимаю.
- Очень хорошо. Курите, пожалуйста.
- Я не курю.

Это было правдой. Мегрэ просто забыл, что Лоньон не курит из-за жены, которой делается дурно от запаха табака.

- Что вы знаете об этих гангстерах?
- Я думаю, это настоящие гангстеры.
- Американцы?
- Да.
- Как вы с ними связались?

- Сам толком не пойму. Я оказался сейчас в таком положении, что, наверное, лучше вам во всем чистосердечно признаться, даже если я потеряю из-за этого место.

Он не сводил глаз с письменного стола, и его нижняя губа дрожала.

- Все равно рано или поздно это должно было случиться.
- Что именно?
- Вы сами знаете. Меня держат только потому, что нет повода меня уволить, потому что им еще ни разу не удалось ко мне прицепиться, все они уже много лет так и норовят застукать меня...

- Кто они?

- Да все.

- Послушайте, Лоньон!..

- Да, господин комиссар!

- Пожалуйста, не считайте себя жертвой, которую все преследуют, - это просто смешно!

- Извините, господин комиссар.

- Да что вы стоите точно в воду опущенный? Взгляните хоть разок на меня.

Ну вот, так-то оно лучше, так вы хоть похожи на мужчину. А теперь выкладывайте, в чем дело.

Лоньон не плакал, но от насморка глаза его слезились, он ежесекундно подносил платок к лицу, и это раздражало Мегрэ.

- Ну так я вас слушаю.

- Это случилось в понедельник, вернее в ночь с понедельника на вторник.

- Вы дежурили?

- Да. Было что-то около часа ночи. Притаившись, я наблюдал за происходящим вокруг.

- Где вы стояли?

- За оградой церкви Нотр-Дам де Лорет, на улице Флешье.

- Выходит, на чужом участке?

- Нет, как раз на границе двух участков; правда, улица Флешье относится к третьему кварталу, но следил я за баром на углу улицы Мартир, которая входит в мой участок. Мне донесли, что туда по ночам заходит один тип, торгующий кокаином. Улица Флешье плохо освещена и в такой поздний час всегда пустынна.

Вдруг из-за угла улицы Шатодэн появилась какая-то машина, резко затормозила и на мгновение остановилась метрах в десяти от меня. Люди, сидевшие в машине, меня не заметили. Дверца распахнулась, и на тротуар выбросили человека, точнее, труп человека; затем машина сорвалась с места и умчалась по улице Сен-Лазар.

- Вы записали ее номер?

- Да. Прежде всего я кинулся к труп. Я мог поклясться, что человек этот мертв, но все же мне надо было в этом убедиться. В темноте я ощупал его грудь и тут же отдернул руку - рубаха была пропитана липкой, еще теплой кровью.

Нахмутив брови, Мегрэ пробормотал:

- Что-то я ничего об этом не читал в сводке происшествий за ту ночь.

- Знаю.

- Каким же образом?..

- Сейчас я вам объясню. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что поступил неправильно. Быть может, вы мне даже не поверите...

- Что стало с телом?

- Вот именно об этом я и хочу рассказать. Полицейского поблизости не оказалось. Бар - он находился метрах в ста от места происшествия - был еще открыт. Я бросился туда, чтобы позвонить.

- Кому?

- В комиссариат третьего квартала.

- Вы позвонили?

- Я подошел к стойке, чтобы взять жетон для автомата, и, машинально бросив взгляд через окно на улицу, увидел вторую машину, которая свернула с улицы Флешье на улицу Нотр-Дам де Лорет и затормозила у того места, где лежал труп. Тогда я выскочил из бара, чтобы записать ее номер, но машина была уже слишком далеко.

- Такси?

- Не думаю. Все это произошло очень быстро. Я почувствовал что-то неладное и со всех ног кинулся к церкви. Трупа у решетки не оказалось.

- И вы не доложили об этом?

- Нет.

- Вам не пришло в голову, что если сообщить номер первой машины, ее, может быть, удалось бы задержать?

- Я подумал об этом, но решил, что люди, способные на такие вещи, не настолько глупы, чтобы долго развезжать на этой машине.

- И вы не написали рапорта о происшедшем? Мегрэ, конечно, понял, в чем дело. Долгие годы бедняга Лоньон ждал, что ему посчастливится напасть на какое-нибудь громкое дело, которое привлечет к нему всеобщее внимание. И, как нарочно, всякий раз, когда на его участке происходило что-нибудь серьезное, он либо не дежурил, либо по тем или иным причинам розыск поручали оперативной группе с Набережной Орфевр.

- Я знаю, что поступил неправильно. Я понял это очень скоро, еще ночью, но, поскольку я тут же не доложил начальству, было уже поздно...

- Вы нашли машину?

- Утром я отправился в префектуру, просмотрел списки и установил, что эта машина приписана к гаражу у ворот Майо. Я пошел туда и выяснил, что в этом гараже можно взять машину напрокат - на день, два или даже на месяц.

- Машина была на месте?

- Нет. Ее взяли за два дня до этого на неопределенный срок. Мне показали регистрационную карточку клиента - это был некий Билл Ларнер, подданный США, проживающий в гостинице "Ваграм" на авеню Де Ваграм.

- Вы застали там Ларнера?

- Нет, он ушел из гостиницы в четыре часа утра.

- Вы хотите сказать, что до четырех утра он находился в своей комнате?

- Да.

- Значит, в машине его не было?

- Наверняка. Портье видел его, когда он поднимался к себе в номер, - это было около двенадцати ночи. В половине четвертого утра Ларнеру позвонили, и он тут же ушел.

- Вещи он взял с собой?

- Нет. Он сказал, что идет на вокзал встретить друга и вернется к завтраку.

- Конечно, он не вернулся?

- Нет.

- А машина?

- Утром ее обнаружили возле Северного вокзала. - Лоньон снова высморкался и с виноватым видом поглядел на Мегрэ. - Повторяю, я поступил неправильно.

Сегодня уже четверг, а я со вторника, с самого утра, безуспешно пытаюсь во всем этом разобраться. Двое суток я не был дома.

- Почему?

- Жена вам, наверное, сказала, что во вторник, едва я ушел, они явились ко мне домой. Ведь это о чем-то говорит, верно?

Мегрэ его не перебивал.

- По-моему, здесь может быть только одно объяснение: выбросив труп на тротуар, они заметили, что кто-то стоит в тени у решетки. Они подумали, что, вероятно, я записал номер их машины, и бросили ее у вокзала, а потом позвонили Биллу Ларнеру и предупредили его - ведь по регистрационной карточке в гараже его теперь легко найдут.

Мегрэ слушал, рисуя что-то в блокноте.

- А дальше что?

- Не знаю. Я ведь только высказываю предположение: должно быть, они просмотрели газеты и убедились, что об этом деле молчат.

- А как узнали ваш адрес?

- Я нахожу этому только одно объяснение, и оно доказывает, что мы имеем дело с очень ловкими людьми, с профессионалами высокого класса. Видимо, кто-то из них дежурил возле гаража, когда я приходил туда справиться о машине, и выследил меня. А как только я, позавтракав, ушел из дому, они проникли в мою квартиру.

- Они что, надеялись найти у вас труп?

- Вы тоже так думаете?

- Не знаю... Почему вы с тех пор не были дома?

- Потому что они, скорее всего, наблюдают за домом.

- Вы их боитесь, Лоньон?

Щеки Лоньона стали такими же пунцовыми, как и его нос.

- Я предполагал, что меня в этом заподозрят. Но это неправда. Я хотел только сохранить свободу передвижения. Я снял комнату в маленькой гостинице на площади Клиши. С женой я говорю по телефону. Все это время я работаю без устали. Я обошел больше ста гостиниц в районе Терн, вокруг авеню Де Ваграм и авеню Дел Опера. Жена описала мне тех двух типов, которые ворвались к нам в дом. Я побывал в префектуре, в отделе иностранцев. При этом я делал и всю свою текущую работу...

- Короче говоря, вы надеялись, что сумеете один расследовать это дело?

- Сперва - да. Я считал, что это мне окажется под силу. А теперь я отступаю. Пусть будет что будет.

Бедный Лоньон! Несмотря на свои сорок семь лет и неприятную внешность, он минутами напоминал обиженного мальчишку, повзрослевшего сорванца, ненавидящего взрослых, от которых зависит.

- Сегодня они нанесли вашей жене второй визит, и она, не сумев вас найти, позвала меня.

Инспектор был в отчаянии. Он посмотрел на Мегрэ с таким видом, словно хотел сказать, что теперь ему уже все безразлично.

- На этот раз приходили не те два типа, что во вторник, а высокий блондин, почти рыжий...

- Это Билл Ларнер, - пробурчал Лоньон, - мне его так описали.

- Он унес вашу фотографию и, видимо, какие-то документы. На углу его ждал один из тех двух, что уже были у вас. Они ушли вместе.

- Я полагаю, что должен ответить за свой проступок перед судом чести.

- Об этом мы еще успеем поговорить.

- Когда?

- После завершения следствия. Лоньон нахмурил брови, лицо его по-прежнему было мрачным.

- Главное сейчас - найти этих людей. Надеюсь, вы того же мнения?

- И я буду в этом участвовать? Мегрэ ничего не ответил.

Глава 2

В КОТОРОЙ ИНСПЕКТОР ЛОНЬОН ИЗ КОЖИ ВОН ЛЕЗЕТ, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОН БЛАГОВОСПИТАННЫЙ ЧЕЛОВЕК, ХОТЯ РЕЧЬ ИДЕТ О ЛИЧНОСТЯХ ВЕСЬМА ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ

Было около пяти часов, когда Мегрэ соединили наконец с Вашингтоном. Уже давно пришлось зажечь свет, а многочисленные посетители успели за день так затоптать пол в его кабинете, что он стал темным. В самом ли деле табак в такую погоду меняет вкус или Мегрэ тоже подхватил грипп?

Он услышал, как телефонистка объявила по-английски:

- Парижская Сыскная полиция. Комиссар Мегрэ у аппарата.

И тут же раздался молодой, веселый, сердечный голос Джимми Макдональда:

- Алло! Жюль?

За время своей поездки по Соединенным Штатам Мегрэ привык, правда не без труда, к такому обращению, но все же и теперь ему это давалось нелегко.

Поэтому он задержал на мгновение дыхание, прежде чем в свою очередь произнести:

- Алло, Джимми!

Макдональд, один из основных сотрудников ФБР, сопровождал Мегрэ в поездке по крупным городам США. Это был высокий сероглазый парень; галстук он почти всегда таскал в кармане, а пиджак перекидывал через руку.

За океаном после пятиминутного знакомства все обычно называют друг друга по имени.

- Как Париж?

- Хлещет дождь.

- А у нас солнышко.
- Послушайте, Джимми, мне нужна справка. Прежде всего, известен ли вам некий Билл Ларнер?
- Sweet <Sweet Билл означает Нежный Билл.> Билл?
- Не знаю. Я знаю только имя - Билл Ларнер. Судя по внешности, ему лет сорок.
- Видимо, это он. Он уехал из Штатов года два назад и проболтался несколько месяцев в Гаване, прежде чем отправиться в Европу.
- Опасен?
- Он не убийца, если вы это имеете в виду, но один из самых ловких воров, так сказать, американской школы. Мошенник высшего класса; никто не умеет лучше его выманить у наивного обывателя пятьдесят долларов, посулив ему в будущем миллион. Так, значит, он у вас?
- Да, он в Париже.
- Быть может, по французским законам вам удастся отправить его за решетку. У нас это никогда не получалось: невозможно было собрать достаточно улики и всякий раз приходилось выпускать его на свободу. Хотите, я вам вышлю копию его досье?
- Если можно. Но это еще не все. Я вам прочту сейчас список фамилий. Если попадутся знакомые, скажите.

Мегрэ дал задание Жанвье. Сыскная полиция достала списки всех пассажиров, высадившихся в Гавре и Шербуре за последние несколько недель. От портовых инспекторов, которые проверяли паспорта при посадке, были получены сведения, которые позволили сразу же исключить из этого списка значительное число имен.

- Вы меня хорошо слышите?
- Будто вы находитесь в соседнем кабинете. На десятой фамилии Макдональд прервал своего французского коллегу:
- Вы сказали - Чинаглиа?
- Чарли Чинаглиа.
- Он тоже у вас?
- Прибыл две недели назад.
- Этого бы хорошо не выпускать из поля зрения. Он уже сидел в тюрьме раз пять или шесть и, если бы не умел выходить сухим из воды, давно угодил бы на электрический стул. Это - убийца. К несчастью, он попадался только за ношение оружия, драки с увечьем, бродяжничество и тому подобное...
- Как он выглядит?
- Маленького роста, всегда одет с излишней тщательностью, на пальце бриллиантовое кольцо, носит ботинки только с высокими каблуками. Нос перебит, уши как у боксера.
- Похоже, он прибыл вместе с неким Чичеро, который занимал соседнюю каюту.
- Черт подери! Тони Чичеро работал с Чарли в Сен-Луи, но сам в мокрых делах не участвует - он, так сказать, мозговой трест.
- У вас есть о них какие-нибудь материалы?
- Достаточно, чтобы создать целую библиотеку. Пошлю вам самое интересное. И фотографии. Сегодня же, вечерним самолетом.
- Остальных фамилий Макдональд не знал.

Мегрэ надо было поговорить по поводу другого дела с начальником Сыскной полиции, поэтому он вышел из кабинета с папкой протоколов в руке. Пересекая приемную, он почувствовал

на себе чей-то взгляд, обернулся и с удивлением обнаружил в самом темном углу, на краешке кресла, Лоньона; когда инспектор увидел, что Мегрэ его заметил, по его лицу скользнула жалкая улыбка.

Было около шести. Почти все инспекторы уже ушли, и длинный, всегда пыльный коридор был совершенно пуст.

Если Лоньону необходимо было с ним снова поговорить, он должен был бы ему позвонить по телефону либо доложить о своем приходе через секретаря. На худой конец, просто зайти в комнату инспекторов: ведь как-никак он тоже служит в полиции!

Но нет, Лоньон повел себя совсем по-другому! Он совершил ошибку и теперь, видно, испытывал потребность оказаться в унижительном положении - сидеть и часами ждать, как жалкий бесправный проситель, пока Мегрэ, проходя мимо, случайно не обратит на него внимание.

Мегрэ чуть не рассердился, потому что чувствовал в поведении Лоньона смирение паче гордости. Лоньон как бы говорил своим видом: "Вот видите, я провинился, и вы могли бы вызвать меня на дисциплинарный совет. Но вы проявили доброту. Я это понимаю и должен теперь все стерпеть, как человек, которому оказывают милость". Какая чушь! В этом весь Лоньон, и, может, именно из-за его жалкого вида так тягостно было ему помогать. Даже простуда его была как бы не только простудой, но искуплением вины!

За это время Лоньон успел переодеться. Но и этот костюм был не лучше прежнего. Ботинки он тоже сменил, и пока они были еще сухие, но пальто на нем было все то же, насквозь промокшее, хоть выжимай, - видно, другого у него не было.

Он, вероятно, приехал на автобусе и долго ждал его на остановке, под проливным дождем, ждал, словно бросал всем вызов: "Глядите на меня! Машины мне не дают, а такси я нанять не могу, вернее, не хочу, я не намерен потом объясняться с нашим кассиром, который всех подозревает в жульничестве, когда принимает отчеты о служебных расходах. Я не жулик. Я честный человек.

Абсолютно честный!"

- Вы хотите со мной поговорить? - спросил Мегрэ.

- Мне не к спеху. Я подожду, пока вы сможете меня принять.

- Тогда пройдите в мой кабинет.

- Разрешите мне подождать вас здесь. Болван! Мрачный болван! И все же как его не пожалеть?

Он наверняка очень несчастен и ест себя поедом.

Когда двадцать минут спустя Мегрэ вышел из кабинета начальника, он застал Лоньона на том же месте; тот сидел неподвижно, и с пальто его, как с зонтика, стекали на пол крупные капли.

- Заходите ко мне, садитесь.

- Я подумал, что должен сообщить вам все, что мне удалось узнать. Сегодня утром вы мне не дали никаких точных указаний, и я понял, что мне следует попытаться сделать то небольшое, что в моих силах.

Все то же чрезмерное самоуничижение. Правда, обычно Лоньон был несносен из-за чрезмерной гордости.

- Я вернулся в гостиницу "Ваграм". Билл Ларнер там так и не появлялся, но мне удалось собрать о нем кое-какие сведения.

Мегрэ едва не сказал: "Мне тоже", но сдержался. К чему это?

- Он в течение почти двух лет занимает один и тот же номер. Я зашел туда.

Там по-прежнему лежат его вещи. По всей видимости, он забрал с собой только портфель с документами и бумагами, потому что в ящиках я не нашел ни паспорта, ни писем. Он одевается у самых дорогих портных, живет широко и щедро дает на чай. Я спросил, бывают ли у него друзья.

Мне ответили, что нет. Зато ему то и дело звонят. Писем он не получает никогда. Один из дежурных администраторов сказал, что Ларнер часто обедает в ресторане у Поччо на улице Акаций, - во всяком случае, он несколько раз видел, как Ларнер туда заходил.

- Вы были у Поччо?

- Нет еще. Я подумал, что, может быть, вы сами захотите туда отправиться.

Зато я говорил со служащими почтового отделения на улице Ноель. Ему пишут туда "до востребования". В основном он получает письма из Соединенных Штатов. Вчера утром он заходил за своей корреспонденцией. Сегодня его там еще не видели, но на его имя, правда, ничего и не поступило.

- Это все, что вы узнали?

- Почти. Я побывал еще в префектуре, в отделе регистрации иностранцев, и нашел его досье - ведь он попросил вид на жительство в Париже по всей форме.

Родился он в штате Омаха, это в Америке, но где точно, не знаю; ему сорок пять лет.

Лоньон вытащил из своего бумажника небольшую фотографию - несколько таких фотографий иностранцы должны сдавать при оформлении вида на жительство. Судя по этой фотографии, Билл Ларнер - красивый мужчина, с живыми и веселыми глазами, этаким бонвиван, пожалуй только чуть-чуть отяжелевший.

- Вот все, что мне удалось узнать. Я пытался обнаружить отпечатки пальцев в своей квартире, но их не оказалось. Дверь, правда, они открыли отмычкой, но работали, видно, в перчатках.

- Ваша жена чувствует себя лучше?

- Вскоре после моего прихода у нее был припадок. Сейчас она лежит в постели.

Разве он не мог бы рассказать все это более естественным тоном? Он словно извинялся за болезнь жены, - казалось, и тут он считал себя лично во всем виноватым.

- Ах да, чуть не забыл. Я еще заскочил в гараж у ворот Маио, чтобы показать им фотографию. Они подтвердили, что именно Ларнер взял у них напрокат машину. Когда надо было внести деньги в залог, он вытащил из кармана брюк целую пачку банкнотов. Говорят там были купюры даже в тысячу франков. Машина оказалась на месте, и я ее тщательно осмотрел. Ее недавно вымыли, но на заднем сиденье я обнаружил пятна - должно быть, пятна крови.

- Нет ли пробоин или вмятин от пуль?

- Не заметил.

И Лоньон снова принялся сморкаться с тем же видом, с каким женщины, понесшие тяжелую потерю, вдруг ни с того ни с сего начинают вытирать слезы во время самого пустого разговора.

- Что вы теперь намерены делать? - спросил комиссар, стараясь не глядеть на Лоньона.

От одного вида его красного носа и влажных глаз у Мегрэ самого стали слезиться глаза, и ему показалось, что и у него разыгрался грипп. Но он не мог не испытывать жалости к Лоньону: несмотря на этот ужасный, холодный дождь, бедняга несколько часов мотался взад-вперед по Парижу, хотя все, что он узнал, можно было выяснить по телефону. Но стоит ли об этом говорить? Не испытывал ли Лоньон потребности таким образом наказать себя?

- Я буду делать все, что вы мне поручите. Я вам крайне благодарен, что вы мне разрешаете принимать участие в расследовании, хотя и понимаю, что я никак не могу на это претендовать.

- Ваша жена ждет вас к обеду?

- Она меня никогда не ждет. Но даже если бы она меня ждала...

Мегрэ хотелось крикнуть: "Прекратите! Ведите себя, как мужчина, черт побери!" Но вместо этого он, как бы помимо воли, сделал вдруг Лоньону нечто вроде подарка:

- Послушайте, Лоньон, сейчас половина седьмого. Я позвоню домой, скажу жене, что задержусь, и мы вместе пообедаем у Поччо. Быть может, мы обнаружим там что-нибудь интересное.

Он зашел в соседнюю комнату, дал какие-то указания Жанвье, натянул на себя свое толстое пальто, и несколько минут спустя они уже поджидали такси на углу набережной. Дождь все не утихал. Париж напоминал туннель, по которому мчится поезд: свет огней казался неестественным, а люди жались к стенам, словно старались укрыться от какой-то таинственной опасности.

Уже в пути Мегрэ пришла в голову новая идея, и он попросил остановить машину у первого попавшегося быстро.

- Мне надо позвонить. А заодно глотнем по рюмочке.

- Я вам нужен?

- Нет, а что такое?

- Я предпочел бы подождать вас в машине. От спиртного у меня всегда изжога.

Это был небольшой бар для шоферов. В жарко натопленном зале воздух был сизый от дыма. Рядом с кухней висел телефон.

- Отдел иностранцев? Это ты, Робен? Добрый вечер, старик. Взгляни, пожалуйста, есть ли в регистрационных книгах имена, которые я тебе сейчас назову.

И он продиктовал по буквам фамилии Чинаглиа и Чичеро.

Имен этих в книгах не оказалось. Чинаглиа и Чичеро в префектуру не заходили: видимо, они не собирались долго оставаться в Париже.

Улица Акаций!

Мегрэ казалось, что в этот день он был чрезмерно великодушен: пока они ехали в такси, он рассказал Лоньону о том, что он уже успел предпринять.

- Вне всякого сомнения, именно Чарли Чинаглиа и Чичеро посетили во вторник вашу квартиру. Несомненно также, что они действовали в сговоре с Ларнером, который достал им машину. А потом этот Ларнер и самолично явился к вам. Видимо, он вынужден был это сделать потому, что те два типа не говорят по-французски.

- Мне это тоже приходило в голову.

- В первый раз они искали не документы, а человека, живого или мертвого, того самого, которого они выбросили из машины на улице Флешье. Вот почему они заглядывали под кровать и открывали стенные шкафы. Ничего не найдя, они решили выяснить, кто вы такой, где вас можно увидеть, и послали к вам Ларнера, а он уже рылся в ящиках.

- Теперь они знают, что я работаю в полиции.

- Это их не обрадовало. И то, что газеты молчат об этом деле, их тоже, вероятно, тревожит.

- Вы не боитесь, что они смоются?

- На всякий случай я предупредил вокзалы, аэродромы и полицию на шоссе на дорогах. Я дал их приметы. Вернее, в данный момент этим занимается Жанвье.

Несмотря на темноту, он уловил, что улыбка скользнула по губам Лоньона.

Нетрудно было догадаться о ходе его мыслей:

"Вот почему все кричат о великом Мегрэ! Когда инспектору вроде меня нужно как угорелому носиться по Парижу, чтобы собрать кое-какие жалкие сведения, знаменитому комиссару достаточно позвонить в Вашингтон и дать задания целому штату сотрудников оповестить вокзалы и полицию!"

Браво, Лоньон! Мегрэ захотелось похлопать его по колену и сказать: "Даними же ты маску, стань самим собой!" А может быть, Лоньон почувствовал бы себя несчастным, если бы лишился

прозвища "горе-инспектор"? Он испытывал настоящую потребность жаловаться, ворчать, чувствовать себя самым невезучим человеком на свете.

Такси остановилось на узкой улице Акаций у ресторана Поччо, окна и дверь которого были задернуты занавесками в бело-красную клетку. Переступая порог, Мегрэ почувствовал, как на него пахнуло Нью-Йорком, таким, каким он его увидел тогда благодаря Джимми Макдональду. Ресторан Поччо походил не на парижский ресторан, а на одно из тех заведений, которые можно найти почти на любой улице вблизи Бродвея. Свет в зале был притушен, к этому полумраку надо было привыкнуть; сперва не удавалось разглядеть ни одного предмета, а контуры лиц расплывались.

Вдоль стойки из красного дерева стояли высокие табуреты, а на полках между бутылок красовались маленькие флажки - американские, итальянские и французские. Радиоприемник был включен, но музыка звучала тихо. Девять или десять столиков были покрыты скатертями в красную клетку, точь-в-точь такую же, как на занавесках, а на стенах, обшитых деревом, висели фотографии боксеров и артистов, почти все с автографами.

В этот час ресторан был еще почти пуст. У стойки двое мужчин играли в кости с барменом. В глубине зала сидел молодой человек с девушкой, они ели спагетти.

Никто не бросился навстречу вошедшим; правда, все присутствующие проводили глазами эту странную пару - Мегрэ и художника, мрачного Лоньона, и на мгновение в зале воцарилось напряженное молчание, словно кто-то шепнул, едва они переступили порог: "Шухер, полиция!"

Мегрэ задержался у дверей, видимо колеблясь, не устроиться ли им у стойки. Но потом, сняв пальто и шляпу, все же решил сесть за ближайший столик. В зале вкусно пахло пряностями и чесноком. Игра возобновилась. Кости снова ударили о стойку, но бармен при этом не спускал насмешливого взгляда с новых клиентов.

Ни слова не говоря, официант протянул меню.

- Вы любите спагетти, Лоньон?
- Я закажу то же, что и вы.
- Что ж, тогда для начала две порции спагетти.
- Вино?
- Бутылку кьянти.

Мегрэ скользил взглядом по фотографиям, висящим на стенах, и вдруг встал и подошел поближе, чтобы получше рассмотреть одну из них. Снимок, привлечший его внимание, был, видимо, сделан несколько лет назад; на нем был изображен молодой боксер, в углу фотографии - дарственная надпись Поччо и подпись:

Чарли Чинаглиа.

Бармен, по-прежнему стоя за стойкой, не спускал с Мегрэ глаз. Не переставая играть, он спросил:

- Интересуетесь боксом?
- Точнее, некоторыми боксерами. Вы - Поччо?
- А вы - Мегрэ?

Они обменялись этими репликами совершенно спокойно, как бы небрежно, так же как теннисисты перед началом матча для разминки перебрасываются мячами.

Когда официант поставил на столик бутылку кьянти, Поччо сказал:

- А я думал, вы пьете только пиво.

Он был небольшого роста, почти лысый, лишь несколько очень черных волосиков торчало на самой макушке. Глаза у него были большие и круглые, нос - картошкой, похожий на нос Лоньона,

рот тоже большой и подвижный - рот клоуна. Со своими партнерами, сидевшими против него за стойкой, он разговаривал по-итальянски. Оба они были одеты с чрезмерной изысканностью, и Мегрэ без всякого сомнения нашел бы их имена в полицейском архиве. Младший явно употреблял наркотики.

- Лоньон, берите спагетти.

- После вас, господин комиссар.

Быть может, Лоньон и в самом деле никогда прежде не ел спагетти, а быть может, он все это специально разыгрывал: он тщательно подражал всем жестам Мегрэ с видом гостя, который из кожи вон лезет, чтобы понравиться хозяину.

- Невкусно?

- Да нет, что вы, вполне можно есть.

- Хотите, я закажу что-нибудь другое?

- Ни за что! Это наверняка очень питательно. Спагетти упорно соскальзывали с его вилки, и молодая женщина, сидевшая в глубине зала, не могла сдержать смеха. Кончив играть в кости, те, что стояли у стойки, пожали руку Поччо и, бросив взгляд на Мегрэ, медленно, подчеркнуто медленно двинулись к двери, словно специально демонстрируя, что им нечего бояться и что совесть их чиста.

- Поччо!

- Да, господин комиссар!

Поччо оказался еще меньше ростом, чем можно было предположить, глядя на него через стойку. У него были на редкость короткие ноги, и это особенно бросалось в глаза, потому что он носил чересчур широкие штаны.

Он подошел к столику Мегрэ и Лоньона с дежурной улыбкой на губах и с белой салфеткой под мышкой.

- Так вы, значит, любите итальянскую кухню? Вместо ответа Мегрэ снова поглядел на фотографию боксера и спросил:

- Вы давно видели Чарли?

- Вы знаете Чарли? Вы были в Америке?

- А вы?

- Я? Я там прожил двадцать лет. В Сен-Луи, в Бруклине.

- Когда Чарли приходил сюда с Биллом Ларнером в последний раз?

Разговор этот шел совсем в американском духе, и Мегрэ заметил, что Лоньон прислушивался к нему с некоторым изумлением.

И в самом деле, подобные беседы во Франции происходят обычно по-другому:

Поччо вел себя совсем не так, как этого можно было ожидать от хозяина весьма подозрительного заведения, когда его допрашивает полицейский комиссар.

Держался он крайне непринужденно, уверенно, а его большие круглые глаза искрились насмешкой. Скорчив комичную гримасу, он почесал себе затылок.

- Выходит, вы и Билла знаете? Неженку Билла, да? Очень симпатичный парень.

- Один из ваших завсегдатаев?

- Вы полагаете? Поччо подсел к ним.

- Анжелино, принеси стакан. И он налил себе кьянти.

- Не волнуйтесь, вином угощаю я. Обедом, впрочем, тоже. Не каждый же день мне выпадает честь принимать комиссара Мегрэ.

- А вы весельчак, Поччо!

- Мне всегда весело. Не то что вашему другу. Он, видно, потерял жену?.. И Поччо поглядел на Лоньона с наигранным сочувствием. - Анжелино! Ты подашь этим господам эскалопы по-флорентийски. Скажи Джиовани, чтобы он приготовил их, как для меня. Вы любите эскалопы по-флорентийски, комиссар?

- Позавчера я видел Чарли Чинаглиа.

- Вы только что прилетели из Нью-Йорка?

- Чарли в Париже!

- Seriously? Ну что за народ! Десять лет назад он звал меня только "мой Поччо", он дня без меня не мог прожить. Впрочем, если мне память не изменяет, он называл меня "папа Поччо". А теперь выясняется, что Чарли в Париже, а ко мне и носа не кажет!

- И Билл Ларнер тоже вас забыл? И Тони Чичеро?

- Повторите, пожалуйста, последнее имя. Поччо даже не пытался скрыть, что ломает комедию. Он откровенно кривлялся, словно клоун на манеже. Лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить, что, несмотря на все ужимки и шуточки, взгляд его оставался жестким и тревожным.

- Странно. Я знал немало разных Тони, но вот Тони Чичеро что-то не припомню.

- Он из Сен-Луи.

- А вы были в Сен-Луи? В этом городе я получил американское гражданство.

Ведь я - гражданин Соединенных Штатов.

- Но сейчас вы живете во Франции. И французское правительство может в один прекрасный день лишит вас лицензии на содержание ресторана.

- Почему? Разве я нарушил санитарные нормы? Драк у меня тоже не бывает можете справиться у комиссара нашего района. Господин комиссар - вы его, наверное, знаете - посещает иногда мой скромный ресторан, для меня это большая честь... В эти часы у меня всегда мало народу - моя клиентура приходит позже... Ну как, по вкусу ли вам наши эскалопы?

- У вас есть телефон?

- Конечно! Кабина вон там, в глубине зала, дверь налево, рядом с туалетом.

Мегрэ встал, направился к телефону, плотно закрыл за собой дверь, набрал номер Сыскной полиции и шепотом произнес:

- Жанвье? Я у Поччо, это ресторан на улице Акаций. Предупреди службу подслушивания, чтобы на весь вечер подключились к этому телефону. Времени у тебя достаточно - ничего интересного раньше чем через полчаса не произойдет.

Пусть записывают все разговоры, особенно если будет произнесено хоть одно из трех имен, которые я тебе сейчас назову.

И он по буквам продиктовал имена Чинаглиа, Чичеро и Билла Ларнера.

- Ничего нового?

- Ничего. Просматриваю регистрационные карточки гостиниц.

Когда Мегрэ вернулся в зал, он увидел, что Поччо пытается, правда тщетно, вызвать улыбку на лице Лоньона.

- Значит, выходит, вы пришли ко мне не ради моей итальянской кухни, комиссар?

- Послушайте, Поччо, Чарли и Чичеро уже две недели в Париже, вы это знаете не хуже меня. С Ларнером они встретились, скорее всего, у вас.

- Чичеро я не знаю, но что до Чарли, то он, должно быть, сильно изменился, раз я его не узнал.

- Ясно. По некоторым причинам мне хотелось поговорить с этими господами с глаза на глаз.

- Со всеми тремя?

- Речь идет о серьезном деле. Об убийстве. Поччо комично перекрестился.

- Вы меня поняли? Ведь мы не в Америке, где так трудно собрать улики.

- Вы меня огорчаете, комиссар. Честно говоря, я от вас такого не ожидал.

- И добавил, поднимая свой стакан:

- За ваше здоровье! Я очень рад с вами познакомиться! Я много слышал о вас, как, впрочем, и все. И я говорил себе:

"Этот человек знает жизнь, все видит насквозь". А вы приходите ко мне и обращаетесь со мной так, словно вам невдомек, что Поччо никогда никому не причинил ни малейшего зла. Вы расспрашиваете меня о каком-то давно забытом боксере, которого я н? видел десять, а то и пятнадцать лет, и думаете обо мне бог весть что...

- Стоп! Сегодня я больше не намерен обсуждать с вами все это. Я вас предупредил: речь идет о мокром деле.

- Странно, в газетах об этом ничего не было. Кого убили?

- Это не имеет значения. Но если Чарли и Чичеро в самом деле приходили сюда или если вы имеете хоть самое смутное представление о том, где они находятся, то - обещаю вам - вас будут судить как соучастника преступления.

Поччо печально покачал головой:

- Нехорошо так со мной поступать!

- Они приходили сюда, да или нет?

- Когда, по-вашему, они могли сюда прийти?

- Еще раз спрашиваю: они здесь были?

- Здесь бывает столько народу, господин комиссар! По вечерам у меня все столики заняты, часто даже на улице стоит очередь. Разве я могу всех заметить?

- Они сюда приходили?

- Знаете что! Хотите убедиться, что Поччо верный человек? Я вам обещаю: как только кто-либо из них появится у меня, я вам тут же позвоню! Это по-честному. Опишите мне Чичеро.

- Не имеет смысла.

- Тогда как же, по-вашему, мне его опознать? Разве я могу проверять паспорта своих клиентов! Сами подумайте! Я женат, господин комиссар, у меня дети. Я всегда уважаю законы страны, в которой живу. Могу вам сказать: я подал прошение на получение французского гражданства.

- После того как получили американское?

- Это было ошибкой: мне не нравится тамошний климат. Я уверен, что ваш спутник меня лучше поймет.

Он посмотрел на Лоньона в упор, с жестокой насмешкой, и тот, не зная, куда отвести глаза, громко высморкался.

- Официант! - крикнул Мегрэ.

- Я вам уже сказал, что вы - мой гость.

- Сожалею, но я не могу этого принять.

- Ваш отказ я буду рассматривать как личное оскорбление.

- Как вам угодно. Официант, принесите счет!

В сущности, Мегрэ только делал вид, что сердится. Поччо был не робкого десятка, и это импонировало Мегрэ. Нравилось ему и то, что он занимается парнями, которые оказались не по

зубам американской полиции. Что и говорить, железные ребята, - такие ведут игру до конца. Разве Макдональд не сказал ему, что Чинаглиа - убийца? Он уже предвкушал радость, которую испытает, когда позвонит через несколько дней в Вашингтон и скажет небрежным тоном:

"Алло! Джимми!.. Мне удалось их взять". Но пока что Мегрэ понятия не имел, кем же был тот человек, которого выбросили на улице Флешье, чуть ли не к ногам инспектора Лоньона. Он не знал даже, умер ли этот незнакомец. Что же касается второй машины, той, что подобрала труп или раненого, то про нее уж решительно ничего не было известно.

Видимо, во всей этой истории действовали две враждующие группы. В одну, судя по всему, входили Чарли Чинаглиа, Тони Чичеро и Ларнер.

Но кто сидел во второй машине? Почему эти люди пошли на такое рискованное дело? Если тот человек и в самом деле был мертв, то что они сделали с трупом?

Если же он был жив, то где ему оказали первую помощь?

Это дело пока напоминало уравнение с двумя неизвестными - такие дела попадаются очень редко. Видимо, американцы прибыли из-за океана для того, чтобы свести с кем-то какие-то счета, о которых французской полиции ничего не известно.

Единственной опорной точкой является сейчас ресторан Поччо. Там сразу окунаешься в атмосферу нью-йоркского кабака. И это в двух шагах от Триумфальной Арки!

- Надеюсь, настанет день, когда я с вами рассчитаюсь, - пробурчал итальянец, когда Мегрэ, заплатив по счету, встал и собрался уходить.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать, комиссар, что настанет день, а я в этом убежден, когда вы разрешите угостить вас обедом и не станете обижать меня, как сегодня, вытаскивая свои бумажник.

Его большой рот растянулся в улыбке, но глаза не улыбались. Он проводил Мегрэ и Лоньона до дверей и не отказал себе в удовольствии дружески похлопать Лоньона по плечу.

- Вызвать вам такси?

- Не стоит.

- Правда, дождь перестал. Что ж, прощайте, комиссар. Надеюсь, ваш спутник сумеет пережить потерю жены.

Наконец дверь захлопнулась, и Мегрэ с Лоньоном медленно пошли вдоль тротуара. Лоньон молчал. Быть может, в глубине души он радовался, что с Мегрэ обошлись как с новичком.

- Я велел записывать все его разговоры по телефону, - сказал комиссар, когда они уже подходили к перекрестку.

- Я это понял.

Мегрэ нахмурил брови. Если эта мысль пришла в голову даже Лоньону, когда Мегрэ вдруг спешно отправился звонить, то такой человек, как Поччо, уж наверняка догадался, в чем дело.

- В таком случае он не будет пользоваться телефоном. Скорее всего, он пошлет записку.

Улица была пустынной. Гараж напротив уже был закрыт. Асфальт на авеню Мак-Магон еще блестел от Дождя, у тротуара такси поджидало клиентов, и только вдалеке, у следующего перекрестка, можно было с трудом различить три расплывчатых силуэта.

- Думаю, что вам, Лоньон, следует остаться здесь и следить за рестораном.

Вы мало спали эти дни, я скоро пришлю кого-нибудь вас подменить.

- Всю эту неделю я дежурю по ночам.

- Но при этом вы должны были бы отсыпаться днем, а вам это не удавалось.

- Это не имеет значения.

Ну что за несносный тип! Мегрэ был вынужден проявлять с ним чудеса терпения, чего он никогда не стал бы делать с Жанвье, Люка или с любым другим своим сотрудником.

- Как только придет подменяющий вас инспектор, вы отправитесь домой и немедленно ляжете спать.

- Это приказ?

- Да, приказ. Если вам почему-либо придется отсюда уйти, прежде чем вас подменят, обязательно позвоните мне.

- Хорошо, господин комиссар.

Мегрэ расстался с ним на углу улицы, быстрым шагом направился к авеню Терн, зашел там в первое попавшееся бистро, взял с прилавка жетон и заперся в кабине телефона-автомата.

- Жанвье? Ничего нового? Служба подслушивания ничего не сообщала? Кто с тобой дежурит? Торанс? Скажи ему, чтобы он взял такси и поехал на улицу Акаций. Там стоит Лоньон, его надо подменить. Лоньон объяснит, в чем дело.

Потом он сел в такси и поехал домой.

- Да, тебе звонила мадам Лоньон, - сказала ему жена.

- А что такое?

Мегрэ налил себе рюмочку сливянки.

- Она не знает, где ее муж, и волнуется за него. Она уверяет, что когда Лоньон уходил из дому, он был явно не в себе.

Мегрэ пожал плечами и взял было телефонную трубку, но вовремя сдержался.

Хватит на сегодня! Он лег, спокойно проспал всю ночь и проснулся утром от запаха кофе. Но пока он умывался и брился, он почему-то все время думал о Лоньоне.

Когда Мегрэ в девять утра пришел в префектуру, Люка уже сменил Жанвье, который пошел спать.

- Есть сведения от Торанса?

- Он звонил вчера вечером, часов в десять. Передал, что не застал Лоньона на улице Акаций.

- Где он?

- Кто? Торанс? Все там же. Он только что звонил и спрашивал, надо ли ему там оставаться. Я велел ему позвонить еще раз через несколько минут.

Мегрэ попросил, чтобы его соединили с квартирой Лоньона.

- Это говорит комиссар Мегрэ.

- Вы не знаете, где мой муж? Я всю ночь не сомкнула глаз...

- Он не приходил домой?

- Как? Вы не знаете, где он?

- А вы?

Что за глупый вопрос! Надо было немедленно успокоить госпожу Лоньон, сказать ей хоть что-нибудь.

С того времени, как Мегрэ простился с Лоньоном на углу улицы Акаций, и до того момента, как туда приехал Торанс, прошло не больше получаса, и за это время Лоньон исчез. Он никому не позвонил и вообще не подал никаких признаков жизни.

- Признайтесь, господин комиссар, вы тоже думаете, что с ним случилось несчастье?.. Я всегда знала, что этим дело кончится... А я сижу совсем одна, беспомощная, на пятом этаже, и не могу двинуться с места.

Один бог знает, что ей сказать, чтобы хоть немного успокоить. Мегрэ в конце концов и сам расстроился.

Глава 3

В КОТОРОЙ ПОЧЧО ВЫСКАЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ ПО РЯДУ ВОПРОСОВ, В ЧАСТНОСТИ ПО ВОПРОСУ О ДИЛЕТАНТИЗМЕ

Засунув руки в карманы пальто, Мегрэ в бешенстве ходил взад-вперед и ждал, стараясь сквозь клетчатые занавески разглядеть, что происходит в ресторане. Приехав на улицу Акаций, он был очень удивлен, обнаружив, что фонарь над дверью ресторана не горит. Однако внутри свет был, правда, тусклый - зажжена была одна только лампочка где-то в глубине зала.

Он постучал в окно, и ему почудилось, что там кто-то зашевелился. Дождя в то утро не было, но холод так и пронизывал, казалось, вот-вот начнутся заморозки. Мир под темно-свинцовым небом выглядел злым и жестоким.

- Он, конечно, дома, но я бы глазам своим не поверила, если бы он вам открыл, - сказала торговка овощами, выглянув из соседней лавочки. - В этот час он всегда занимается уборкой и не любит, чтобы его беспокоили. Он откроет двери не раньше одиннадцати часов, если только вы не постучите условным стуком.

Мегрэ снова принялся стучать на разные лады, а потом приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть поверх занавесок. По всему было видно, что он сильно не в духе. Он не любил, чтобы трогали его людей, даже если речь идет о жалком инспекторе, по имени Лоньон.

Наконец в полумраке зала он заметил какую-то фигуру, по контурам напоминающую медведя. Фигура медленно двинулась к дверям, и вскоре Мегрэ увидел лицо Поччо совсем близко от своего - их разделяло только стекло окна.

Итальянец снял цепь с двери, повернул ключ и впустил гостя.

- Входите, - сказал он с таким видом, словно ожидал визита комиссара.

На Поччо были старые, чересчур широкие штаны, бледно-голубая рубашка с засученными рукавами, а на ногах - красные шлепанцы. Как бы не обращая никакого внимания на приход Мегрэ, он направился в глубину ресторана, туда, где горела лампочка, и снова сел за столик, на котором стояли остатки обильного завтрака.

- Будьте как дома. Может быть, выпьете чашечку кофе?

- Нет.

- Рюмочку коньяку?

- Тоже нет.

Нисколько не удивляясь, Поччо покачал головой, словно хотел сказать:

"Отлично! Я и не думаю обижаться!"

***

Цвет лица у него был серый, под глазами - синие мешки. В сущности, он походил не на клоуна, а скорее на старого фарсового актера, у которого лицо от непрерывных гримас стало как бы каучуковым. У таких актеров, влачащих жалкую жизнь и всегда вынужденных приспособляться к обстоятельствам, обычно появляется это неопределенное выражение лица, говорящее о полнейшем равнодушии ко всему.

В углу, у самой стены, стояли несколько метелок и ведро. За окошечком была видна кухня, оттуда тянуло запахом бекона.

- Вы, кажется, сами мне сказали, что женаты и что у вас есть дети.

Поччо почесал затылок, поднялся и взял сигару из коробки, стоящей на этажерке, зажег ее и выпустил струю дыма чуть ли не в лицо Мегрэ. Все это он проделал нарочито медленно, как при замедленной съемке в кино.

- А что, ваша жена живет в префектуре на Набережной Орфевр? - спросил наконец Поччо.

- Значит, вы живете не здесь?

- Я мог бы сказать вам, что вас это не касается. Я мог бы даже указать вам на дверь, и вы не смогли бы на это пожаловаться. Вы понимаете меня?

Вчера вечером я вас встретил, как родного, и даже хотел угостить обедом. А я ведь не шибко люблю полицейских! Надеюсь, вы на меня за это не в обиде? Но вы в своем деле мастак, а я уважаю людей, которые могут чего-то добиться.

Ладно. Вчера вы отказались быть моим гостем, дело ваше. А сегодня вы с утра заявляетесь ко мне и спрашиваете о каких-то пустяках. Я не обязан вам отвечать.

- Вы предпочитаете, чтобы я вас вызвал для допроса в полицию?

- Это другое дело, но хотел бы я поглядеть, как бы у вас это получилось.

Вы, видно, забыли, что я американский подданный, и, пока не получу указаний от своего консула, я с места не сдвинусь.

Поччо снова сел перед пустой тарелкой, положил локоть на стол, развалился на стуле, всем своим видом показывая, что он у себя дома, и сквозь дым сигары наблюдал за Мегрэ.

- Видите ли, мосье Мегрэ, вас здесь избаловали. Вчера вечером, уже после вашего ухода, мне кто-то напомнил, что вы не так давно совершили путешествие по Америке. Трудно в это поверить! Что же там ваши коллеги умудрились вам показать? Неужели они вам не объяснили, что за океаном все происходит совсем не так, как у вас на родине! А кроме того, учтите, я у себя дома, и с этим вам придется считаться. Дома, понимаете? Представьте себе, что кто-то ворвется к вам в квартиру и начнет задавать вашей жене разнообразные вопросы... Ладно, успокойтесь, я все это говорю только для того, чтобы вы поняли, с кем имеете дело, и знали, что если я с вами разговариваю, то делаю это из любезности, а не по обязанности, только потому, что хочу это делать.

И не надо мне угрожать, как вы позволили себе вчера вечером, тем, что у меня отнимут лицензию на содержание ресторана... А теперь, возвращаясь к вашему вопросу, я могу вам ответить - поскольку у меня нет никаких причин скрывать это от вас, - что моя жена и мои дети живут в деревне, здесь им торчать не к чему. Могу сообщить также, что чаще всего я ночую в комнате, расположенной над рестораном, и что по утрам я сам делаю уборку.

- Каким образом вам удалось предупредить Чарли и Ларнера?

- Простите, я вас не понимаю.

- Вчера, после моего ухода, вы сообщили Чарли и его друзьям о моем посещении.

- В самом деле?

- Но вы не пользовались телефоном.

- Я полагаю, что мои разговоры по телефону подслушивали?

- Где Чарли?

Поччо вздохнул и бросил взгляд на фотографию Чинаглиа - боксера.

- Вчера, - продолжил Мегрэ, - я вас предупредил, что дело серьезное.

Сегодня оно стало еще серьезнее, потому что инспектор, который меня сопровождал, исчез.

- Этот весельчак?

- Выйдя от вас, я расстался с ним на углу улицы, где он должен был ждать, чтобы его сменили. Полчаса спустя его там не оказалось, и до сих пор неизвестно, где он. Вы понимаете, что это значит?

- А зачем мне это понимать? Мегрэ с трудом заставил себя сдержаться. Он не отрывал взгляда от лица Поччо.

- Я хочу знать, как вы их предупредили. Я хочу знать, где они скрываются.

Билл Ларнер больше не возвращался в гостиницу "Баграм". Двое других тоже где-то прячутся. Скорей всего, они в Париже и, видимо, недалеко отсюда, раз вам удалось через несколько минут сообщить им о моем появлении, не пользуясь телефоном. Садитесь-ка лучше за стол, Поччо. В котором часу приходит официант?

- В двенадцать.

- А повар?

- В три. Завтрак мы не готовим.

- Я допрошу их обоих.

- Это ваше дело.

- Где Чарли?

Поччо, который как будто что-то обдумывал, медленно поднялся и, вздохнув, словно нехотя, направился к фотографии боксера и стал ее внимательно разглядывать.

- Во время путешествия по Соединенным Штатам вы посетили Чикаго, Детройт, Сен-Луи, не правда ли?

- Я объездил весь Средний Запад.

- Вы, наверное, обратили внимание на то, что парни там не похожи на выпускников средних школ, готовящихся к конфирмации?

Мегрэ ждал, не понимая еще, к чему ведет Поччо.

- Пять лет кряду я работал метрдотелем в Чикаго, прежде чем смог завести собственное дело. Я открыл ресторанчик в Сен-Луи, очень похожий на этот, куда охотно ходили самые разные люди - политики, боксеры, гангстеры и артисты. Так вот, имейте в виду, мосье Мегрэ, я там никогда ни с кем не ссорился, даже с лейтенантом полиции, который время от времени заглядывал ко мне и выпивал у стойки двойное виски. И знаете почему?

Он готовил реплику на манер опытного комедианта.

- Потому что я никогда не занимался чужими делами. Почему же вы думаете, что, оказавшись в Париже, я изменю своим принципам? Разве спагетти, которые я вам подал, были невкусными? Вот об этом я готов с вами говорить до второго пришествия.

- Итак, вы отказываетесь мне сообщить, где находится Чарли?

- Послушайте, Мегрэ...

Казалось, вот-вот и он назовет его Жюлем. Поччо говорил с Мегрэ чуть ли не покровительственным тоном и мог, того и гляди, положить ему руку на плечо.

- В Париже вы слывете великим человеком, и люди уверяют, что вы почти всегда добиваетесь своего. Хотите, я вам скажу, почему вам это удается?

- Я хочу только одного - адрес Чарли.

- Опять вы за свое. Мы как будто говорим о серьезных вещах. Вы выигрываете игру только потому, что обычно ваши партнеры - любители. А за океаном нет любителей. И там редко удается заставить говорить человека, если он решил молчать.

- Чарли - убийца.

- В самом деле? Я полагаю, что это вам рассказали в ФБР. Но, может, они рассказали вам еще и о том, почему им до сих пор не удалось отправить Чарли на электрический стул?

Мегрэ решил его не перебивать, он слушал его невнимательно и, нахмутив брови, разглядывал все вокруг. Он думал о своем. Ясно, что Чарли и остальные были предупреждены о его приходе и о том, что Лоньон дежурит на улице Акаций. Но при этом по телефону не звонили. Значит, если кто-то и вышел из ресторана, чтобы их предупредить, то далеко ему идти не пришлось. С другой стороны, если бы Лоньон увидел, что из ресторана выходит официант, или там повар, или даже сам Поччо, он безусловно бы это засек.

- Вот в этом и заключается вся разница, Мегрэ, разница между любителями и профессионалами. Я вам как будто уже говорил, что я уважаю людей, которые чего-то добились в своем деле.

- В том числе и убийц?

- Вот вы мне вчера рассказали историю, которая меня не касается и которую я, впрочем, уже успел забыть, а сегодня утром являетесь снова, чтобы поведать мне следующую главу этой истории, но я вовсе не желаю ее знать. Вы толковый человек и, видимо, храбрый. У вас приличная репутация. Я не знаю, просили ли вас господа из ФБР заняться этим делом, но я могу это предположить. И поэтому должен вам сказать: "Бросьте все это!"

- Благодарю за совет.

- Я даю его вам вполне искренне. Когда Чарли занимался боксом в Чикаго, он работал в легчайшем весе, и ему никогда не пришло бы в голову помериться силами с тяжеловесом.

- Вы его видели со вчерашнего дня? Поччо демонстративно молчал.

- Я полагаю также, что вы откажетесь назвать мне имена тех двух клиентов, с которыми вы вчера играли в кости?

На лице Поччо выразилось удивление.

- Разве я обязан знать фамилии, адреса и семейное положение своих клиентов?

Мегрэ встал и все с тем же рассеянным видом направился к стойке, зашел за нее и осмотрел висевшие над ней полки. Поччо, с виду равнодушный, внимательно следил за ним.

- Когда мне удастся найти одного из этих клиентов, дело примет для вас, я полагаю, дурной оборот.

Мегрэ показал Поччо блокнот и карандаш, которые он там нашел.

- Вот теперь понятно, как вы предупредили Чарли, или Билла Ларнера, или Чичеро, - неважно, кого из них, это все одна шайка. А я-то думал, вы сделали это после моего ухода, - вот в чем моя ошибка. Оказывается, вы справились с этой задачей куда раньше. Едва мы переступили порог ресторана, как вы уже почуяли, чем тут пахнет. Пока мы заказывали обед, вы успели черкнуть несколько слов на листке, вырванном из этого блокнота, и передать записку одному из ваших партнеров. Что вы на это скажете?

- Скажу, что все это крайне интересно.

- И больше ничего?

- Ничего.

Зазвонил телефон. Нахмутив брови, Поччо вошел в кабину и снял трубку.

- Это вас, - сказал он.

Сыскная полиция вызывала Мегрэ, который, уходя, сообщил, где он будет.

Звонил инспектор Люка.

- Его нашли, шеф.

У Люка был такой голос, что Мегрэ сразу понял: дело серьезное.

- Убит?

- Нет. Примерно час назад торговец рыбой из Онфлера проезжал на грузовичке по Национальному шоссе и обнаружил в лесу Сен-Жермен, между Пуасси и Лепек, человека, который без сознания валялся у обочины.

- Лоньон?

- Да. Он был в тяжелом состоянии. Торговец отвез его к доктору Гренье, в Сен-Жермене, и доктор нам только что позвонил.

- Лоньон ранен?

- Лицо распухло - бандиты, видимо, не жалели своих кулаков, но самое серьезное - рана на голове. Доктор считает, что его ударили рукояткой револьвера. На всякий случай я попросил, чтобы Лоньона немедленно доставили на машине "скорой помощи" в Божон. Он там будет минут через сорок.

- Больше ничего?

- Как будто обнаружили следы тех двух.

- Чарли и Чичеро?

- Да. Десять дней назад, прибыв из Гавра, они остановились в гостинице "Этуаль" на улице Брэй. С понедельника на вторник они не ночевали в своем номере, а во вторник утром явились, чтобы заплатить по счету и взять багаж.

Улица Брэй, гостиница "Ваграм", ресторан Поччо на улице Акаций, гараж, где взяли напрокат машину, - все это находилось в одном районе.

- Дальше...

- Машину, которую угнали вчера вечером около девяти часов на авеню Гранд Армэ, нашли сегодня утром у ворот Майо. Она принадлежит инженеру, который играл в бридж у друзей. Она вся забрызгана грязью, словно на ней долго ездили по загородным дорогам.

И эта история с машиной тоже произошла в том же районе.

- Что мне делать, шеф?

- Отправляйся в Божон и жди меня там.

- Предупредить мадам Лоньон? Мегрэ вздохнул.

- Придется, ничего не поделаешь. Но не сообщай ей подробностей. Скажи, что он жив, и все... И не звони ей по телефону, а зайди на площадь Константэн-Пеке, перед тем как отправиться в Божон.

- Милое поручение!

- Не говори, что он ранен в голову.

- Ясно.

Мегрэ даже повеселел: удача, наконец-то удача улыбнулась мрачному Лоньону. Правда, довольно странным образом. Если его серьезно ранили, он станет своего рода героем и, наверное, получит медаль.

- До скорой встречи, шеф!

- До скорой!

Поччо тем временем начал подметать ресторан - все стулья были опрокинуты на столики.

- Моего инспектора ранили, - сообщил Мегрэ, не спуская с него глаз.

Но Поччо внешне никак не отреагировал на это сообщение.

- Только ранили?

- Вас это удивляет?

- Не очень. Должно быть, это предупреждение. Там так часто делают.
- Вы по-прежнему намерены держать язык за зубами?
- Я вам уже сказал, что я никогда не лезу в чужие дела.
- Мы еще увидимся.
- Буду рад.

Уже у дверей Мегрэ вдруг вспомнил о блокноте, он вернулся и взял его со стола. На этот раз он заметил, что в глазах Поччо на мгновение мелькнула тревога.

- Зачем вы его берете?! Это мой блокнот.
- Я вам его отдам.

На улице его ждала машина префектуры.

- В Божон!

В предместье Сент-Оноре, у мрачного фасада больницы, Мегрэ передал блокнот полицейскому, который вел машину.

- Ты сейчас вернешься на Набережную Орфевр, поднимешься в лабораторию и передашь это Мерсу. Да поменьше верти этот блокнот в руках.

- А что мне ему сказать?
- Ничего. Он сам все знает.

"Скорая помощь" еще не прибыла, и Мегрэ вошел в бистро, заказал рюмку кальвадоса и тут же направился к телефону.

- Это вы, Мерсу? Говорит Мегрэ. Вам сейчас доставят от меня блокнот.

Скорее всего, вчера вечером из него вырвали листок и написали на нем записку.

- Понятно. Вы хотите знать, не отпечатался ли текст на следующей странице?
- Вот именно. Вполне возможно, что потом этим блокнотом уже не пользовались. Но я в этом не уверен. Главное - поторопитесь. В полдень я буду у себя.
- Будет сделано, шеф.

Собственно говоря, уверенность, с которой держался Поччо, произвела на Мегрэ известное впечатление. В том, что он говорил, была доля правды, и даже не малая. В Сыскной полиции считали, что большинство убийц, если не все, полные идиоты. "Любители!" - как утверждал Поччо.

Он был недалеко от истины. В Европе удавалось скрыться, пожалуй, не более десяти процентам убийц, тогда как по ту сторону океана парни вроде Чинаглиа разгуливали на свободе из-за недостатка улик, хотя все знали, что они убийцы.

Да, что и говорить, то были настоящие профессионалы, и они вели игру до конца. Комиссар не помнил, чтобы кто-нибудь когда-либо позволял себе говорить с ним покровительственным тоном: "Оставьте все это, Мегрэ!"

Само собой разумеется, он не имел намерения последовать этому совету, но он не мог не вспомнить, что накануне Макдональд по телефону не очень-то его ободрил. Мегрэ действовал на этот раз в необычной для него обстановке. Его противниками были люди, методы которых он знал лишь понаслышке, и ему были неведомы ни образ их мыслей, ни их повадки.

Зачем Чарли и Тони Чичеро приехали в Париж? Было похоже на то, что они пересекли океан с определенной целью и не теряли здесь времени даром. Неделию спустя после приезда они выбросили на тротуар возле церкви Нотр-Дам де Лорет чей-то труп. Этот труп - а может быть, это был живой человек, но только без сознания - исчез пять минут спустя, чуть ли не на глазах у Лоньона.

- Налейте-ка еще!

Мегрэ выпил вторую рюмку - и снова ему показалось, что он совсем простужен; потом он пересек улицу и вошел под арку как раз в ту минуту, когда туда въехала "скорая помощь".

В машине и в самом деле оказался Лоньон, которого привезли из Сен-Жермена. Он спорил с санитаром, уверяя, что его не надо нести, что он сам дойдет. Когда же Лоньон увидел Мегрэ, ничто уже не могло удержать его на носилках.

- Что вы меня держите, если я в состоянии ходить! Мегрэ даже пришлось отвернуться, потому что он был не в силах сдержать улыбки при виде лица горе-инспектора. Один глаз Лоньона совсем заплаыл, а врач из Сен-Жермена наклеил ему ярко-розовый пластырь на нос и уголок рта.

- Я должен вам объяснить, господин комиссар...

- Потом, потом.

Беднягу Лоньона шатало от слабости, и сестре пришлось его поддерживать под руку, пока он добирался до палаты. Вместе с ними вошел врач.

- Вы меня позовете, как только окажете ему первую помощь. Сделайте так, чтобы он мог говорить.

Мегрэ ходил взад-вперед по коридору; минут десять спустя к нему присоединился Люка.

- Ну, как мадам Лоньон? Было тяжело? Взгляд Люка был красноречивей всяких слов.

- Она возмущена, что ее не везут к мужу. Она уверяет, что никто не имеет права держать его в больнице и, таким образом, разъединять их.

- А как бы она его лечила?

- Именно это я и пытался ей растолковать. Она хочет видеть вас и говорит, что обратится к префекту полиции. Мадам Лоньон сетовала, что ее бросили на произвол судьбы, одну, больную, без всякой помощи, и отдали во власть гангстеров.

- Ты ей сказал, что ее дом охраняют?

- Да, только это ее немного и успокоило. Мне пришлось показать ей из окна дежурящего у ее дома полицейского. "Те, кто пользуются почестями, те и делят пирог", - сказала она на прощанье.

Из палаты вышел врач, вид у него был озабоченный.

- Пролом черепа? - тихо спросил Мегрэ.

- Не думаю. Мы потом сделаем снимок. Но его здорово избили. А кроме того, он всю ночь провалялся в лесу. Есть все основания опасаться воспаления легких. Вы можете с ним поговорить. Ему от этого станет легче. Он вас требует и отказывается от всякого лечения до тех пор, пока не поговорит с вами. Мне с большим трудом удалось сделать ему укол пенициллина, и то мне пришлось для этого показать ему название лекарства на ампуле: он все боялся, что я его усыплю.

- Пожалуй, мне лучше пойти одному, - сказал Мегрэ, оборачиваясь к Люка.

Лоньон лежал на белой кровати, по палате ходила сестра. Лицо его было пунцово-красным, видимо, подскочила температура. Мегрэ сел у изголовья.

- Ну как, старик?

- Они меня схватили.

Он глядел на Мегрэ одним глазом, и комиссар заметил, как по щеке его покатила слеза.

- Доктор сказал, что вам нельзя волноваться. Расскажите только самое главное.

- Когда мы с вами расстались, я продолжал стоять на углу - оттуда мне легче было наблюдать за дверью ресторана. Я прижался к стене, довольно далеко от фонаря.

- Никто не вышел от Поччо?

- Никто. Прошло примерно минут десять, и вдруг по улице Мак-Магон промчалась машина, резко повернула и остановилась прямо передо мной.

- Это был Чарли Чинаглиа?

- Их было трое. Высокий, Чичеро, сидел у руля, а рядом с ним - Билл Ларнер. Чарли сидел сзади. Не успел я выхватить из кармана револьвер, как Чарли уже распахнул дверцу и навел на меня дуло своего браунинга. Он не произнес ни слова, только знаком приказал мне сесть в машину. Те двое на меня даже не взглянули. Что мне оставалось делать?

- Сесть в машину, - со вздохом сказал Мегрэ.

- Машина тут же тронулась, а тем временем меня обыскали и вытащили револьвер. Все это - молча. Я увидел, что мы выезжаем из Парижа через ворота Майо, потом я узнал шоссе Сен-Жермен.

- Машина остановилась в лесу?

- Да. Ларнер жестом показал своим спутникам, куда ехать. Мы свернули на узкую дорогу, и там, вдалеке от шоссе, машина остановилась. Они приказали мне выйти.

Да, Поччо был прав, уверяя, что они не любители!

- Чарли так и не проронил ни звука, а верзила Чичеро, засунув руки в карманы, курил сигарету за сигаретой и задавал по-английски вопросы, которые Ларнер мне переводил.

- Одним словом, они взяли Ларнера в качестве переводчика?

- Мне показалось, что он был не в восторге от своей роли. Несколько раз он как будто советовал им отпустить меня. Прежде чем начать задавать вопросы, Чарли со всего размаха ударил меня по лицу, и у меня из носа пошла кровь. "Я думаю, что вам лучше всего проявить покладистость, - сказал Ларнер с легким акцентом, - и сообщить этим господам все, что их интересует".

В общем, они задавали мне в различных вариантах все тот же вопрос: "Что вы сделали с тем, кого подобрали?" Сперва я молча глядел на них - много чести отвечать на их вопросы! Тогда Чичеро что-то сказал Чарли по-английски, и тот меня снова ударил. "Зря вы себя так ведете, - сказал Ларнер с недовольным видом. - Уверяю вас, в конце концов вы все равно заговорите".

После третьей или четвертой оплеухи - уж не знаю точно - я поклялся, что понятия не имею о том, что стало с этим типом, и вообще не знаю, о чем идет речь. Но они мне не поверили. Чичеро по-прежнему курил сигарету за сигаретой и время от времени принимался шагать взад и вперед, чтобы размять затекшие ноги. "Кто предупредил полицию?" Что я мог им ответить? Я сказал, что в тот час находился там случайно, не из-за них, а в связи с другим делом.

После каждого моего ответа Чичеро подавал знак Чарли, который только этого и ждал, чтобы снова ударить меня по лицу. Они вывернули у меня все карманы, вытащили бумажник и при свете фар разглядывали каждую бумажку.

- И это долго длилось?

- Не знаю точно. Полчаса, а может, и больше. У меня все болело. Один из ударов пришелся по глазу, из носа текла кровь. "Клянусь вам, - говорил я им, - я абсолютно ничего не знаю". Но Чичеро не был удовлетворен моим ответом, он снова начал что-то говорить Ларнеру, и тот стал задавать мне новые вопросы. Он спросил меня, видел ли я, что на улице Флешье остановилась другая машина. Я ответил, что видел. "Какой номер?" - "Я не успел разглядеть". - "Врешь!" - "Нет, не вру!" Еще они спросили меня про вас, потому что видели, как вы заходили в мой дом на площади Константэн-Пеке. Я им сказал, кто вы. Тогда они спросили, связались ли вы с ФБР, и я им ответил, что не знаю, что во Франции инспекторы не задают вопросов комиссарам. Ларнер рассмеялся. Мне показалось, что он вас знает. В конце концов Чичеро, пожав плечами, двинулся к машине. Ларнер с явным облегчением последовал за ним, но Чарли не двинулся с места. Он что-то крикнул им вдогонку, они ничего не ответили. Тогда он вытащил из кармана браунинг, и я подумал, что он меня убьет...

Лоньон замолчал, из его глаз снова покатались слезы - слезы бешенства.

Мегрэ предпочел не уточнять, как повел себя Лоньон в этой ситуации - упал ли он на колени, молил ли о пощаде. Впрочем, скорее всего, он этого не делал такой, как он, вполне способен стоять, мрачно потупившись, и ждать своего конца.

- Но он ограничился тем, что стукнул меня рукояткой браунинга по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, их уже не было. Я попытался подняться, звал на помощь.

- Вы всю ночь пробродили по лесу?

- Я думаю, что кружился по одному и тому же месту. Несколько раз я терял сознание. Мне трудно было подняться на ноги, и тогда я пытался ползти. Я слышал шум проезжающих машин и всякий раз кричал. К утру дополз до шоссе, и какой-то грузовичок меня подобрал. - Почти без паузы он добавил:

- Мою жену предупредили?

***

Чарли стукнул меня рукояткой браунинга по голове, и я потерял сознание, рассказывал Лоньон, - Да, Люка заходил к ней.

- Что она сказала?

- Она настаивает, чтобы вас перевезли домой. Мегрэ заметил, что видящий глаз Лоньона тревожно заблестел.

- Меня отвезут домой?

- Нет. Вы нуждаетесь в уходе, и здесь вам будет лучше.

- Я сделал все, что мог.

- Конечно, конечно.

Было видно, что какая-то мысль мучает Лоньона. Он никак не мог решиться ее высказать, но в конце концов, отвернувшись к стене, пробормотал:

- Я не достоин больше служить в полиции.

- Почему?

- Потому что знай я, где находится этот тип, я бы в конце концов сказал...

- Я бы тоже, - возразил Мегрэ с таким видом, что трудно было решить, говорит он это всерьез или для того, чтобы успокоить инспектора.

- Мне долго придется пролежать в больнице?

- Несколько дней, во всяком случае.

- Меня будут держать в курсе событий?

- Конечно.

- Вы мне это обещаете? Вы на меня не сердитесь?

- За что, старина?

- Вы же знаете, что я кругом виноват.

В сущности, Лоньон немного хитрил. Пришлось его уговаривать, что он ни в чем не виноват, уверять, что он выполнил свой долг и что если бы он иначе себя повел в ночь с понедельника на вторник, то полиции никогда не удалось бы напасть на след Чарли и Чичеро. К тому же во всем этом была доля истины.

- Я в отчаянии, что доставляю вам столько хлопот. Ну вот, он несколько не изменился! От чрезмерной гордыни все пытается унижить себя. Вечно перегибает палку! Мегрэ уже не знал, как ему поскорее уйти. К счастью, в дверь постучали, и появилась сестра.

- Пора отправляться на рентген.

На этот раз Лоньону пришлось лечь на носилки, и его покатали по коридору;

Люка, который ждал Мегрэ в коридоре, дружески помахал Лоньону рукой.

- Пошли, Люка!

- Что они с ним сделали?

Не отвечая прямо на вопрос, Мегрэ сказал как бы про себя:

- Поччо прав. Это железные парни! Потом, подумав, добавил:

- Меня все-таки очень удивляет, что такой человек, как Билл Ларнер, с ними работает. Мошенники его типа не любят участвовать в мокрых делах.

- Вы полагаете, что его вынудили?

- Во всяком случае, я бы охотно поговорил с Биллом.

Ларнер тоже был профессионалом, но совсем другого рода, так сказать, другой специальности, один из тех международных мошенников, которые свершают свои операции лишь время от времени, тщательно все подготовив, и действуют только наверняка, чтобы взять не меньше двадцати или тридцати тысяч долларов и получить таким образом возможность прожигать жизнь годик-другой. Во всяком случае, в Париже он уже два года живет, видимо, на свой капитал, и никто его ни разу не побеспокоил.

Мегрэ и Люка сели в такси, и комиссар велел ехать в префектуру. Но когда они пересекли улицу Руаяль, он передумал.

- Улица Капуцинов, - сказал он шоферу, - "Ман-хеттен-бар".

Мысль поехать туда пришла ему в связи с тем, что он вспомнил о фотографиях, развешанных по стенам у Поччо. В "Манхеттен-баре" стены тоже были украшены фотографиями боксеров и актеров. Но клиенты здесь были иные, чем на улице Акаций. Вот уже больше двадцати лет в "Манхеттен-бар" к Луиджи ходит вся американская колония в Париже и большинство туристов, приезжающих из-за океана.

Еще не было полудня, и в баре было почти пусто. За стойкой стоял сам Луиджи и возился с бутылками.

- Добрый день, комиссар! Что вам налить?

Он был родом из Италии, так же как и Поччо. Говорили, что он проигрывал на скачках почти все, что зарабатывал в своем заведении. Впрочем, играл он не только на скачках, а на всем, на чем только можно играть: на футбольных матчах, на соревнованиях по теннису и плаванию - одним словом, все для него было поводом заключить пари, даже завтрашняя погода. В скучные послеобеденные часы, между тремя и пятью, ему случалось с одним своим соотечественником, как-то связанным с посольством, играть на машинах, проезжающих по улице.

"Держу пари на пять тысяч франков, что за десять минут здесь проедет не меньше двадцати машин фирмы "Ситроен"... По рукам?" - предлагал он своему другу-итальянцу.

Чтобы соответствовать обстановке, Мегрэ заказал виски и принялся разглядывать фотографии, висящие на стенах: он почти тут же обнаружил фотографию Чарли Чинаглиа на ринге, ту же самую, что висела у Поччо, только без автографа.

Глава 4

В КОТОРОЙ РЕЧЬ СНОВА ЗАХОДИТ О ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И В КОТОРОЙ У МЕГРЭ ЛОПАЕТСЯ ТЕРПЕНИЕ

Когда они вышли из бара "Манхеттен", оба в темных пальто и черных шляпах, - высокий плотный Мегрэ и маленький, щуплый Люка, - они больше походили на вдовцов, перехвативших рюмочку-другую по дороге с кладбища, чем на сыщиков.

Неужели Луиджи нарочно напоил их? Вполне возможно, но, уж во всяком случае, он сделал это без злого умысла. Луиджи честный человек, ничего плохого о нем сказать нельзя, даже высшие чиновники из американского посольства считают вполне приличным сидеть у его стойки.

Просто Луиджи очень щедро угостил их, вот и все. К тому же комиссар уже пропустил две рюмки кальвадоса в предместье Сент-Оноре.

Мегрэ не был пьян, да и Люка не был пьян. Но не думал ли Люка, что его шеф в подпитии? Он что-то странно глядел на него снизу вверх, пока они пробирались сквозь толпу.

Люка не был с ним утром на улице Акаций, он не слышал слов Поччо, вернее, не присутствовал на уроке, который тот преподавал комиссару. Поэтому Люка не мог понять, в каком настроении сейчас находится Мегрэ.

Луиджи им тут же прочел небольшую лекцию о боксерах. Получилось все как-то само собой. Мегрэ, поглядывая на фотографию Чарли, спросил как бы невзначай:

- Вы его знаете?

- Да! Этот паренек мог бы прославиться на весь мир. В своем весе он несомненно был лучшим. Причем он много работал, чтобы этого добиться. А потом в один прекрасный день этот идиот влип в какую-то дурацкую историю, и федерация запретила ему выступать на ринге.

- Ну и что с ним случилось?

- То же, что и со всеми этими парнями. Тысячи мальчишек в Чикаго, в Детройте, в Нью-Йорке, во всех больших городах начинают заниматься боксом в надежде стать чемпионами. А сколько бывает чемпионов в каждом поколении, комиссар?

- Не знаю. Конечно, немного.

- Да и чемпионство их длится недолго. Тот, кто не растратил все деньги на крашенных блондинок и на "кадиллаки", открывает ресторанчик или магазин спортивных товаров. Ну, а остальные, которые считают, что всего уже добились и не способны работать головой из-за полученных ударов, умеют лишь одно бить, и находятся люди, которые нуждаются в их услугах. Так эти парни становятся телохранителями или сообщниками. Вот что случилось с Чарли.

- Мне говорили, что он стал убийцей.

- Вполне возможно, - сказал Луиджи, несколько не удивившись.

- Вы давно его видели?

Мегрэ задал этот вопрос с самым невинным видом, потягивая рюмку виски и не глядя на Луиджи. Он знал Луиджи, а Луиджи знал комиссара. Они ценили друг друга. Однако в ту же секунду атмосфера в баре изменилась.

- Он в Париже?

- Как будто.

- Почему вы им интересуетесь?

- Да так... ничего особенного...

- Я никогда не видел Чарли Чинаглиа, потому что уехал из Соединенных Штатов задолго до того, как он приобрел известность, и что-то не слышал, что он приехал в Европу.

- Я думал, что кто-нибудь мог вам это сказать. Он несколько раз был у Поччо. А ведь вы оба родом из Италии.

- Я из Неаполя, - уточнил Луиджи.

- А Поччо?

- Он сицилиец. Это примерно то же, что спутать марсельца с корсиканцем.

- Я все думаю, к кому, кроме Поччо, Чарли мог обратиться, приехав в Париж? Он приехал не один, а вместе с Тони Чичеро.

Вот тогда-то Луиджи и налил ему еще рюмку виски. Вид у Мегрэ был рассеянный, говорил он вяло, невнятно. Люка, который хорошо знал повадки своего шефа, говорил в таких случаях, что комиссар "удит рыбку в мутной воде". На этот прием иногда попадались даже сотрудники Мегрэ.

- Это чертовски запутанная история, - процедил Мегрэ сквозь зубы и вздохнул. - Не говоря уже о том, что здесь замешан и другой американец, по имени Билл Ларнер.

- Билл не имеет с ними ничего общего, - торопливо заявил Луиджи. - Билл настоящий джентльмен.

- Он бывает у вас?

- Заглядывает изредка.

- А предположим, что Биллу Ларнеру нужно скрыться. Как вы думаете, куда бы он пошел?

- Что ж, предположим, как вы говорите, потому что я не допускаю и мысли, что с Биллом может случиться подобное. Но в таком случае он, уверяю вас, так скроется, что его никто не найдет. Однако, повторяю, Билл не имеет ничего общего с теми двумя типами.

- А Чичеро вы знаете?

- Встречал его имя в американских газетах.

- Гангстер?

- Вы что, комиссар, в самом деле занялись этим!! гангстерами?

Луиджи был уже не так дружественно настроен, как вначале. И хотя он подчеркнул разницу между собой - неаполитанцем - и сицилийцем Поччо, он стал вдруг говорить с комиссаром тем же тоном, что и Поччо.

- Вы ведь побывали в Штатах, верно? Тогда вы сами должны понять, что такие дела не по плечу французской полиции. Сами американцы не в силах справиться со всеми этими бандами. Я не знаю, зачем приехали в Париж те, о ком вы говорите, если они действительно приехали. Раз вы это утверждаете, я не могу вам не верить, хоть меня это и удивляет. Но так или иначе, дела этих людей нас не касаются.

- Даже если они убили человека?

- Француза?

- Не знаю.

- Если они кого-то убили, значит, им поручили это сделать и вы никогда не соберете против них улики. Заметьте, я не знаю ни того, ни другого - оба они сицилийцы. Что же касается Билла Ларнера, я продолжаю утверждать, что он не имеет с ними ничего общего.

- А вы не помните, в связи с чем американские газеты писали о Чичеро?

- Скорее всего, в связи с Каске1.5'. Вам этого не понять. Во Франции не существует настоящих организаций преступников, как там. У вас здесь нет профессиональных убийц. Представьте себе, что в Париже какой-нибудь парень обойдет торговцев своего квартала и заявит, что им необходима охрана от бандитов и что отныне охранять их будет он за вознаграждение в столько-то тысяч франков в неделю. Что сделает торговец? Обратится в полицию?

Расхохочется в лицо этому типу? Так вот, а в Америке никто не рассмеется, и только идиоты обратятся в полицию. Потому что, если они сообщат что-либо полиции или откажутся платить, в их лавке вскоре взорвется бомба, либо их расстреляют из пулемета, когда они будут возвращаться домой.

Луиджи все больше воодушевлялся. Можно было подумать, что он, как и Поччо, гордится своими соотечественниками.

' Касl<e1з (англ.) - шантаж, вымогательство.

- Но это еще не все. Предположим, полиции удастся схватить одного из этих парней. Почти всегда найдется судья или какой-нибудь политический деляга, который поможет ему выкрутиться, даже если шериф заупрямится и не захочет его выпустить на свободу: с десятков свидетелей будут клятвенно утверждать, что в момент свершения преступления этот бедняга находился на другом конце города. А если какой-нибудь честный свидетель решит утверждать обратное, да еще окажется настолько безумным, что вовремя не возьмет назад свои показания, с ним наверняка в день процесса произойдет на улице несчастный случай. Теперь вам понятно?

В бар вошел высокий белокурый парень и встал у стойки в двух метрах от Мегрэ и Люка. Луиджи ему подмигнул.

- Мартини?

- Мартини, - кивнул пришедший и с любопытством принялся разглядывать французов, Мегрэ уже дважды высморкался. В носу свербило, глаза слезились. Неужели он заразился гриппом от Лоньона!

Люка все ждал момента, когда шеф что-то ответит. Но комиссар не возражал Луиджи, словно ему нечего было сказать.

Дело в том, что он начинал терять терпение. Вот Поччо посоветовал ему все это бросить - ну ладно, это еще куда ни шло: хозяин ресторана на улице Акаций имел, видимо, веские причины давать такой совет. Это ясно... Но когда здесь, в элегантном баре, такой человек, как Луиджи, говорит ему примерно то же самое, - нет, это уже слишком!

- Представьте себе, комиссар, что американский детектив приезжает в Марсель и пытается покончить там с блатным миром. Как вы думаете, что из этого получится? А марсельские бандиты - дети по сравнению с...

Понятно, понятно! Как знать, быть может, если бы Мегрэ отправился к американскому консулу или даже к самому послу, то услышал бы примерно то же:

"Не занимайтесь этим, Мегрэ, этот орешек вам не по зубам". Одним словом, ему объясняли, что у него не та квалификация, чтобы заниматься подобными делами.

Он залпом допил виски и продолжал мрачно молчать, чувствуя, что Люка сильно разочарован и не может понять, почему комиссар не поставит Луиджи на место.

Даже когда они вышли на улицу. Люка все еще не решался спросить об этом Мегрэ, который не остановил такси и не направился к автобусной остановке, а, засунув руки в карманы, молча шагал по тротуару. Они уже прошли довольно большое расстояние, когда, обернувшись к Люка, комиссар сказал зло, словно споря с кем-то:

- Ты готов держать пари, что я их поймаю?

- Я в этом убежден, - поспешно заверил его Люка.

- И я! Слышишь? Я тоже! Я их...

Мегрэ редко позволял себе ругаться, но на этот раз у него вырвалось бранное слово, и он испытал облегчение.

Возможно, это было и лишнее, но все же Мегрэ послал Люка на улицу Акаций побродить у дверей ресторана.

- Прятаться не стоит, Поччо достаточно хитер, чтобы тебя все равно обнаружить. Он, наверное, никому не звонил, потому что знает, что мы подслушиваем все его телефонные разговоры, но он наверняка постарался предупредить тех двух типов, которые вчера играли с ним в кости, и, скорее

всего, они-то и передали его записку Чарли и Чичеро. Но все же есть некоторая вероятность, что он почему-либо не смог с ними снестись и что хоть один из них заглянет в ресторан.

Мегрэ подробно описал приметы игроков в кости и дал Люка точные инструкции. Добравшись до префектуры, он, не заходя в свой кабинет, поднялся в лабораторию. Мере, ожидая его, жевал бутерброд. Он сразу же включил проекционный аппарат, похожий на огромный волшебный фонарь, и на экране появилось изображение каких-то знаков.

Это был восстановленный текст той записки, которую Поччо написал на листе блокнота. Первые буквы можно было четко разобрать: Г. А. Л., а потом шли цифры.

- Как вы и предполагали, шеф, это номер телефона. Первая цифра - 2, вторая - 7, третью разобрать невозможно, четвертая то ли 0, то ли 9, а может быть, и 6. Я в этом не уверен.

Мере тоже с удивлением поглядел на Мегрэ не потому, что от него пахло виски, а потому, что у комиссара было какое-то отсутствующее выражение лица.

К тому же, выходя из лаборатории, он сказал фразу, которую можно было редко услышать от него:

- Спасибо, сынок...

Мегрэ спустился в свой кабинет, снял пальто, распахнул дверь комнаты инспекторов.

- Жанвье! Лапуэнт...

Но прежде чем дать задание инспекторам, он позвонил в закусочную "Дофин" и заказал сэндвичи и пиво всем троим.

- Вы успели позавтракать?

- Да, шеф.

- Тогда возьмите телефонные книги. Придется проглядеть все номера подстанции Гальвани.

Это была колоссальная работа. Если случайно не повезет, Жанвье и Лапуэнту придется просидеть черт те сколько времени, прежде чем удастся найти нужный номер.

Те двое, что играли в кости с Поччо, ушли незадолго перед тем, как Мегрэ и Лоньон приступили к обеду, другими словами, за три четверти часа, а может быть, и за час до того, как комиссар и инспектор Лоньон покинули ресторан.

Поччо поручил им позвонить по такому-то номеру подстанции Гальвани. Эта подстанция обслуживала квартал авеню Гранд Армэ, а ведь именно на этой улице угнали машину, на которой Лоньона увезли в Сен-Жерменский лес.

Пока все как будто сходилась. Трое американцев либо были вместе, когда их предупредили, либо смогли очень быстро снестись друг с другом. Ведь час спустя они втроем уже оказались с машиной у ресторана.

- Это телефон гостиничный, шеф?

- Понятия не имею. Возможно. Но если они живут в гостинице, то, значит, раздобыли себе фальшивые документы.

Это отнюдь не было исключено. Такой ловкач, как Поччо, мог, конечно, достать что угодно.

- Я все же не думаю, чтобы они остановились в гостинице или меблированных комнатах, - ведь там их легче всего найти. Наверно, они заехали к кому-нибудь из друзей Ларнера: ведь Ларнер живет в Париже уже два года и у него наверняка есть много знакомых. Скорее всего, он поселил их у какой-нибудь женщины. Вам придется перебрать все номера, которые, судя по первым цифрам, могут подойти. Составьте список одиноких женщин в этом районе, а также всех людей с итальянскими или американскими фамилиями.

Впрочем, особых иллюзий Мегрэ себе не строил. Даже если этот сизифов труд увенчается успехом и инспекторы набредут на нужный номер, то почти наверняка окажется, что птички давно

упорхнули. Почто не новичок, в наивности его не упрекнешь. Совершенно ясно, что он успел снова оповестить их об опасности, раз Мегрэ унес блокнот.

Мегрэ позвонил сперва жене, чтобы она не ждала его к завтраку, затем госпоже Лоньон, которая снова принялась сетовать на свою жизнь.

Сквозь приоткрытую дверь комнаты инспекторов Мегрэ слышал, как Жанвье и Лапуэнт набирали номер за номером и потом что-то плели, всякий раз придумывая другую историю. Он сидел неподвижно, откинувшись в своем кресле, и все реже подносил ко рту погасшую трубку.

Однако он не спал. Ему было жарко. Должно быть, у него поднялась температура. Полузакрыв глаза, он пытался сосредоточиться и продумать все до конца, но мысли разбегались, и всякий раз он подбадривал себя одной и той же фразой: "Все равно им от меня не уйти!"

Поймать их он, конечно, поймают, но вот как - об этом он, честно говоря, не имел ни малейшего представления. И все же он был, как никогда, преисполнен решимости довести дело до победы. Ему это представлялось чуть ли не вопросом национальной чести, а слово "гангстер" действовало на него, как красное на быка...

"...Отлично, мосье Луиджи! Отлично, мосье Поччо! Отлично, господа американцы! Но все равно вам не удастся меня переубедить. Я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что все убийцы - идиоты. Не будь они идиотами, они не стали бы убивать. Ясно? Нет? Я вас не убедил? Что ж, я, Мегрэ, берусь вам это доказать. Вот и все! Действуйте!.."

Когда посыльный, несколько раз постучав в дверь и не получив ответа, приоткрыл ее, он увидел, что Мегрэ спит, зажав трубку в зубах.

- Срочный пакет, господин комиссар!

Это были фотографии и сведения, которые ему прислали из Вашингтона самолетом.

Десять минут спустя в лаборатории печатали десятки этих фотографий. В четыре часа дня в приемной собрались журналисты, и Мегрэ каждому из них вручил целую серию фотографий.

- Не спрашивайте меня, почему мы их ищем, но помогите мне их найти.

Опубликуйте эти фотографии на первых страницах газет. Мы объявляем розыск по всей стране. Мы просим каждого, кто видел кого-нибудь из этих людей, немедленно позвонить мне по телефону.

- Они вооружены?

Мегрэ секунду поколебался, как ответить, а потом решил честно признаться:

- Они не только носят оружие, они пускают его в ход.

И он употребил слово, которое и его самого начало уже раздражать.

- Это - убийцы. Во всяком случае - один из них.

Фотографии гангстеров были переданы также на все вокзалы, пограничные заставы и жандармским патрулям на шоссейных дорогах.

Все это, как сказал бы бедняга Лоньон, организовать было нетрудно. Люка еще дежурил перед входом в ресторан на улице Акаций. Жанвье и Лапуэнт продолжали звонить по телефону. Как только какой-нибудь номер казался им подозрительным, туда немедленно отправляли инспектора, чтобы все проверить на месте.

В пять часов дня Мегрэ сказали, что его вызывает Вашингтон, и минуту спустя он услышал в трубке голос Макдональда:

- Послушайте, Жюль, я здесь долго думал по поводу вашего звонка, а потом мне случайно представился случай поговорить с одним очень важным начальником.

Быть может, Мегрэ все это выдумал, но ему почему-то показалось, что Макдональд говорит с ним очень дружески, но менее откровенно, чем накануне.

Воцарилась недолгая пауза.

- Да, да, я вас слушаю.

- Вы уверены, что Чинаглиа и Чичеро в Париже?

- Да. Уверен. Только что это подтвердилось - нашелся человек, который их видел вблизи и опознал по фотографиям.

Это было правдой. Он послал инспектора к госпоже Лоньон, и она, поглядев на фотографии, действительно подтвердила, что это те самые люди, что проникли к ней в квартиру...

- Алло!

- Да, да, я вас слушаю.

- Их только двое?

- Они действуют заодно с Биллом Ларнером...

- Этот тип не имеет никакого значения, я вам уже это говорил. А ни с кем другим они здесь не встречались?

- Именно это я и пытаюсь выяснить. Казалось, Макдональд все ходит вокруг да около, как человек, который боится сказать лишнее.

- А вы ничего не слышали еще об одном сицилийце?

- Как его зовут?

Снова раздумье, прежде чем ответить:

- Маскарели.

- Он приехал одновременно с ними?

- Наверняка нет. На несколько недель раньше.

- Я прикажу искать это имя в регистрационных книгах гостиниц."

- Маскарели скорей всего остановился не под своим именем.

- В таком случае...

- И все же проверьте. Если вам что-либо удастся узнать о Маскарели, по кличке 51орру Джо, сейчас же сообщите об этом, желательно по телефону. Даю вам его приметы: маленького роста, худощав, на вид ему можно дать не меньше пятидесяти, тогда как на самом деле ему сорок один, вид болезненный, на шее - рубцы от фурункулов. Вы понимаете, что значит английское слово "51орру"?

Мегрэ знал это слово, но затруднился бы перевести его точно. Так говорят про неряху, про опустившегося человека.

- Так вот, его прозвали Неряха Джо вполне заслуженно.

- Зачем он приехал во Францию? Снова пауза.

- А зачем приехали Чинаглиа и Чичеро? Макдональд наконец ответил, но тихо, словно спрашивал совета у кого-то, кто стоял рядом с ним:

- Если Чарли Чинаглиа и Чичеро встретили Неряху Джо в Париже, то есть некоторые основания полагать, что человек, которого выкинули из машины на глазах у вашего инспектора, и есть Неряха Джо.

- Вы на редкость ясно выражаетесь! - усмехнулся Мегрэ.

- Простите меня, Жюль, но это примерно все, что я сам знаю.

Комиссар вызвал по телефону Гавр, потом Шербур и поговорил с теми портовыми чиновниками, которые занимаются документами прибывающих пассажиров. Проверили все регистрационные списки, но фамилии Маскарели не обнаружили. Мегрэ передал им приметы этого типа, и они обещали расспросить своих инспекторов.

В кабинет заглянул Жанвье.

- Шеф, Торанс просит вас подойти к телефону.

- Где он находится?

- Где-то возле авеню Гранд Армэ, проверяет адреса. В самом деле, ему не было никакого смысла всякий раз возвращаться на Набережную Орфевр. Он звонил из ближайшего бара о результатах, и ему сообщали новый адрес.

- Алло! Это вы, шеф? Я звоню вам от одной дамы, которую я предпочел бы не выпускать из виду. Мне кажется, что вам стоило бы с ней побеседовать.

Правда, она не очень-то любезна.

Мегрэ услышал в трубке голос какой-то женщины, а потом голос Торанса, который громко ее увещевал. Он даже расслышал его слова:

- Если вы сейчас же не замолчите, я вам заткну рот, понятно?.. Вы слушаете, шеф? Я нахожусь в доме номер двадцать восемь-бис на улице Брюнель, третий этаж, налево. Даму эту зовут Адриен Лор. Думаю, стоило бы проверить ее имя по нашим книгам.

Мегрэ поручил это Лапуэнту, надел пальто, сунул в карман две трубки и спустился по лестнице. Ему повезло - во дворе стояла дежурная машина.

- Улица Брюнель.

Все тот же район, совсем близко от авеню Де Ваг-рам, в двухстах метрах от улицы Акаций, в трехстах метрах от того места, где накануне вечером украли машину. Дом был благоустроенный, в таком, должно быть, жили вполне состоятельные люди: лестница была устлана коврами. Мегрэ поднялся на лифте на третий этаж, дверь слева отворилась, и на пороге появился огромный Торанс. Увидев комиссара, он с облегчением вздохнул.

- Быть может, вам, шеф, и удастся из нее что-нибудь вытянуть. Я - пас.

Посреди гостиной стояла полная брюнетка в пеньюаре.

- Вашего полку прибыло! - воскликнула она с саркастической усмешкой. Теперь вас уже двое. Интересно, сколько вам еще понадобится людей, чтобы справиться с одной женщиной?

Мегрэ вежливо снял шляпу и положил ее на кресло. Потом, поскольку в комнате было очень жарко, снял пальто и тихо спросил:

- Разрешите?

- Вы сейчас сами убедитесь, что я ничего не разрешаю.

Это была довольно красивая женщина лет тридцати, с хрипловатым голосом. В комнате пахло духами. Дверь в спальню была открыта, и там виднелась незастеленная кровать. На диванчике в гостиной лежала подушка, другая подушка валялась на полу, в углу, рядом с двумя положенными друг на друга ковриками.

Торанс, перехватив взгляд Мегрэ, спросил:

- Видите, шеф?

Было совершенно ясно, что здесь прошлой ночью спала не одна она.

- Я долго звонил в дверь, но она не открывала. Она уверяет, что спала. Я спросил ее, знакома ли она с американцем, по имени Билл Ларнер, и заметил, что она в нерешительности, не знает, что ответить, и пытается выиграть время, делая вид, будто вспоминает. Несмотря на ее протесты, я подошел к двери и заглянул в спальню. Пройдите и посмотрите сами. На этажерке, слева.

На этажерке в рамке из красной кожи стояла фотография, снятая, по всей вероятности, в Довиле: женщина и мужчина в купальных костюмах - хозяйка квартиры и Билл Ларнер.

- Теперь вы понимаете, почему я вам позвонил? Но это еще не все.

Взгляните-ка на корзину для бумаг, - я там насчитал восемь сигарных окурков.

Это голландские большие сигары, каждую из которых курят не меньше часа. Я полагаю, что в тот момент, когда я позвонил, она заметила, что пепельница полна окурков, и выбросила все это в корзину для бумаг.

- Вчера вечером у меня были гости.

- Сколько гостей?

- Это вас не касается.

- Билл Ларнер был у вас?

- Это вас тоже не касается. Впрочем, мы сфотографировались год назад и с тех пор успели поссориться.

На буфете стояла бутылка ликера и рюмка. Адриен налила себе ликера, но им выпить не предложила, потом взяла сигарету, закурила и рукой взбила волосы на затылке.

- Послушайте, дорогая...

- Я вам не дорогая.

- Было бы гораздо разумнее с вашей стороны разговаривать со мной более любезно.

- Этого еще не хватало, черт побери!

- Я понимаю, что у вас не было плохих намерений. Ларнер попросил вас приютить его и двух его друзей. Скорее всего, он и не сказал вам, что это за люди.

- Можете плести все, что вам будет угодно. Торанс красноречиво поглядел на Мегрэ, словно говоря: "Видите, как она разговаривает!" Но Мегрэ терпеливо продолжал:

- Вы француженка, Адриен?

- Она бельгийка, - вмешался Торанс. - Я нашел в ее сумочке удостоверение личности. Она родилась в Анвере и живет во Франции пять лет.

- Другими словами, мы можем отобрать у вас вид на жительство. Я полагаю, вы работаете в ночном кабаре?

- Она танцовщица в "Фоли-Бержер", - сказал Торанс.

- Ну и что? Если я танцую в кабаре, это вам не дает еще права врываться ко мне, словно в хлев!

- Послушайте меня, Адриен. Я не знаю, что вам тут наговорил Ларнер, но, во всяком случае, правду о своих друзьях он вам, наверно, не сказал. Вы 'говорите по-английски?

- Для моей работы вполне достаточно.

- Тех двух типов, которые у вас ночевали, ищут по обвинению в убийстве.

Понимаете? А это значит, что и вас будут судить за соучастие в преступлении, поскольку вы их приютили. Вы знаете, какой срок за это дают?

Удар попал в самую точку. Адриен перестала ходить по комнате и с тревогой посмотрела на Мегрэ.

- От пяти до десяти лет тюрьмы.

- За что? Я ничего дурного не сделала.

- Я в этом убежден, именно поэтому я вам говорю, что вы ведете себя глупо. Помогать друзьям - дело, конечно, хорошее, но только если за это не приходится платить такой ценой.

- Вы пытаетесь заставить меня говорить?

- Того типа, который поменьше ростом, звали Чарли?

Она не стала возражать.

- А другой - Тони Чичеро?

- Их я не знаю. Но Билл никогда никого не убивал, в этом я уверена.

- Я тоже. Я даже убежден, что Билл помогал им против своей воли.

Она взяла бутылку, налила себе еще полрюмки ликера и чуть было не предложила Мегрэ, но, передумав, пожала плечами.

- Я знаю Ларнера много лет, - сказал Мегрэ.

- Он только два года назад приехал во Францию.

- Но пятнадцать лет назад мы завели на него карточку в нашей картотеке.

Мне сегодня уже сказали про него, что он джентльмен.

Нахмутив брови, она настороженно наблюдала за ним, все еще боясь попасть в ловушку.

- Чарли и Чичеро прятались у вас два, а то и три дня. У вас есть холодильник? Торанс снова вмешался:

- Я об этом тоже подумал. В кухне стоит холодильник. Он битком набит продуктами: два холодных цыпленка, половина окорока, почти целый круг колбасы...

***

- Вчера вечером, продолжал Мегрэ, - им что-то сообщили по телефону, и они поспешно уехали все троим.

Она села в кресло, и со скромностью, которой от нее нельзя было ожидать, плотнее запахнула пеньюар.

- Они вернулись по среди ночи. Я убежден, что они изрядно выпили.

Насколько я знаю Билла Ларнера. Он, наверное, напился как следует, потому что присутствовал при сцене, которая не была рассчитана на его нервы. Торанс ходил взад и вперед по квартире, и Адриен с раздражением воскликнула:

- Да что вы мечетесь, как маятник! Потом, обернувшись к Мегрэ, спросила:

- Что же, по-вашему, было дальше?

- Я точно не знаю, в котором часу они получили сегодня новое сообщение.

Во всяком случае, не раньше одиннадцати. Наверное, они еще спали. Они торопливо оделись. Они вам сказали, куда они отправляются?

- Вы все-таки пытаетесь меня впутать в эту историю?

- Напротив, я пытаюсь вас из нее выпутать!

- Вы тот Мегрэ, о котором так часто пишут в газетах?

- Почему вы меня об этом спрашиваете?

- Ходят слухи, что вы приличный человек. Но вот этот толстяк - решительно не по мне.

- Что они вам сказали, когда уходили?

- Ничего. Даже спасибо не сказали.

- Какой был вид у Билла?

- Я еще не подтвердила, что Билл здесь был.

- Но вы должны были слышать, о чем они говорили, когда одевались.

- Они говорили по-английски.

- Вы как будто знаете английский?

- Не те слова, которые они употребляли.

- Ночью, когда Билл был с вами вдвоем в этой комнате, он говорил с вами о товарищах?

- Откуда вы это знаете?

- Не сказал ли он вам, что он постарается от них отделаться?
- Он сказал мне, что, как только будет возможность, он отвезет их за город.
- Куда?
- Не знаю.
- Билл часто ездит за город?
- Почти никогда.
- А вы с ним ни разу не ездили?
- Нет.
- Вы были его подругой?
- Периодами.
- Вы бывали у него в номере в гостинице "Ваграм"?
- Однажды. Я застала его с какой-то девицей. Он выставил меня за дверь. А потом, три дня спустя, он пришел ко мне как ни в чем не бывало.
- Он рыболов? Она рассмеялась.
- Вы хотите сказать, что он сидит с удочкой? Нет! Это не в его жанре.
- А в гольф он играет?
- Да. В гольф играет.
- Где?
- Не знаю. Я никогда не ездила с ним играть в гольф.
- Бывало, что он уезжал на несколько дней?
- Нет, обычно он уезжает утром, а вечером возвращается.
- Все это было не то. Мегрэ хотел выяснить, где Ларнер проводил ночи.
- Если не считать этих двух типов, которые у вас ночевали, он не знакомил вас со своими друзьями?
- Очень редко.
- Что это были за люди?
- Чаще всего это бывало на скачках, - с жокеями, владельцами конюшен.
- Торанс и Мегрэ переглянулись. Они покраснели от возбуждения.
- Он много играл на скачках?
- Да.
- Вел большую игру?
- Да.
- Выигрывал?
- Почти всегда. У него были каналы, по которым он получал информацию.
- Через жокеев?
- Должно быть, так.
- Он никогда вам не говорил о таком месте, как Мэзон-Лафит?
- Он мне однажды оттуда звонил.
- Ночью?
- После моего выступления в "Фоли-Бержер".
- Он попросил вас приехать к нему туда?
- Нет, напротив. Он звонил, чтобы предупредить меня, что он приедет.

- Он собирался переночевать в Мэзон-Лафите?

- Наверное.

- В гостинице?

- Он не уточнил.

- Благодарю вас, Адриен. Простите, что я вас побеспокоил.

Казалось, она была удивлена, что они не уводят ее с собой; ей еще трудно было поверить, что она не попала в ловушку.

- Который из них убивал? - спросила она, когда Мегрэ уже взялся за ручку двери.

- Чарли. Это вас удивляет?

- Нет. Но второй мне понравился еще меньше: он холодный, как крокодил.

Она не ответила на поклон Торанса, но улыбнулась Мегрэ, который попрощался с ней подчеркнуто вежливо, почти церемонно.

На лестнице комиссар сказал своему спутнику:

- Надо распорядиться, чтобы ее телефон подключили на прослушивание, хотя это вряд ли что-нибудь даст. Эти люди очень осторожны.

Потом" вдруг вспомнив, с какой настойчивостью Поччо и Луиджи предостерегали, его, он добавил:

- Пожалуй, тебе придется наблюдать за Адриек. Нельзя допустить, чтобы с ней случилась беда.

Ресторан Поччо находился отсюда в двух шагах; Люка продолжал следить за всеми, кто входил туда и выходил. Мегрэ попросил шофера ехать по улице Акации.

- Ничего нового?

- Один из тех двух клиентов, которых вы мне описали, ну, из тех, что играли в кости, минут пятнадцать назад зашел в ресторан.

Шофер остановил машину как раз напротив двери. Мегрэ не мог отказать себе в удовольствии спокойно выйти из машины, толкнуть дверь и с порога приветствовать Поччо, поднеся руку к шляпе:

- Привет, Поччо!

Потом он подошел к парню, который сидел у стойки.

- Предъявите, пожалуйста, ваше удостоверение личности.

По виду этот тип был либо джазовым музыкантом, либо профессиональным танцором. Он помялся в нерешительности, как бы прося совета у Поччо, который отвел глаза.

Мегрэ записал его имя и адрес в блокнот.

Странное дело, парень этот оказался не итальянцем и не американцем, а испанцем и, судя по документам, был драматическим актером. Он жил в маленькой гостинице на авеню Терн.

- Благодарю вас!

Мегрэ вернул ему удостоверение, не задав ни одного вопроса, снова поднес руку к полям шляпы и вышел; испанец и Поччо проводили его изумленными взглядами.

Глава 5

В КОТОРОЙ НЕКИЙ БАРОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ, А МЕГРЭ ПО НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ ИДЕТ В КИНО

Мегрэ удобно откинулся на заднее сиденье машины; ему было тепло и уютно, он глядел на проносящиеся мимо огни и обдумывал все, что удалось выяснить. Когда они выехали на площадь Согласия, он сказал шоферу:

- Сверни-ка на улицу Капуцинов, мне необходимо позвонить.

Позвонить надо было в префектуру, которая находилась отсюда в пяти минутах езды, но Мегрэ был не против еще раз попасть в бар "Манхеттен".

Теперь он был совсем иначе настроен, чем утром.

Бар был полон - у стойки, в клубах дыма, толпилось не меньше тридцати человек. Почти все здесь говорили по-английски, кое-кто из посетителей читал американские газеты. Луиджи и его два помощника сбивали коктейли.

- То же виски, что сегодня утром, - произнес Мегрэ таким спокойным и веселым тоном, что хозяин посмотрел на него с удивлением.

- Бурбон?

- Не знаю. Вы же мне сами наливали. Луиджи был явно недоволен его посещением, и Мегрэ даже показалось, что он окинул быстрым взглядом всех своих клиентов, чтобы убедиться, что здесь нет никого, с кем комиссар не должен был бы встретиться.

- Скажите-ка, Луиджи...

- Минуточку...

Он разносил напитки и суетился куда больше, чем это было необходимо, словно желая избежать вопросов комиссара.

- Я хотел вам сказать, Луиджи, что есть еще один из ваших соотечественников, с которым мне надо было бы встретиться. Интересно, слышали ли вы когда-нибудь о некоем Маскарели, по прозвищу Неряха Джо?

Мегрэ произнес эту тираду, не повышая голоса. И хотя многие вокруг кричали, пытаясь перекрыть гул голосов, не меньше десяти человек с любопытством взглянули на комиссара, стоило ему только произнести имя Маскарели.

Что до Луиджи, тот лишь буркнул в ответ:

- Не знаю его и знать не хочу. Мегрэ, довольный собой, направился в кабину телефона-автомата.

- Это ты, Жанвье? Погляди-ка, не ушел ли еще Барон? Если он здесь, попроси его меня подождать, а если его уже нет, постарайся с ним связаться по телефону и попроси его как можно скорее вернуться на Набережную Орфевр.

Мне совершенно необходимо с ним поговорить.

Протиснувшись к стойке, Мегрэ выпил свою рюмку виски и вдруг заметил парня, которого уже видел сегодня. Это был высокий блондин, ну прямо герой американского фильма; парень этот, в свою очередь, тоже не спускал глаз с комиссара.

Луиджи оказался слишком занятым, чтобы попрощаться с Мегрэ, который вышел из бара, сел в машину и четверть часа спустя вошел в свой кабинет. Ему навстречу встал человек, который поджидал его, уютно устроившись в кресле.

Человека этого звали Бароном не потому, что он был бароном, а потому, что это была его фамилия, он не работал в опергруппе Мегрэ. Вот уже двадцать пять лет, как он занимался только скачками и предпочитал оставаться простым инспектором, нежели изменить свою специализацию.

- Вы меня вызывали, комиссар?

- Садитесь, старина. Одну минутку...

Мегрэ снял пальто, зашел в соседнюю комнату, чтобы выяснить, нет ли каких-нибудь сообщений, а потом, вернувшись в кабинет, тоже уселся в кресло и вытащил трубку.

Должно быть, оттого, что Барон все свое время проводил на ипподромах, где занимался не какой-нибудь мелюзгой, а только крупными игроками, завсегдатаями, он постепенно стал походить на своих подопечных. Как и у них, у него на шее обычно болтался полевой бинокль, а в день розыгрыша Гран При он не обходился без серого котелка и серых гетр. Некоторые уверяли, что видели его даже с моноклем, и это вполне возможно; вполне возможно также, что Барон и сам пристрастился к игре, как утверждают сплетники.

- Сейчас я вам изложу суть дела, которое меня интересует, а вы мне скажете, что вы по этому поводу думаете. Представьте себе американца, который вот уже два года живет в Париже и регулярно ходит на скачки...

- Американец какого типа?

- Не из тех, кого приглашают на приемы в посольство. Мошенник высокого класса, Билл Ларнер.

- Я его знаю, - спокойно заметил Барон.

- Прекрасно. Это нам многое облегчит. По некоторым причинам Ларнеру понадобилось сегодня утром куда-то скрыться, причем не одному, а вместе с двумя своими соотечественниками, которые недавно высадились во Франции и не говорят ни слова по-французски. Они знают, что у нас есть их приметы, и я сильно сомневаюсь, чтобы они решились сесть на поезд или на самолет. Я убежден, что они скрываются где-то вблизи Парижа, где их, по-видимому, что-то держит. Автомобиля у них нет, но они весьма ловко пользуются чужими машинами, а потом бросают их.

Барон слушал внимательно, с тем выражением, которое обычно бывает на лицах специалистов, когда к ним обращаются за консультацией.

- Я довольно часто встречал Ларнера с красивыми женщинами, - заметил он.

- Знаю. У одной из таких он даже провел со своими приятелями последние два дня, но я не думаю, чтобы он дважды ставил на одну и ту же карту.

- Я тоже этого не думаю, - он слишком хитер.

- От этой дамы я и узнал, что у него есть друзья среди жокеев и владельцев конюшен. Понимаете, к чему я веду? Ему надо было быстро, не теряя ни минуты, найти надежное укрытие. Более чем вероятно, что он обратился к кому-нибудь из своих земляков. Вы знаете американцев, связанных с ипподромом?

- Есть и американцы, но их, конечно, меньше, чем англичан. Подождите-ка.

Я сейчас подумал об одном жокее, о Малыше Лопе, но он, если не ошибаюсь, сейчас в Миами. Встречал я еще американца Фреда Брауна, который работает в конюшне одного из своих соотечественников. Но, наверное, скачками занимаются и другие американцы.

- Послушайте, Барон. Парень, у которого Ларнер решил укрыться, должен обязательно жить где-нибудь уединенно. Поставьте себя на место Билла Ларнера и подумайте, у кого бы он считал себя вне опасности. Мне говорили, что он как-то ночевал в Мэзон-Лафите или где-то поблизости от этого места.

- Совсем неглупо.

- Что - неглупо?

- В тех краях и в самом деле есть несколько конюшен. Я должен вам немедленно дать ответ?

- Во всяком случае, как можно скорее.

- Ну что ж, тогда я обойду несколько баров, в которые прежде хаживал, и потолкаюсь среди этого люда. Если я смогу сегодня вечером дать ответ, где мне вас найти?

- Я буду дома.

Барон с важным видом двинулся к двери, но Мегрэ после минутного раздумья его остановил.

- Еще одно слово. Будьте осторожны. Если вам удастся что-либо обнаружить, один ничего не предпринимайте. Мы имеем дело с убийцами.

Он произнес это слово не без иронии, потому что слишком много раз повторял его за последние сутки.

- Все ясно. Я почти наверняка позвоню вам сегодня вечером. А к утру уж во всяком случае до чего-нибудь докопаюсь.

Когда Мегрэ наконец приехал домой, он застал жену уже одетой. Он собирался, выпив грог и приняв аспирин, лечь в постель, чтобы заглушить начинающийся грипп, но - уввы - не тут-то было: ведь по пятницам они всегда ходили в кино!

- Как Лоньон? - спросила жена.

Перед самым уходом он получил последние сведения из больницы. У горе-инспектора все же началось воспаление легких, но с болезнью надеялись быстро справиться с помощью пенициллина; зато врачей сильно тревожил удар, который Лоньон получил по голове.

- Пролома черепа, правда, нет, но боятся сотрясения мозга. Он начал бредить.

- А как себя ведет его жена?

- Она продолжает вопить, что никто не имеет права разлучать супругов, которые прожили вместе больше тридцати лет, и настаивает, чтобы либо его перевезли домой, либо ей разрешили находиться в больнице.

- Она своего добилась?

- Нет.

Обычно супруги Мегрэ медленно шли до бульвара Бон-Нувель и там заходили в первый попавшийся кинотеатр. Фильмом Мегрэ было нетрудно угодить. Более того, он охотнее смотрел самую заурядную картину, чем какую-нибудь нашумевшую ленту; он любил, сидя в кресле, глядеть на экран и ни о чем не думать. Чем менее шикарным был кинотеатр, тем демократичнее была там публика; чем больше зрители смеялись в нужных местах и отпускали шутки, ели мороженое, жевали резинку, тем большее удовольствие он получал.

На улице было по-прежнему сыро и холодно. Выйдя из кино, они посидели на террасе какого-то маленького кафе, выпили по стакану пива и попали домой только в одиннадцать часов вечера. Едва Мегрэ переступил порог квартиры, как раздался телефонный звонок.

- Алло! Барон, это вы?

- Нет, это говорит Вашэ, господин комиссар. Я заступил на дежурство в восемь часов вечера. С девяти я тщетно пытаюсь с вами связаться.

. - Есть что-нибудь новое?

- На ваше имя пришло письмо. Почерк женский. На конверте крупными буквами написано: Крайне срочно. Можно мне его вскрыть и прочитать вам?

- Читай!

- Минуточку. Вот: "Господин комиссар! Совершенно необходимо, чтобы я с вами как можно скорее встретилась. Это вопрос жизни и смерти. К несчастью, я не могу выйти из своей комнаты и даже не знаю, как переправить вам это письмо. Не смогли бы вы посетить меня в гостинице "Бретань", улица Рише, это почти напротив "Фоли-Бержер". Я живу в номере сорок семь. Никому ничего не говорите. Вокруг гостиницы, наверное, кто-нибудь ходит. Приходите, приходите, я вас умоляю".

Подпись была неразборчива, начиналась она с буквы "М".

- Скорее всего, Мадо, - сказал Вашэ, - но я в этом не уверен.

- В котором часу отправлено письмо?

- В восемь вечера.

- Ясно. Больше ничего? От Люка или от Торанса нет никаких сведений?

- Люка сидит в ресторане у Поччо. Поччо уговорил его зайти к нему, уверяя, что просто глупо стоять на холоде, когда можно сидеть в тепле. Он просит дать ему дальнейшие указания.

- Пошлите его спать.

Госпожа Мегрэ слышала этот разговор; она вздохнула, но не стала возражать, видя, что муж ищет свою шляпу. Она привыкла к его ночным отлучкам.

- Спать-то ты хоть вернешься? И возьми шарф, прошу тебя.

Перед тем как выйти, он выпил немного сливянки. Ему пришлось идти пешком до площади Республики и только там удалось схватить такси.

- Улица Рише, напротив "Фоли-Бержер"!

Он знал гостиницу "Бретань", пользующуюся весьма дурной репутацией; на верхних этажах комнаты сдавались понедельно или помесечно.

Спектакль в "Фоли-Бержер" уже давно кончился, и прохожих на улице почти не было.

Мегрэ вошел в плохо освещенный коридор и постучал в застекленную дверь; за стеклом сразу же вспыхнул свет и кто-то пробурчал сонным голосом:

- Кто там?

- Я в номер сорок семь.

- Проходите.

Мегрэ смутно различал сквозь занавеску, что на раскладушке лежал какой-то человек, который протянул было руку, чтобы дернуть за резиновую грушу и тем самым открыть вторую дверь, но не сделал этого. Окончательно проснувшись, портье вник наконец в то, что ему сказал посетитель.

- В номере сорок семь дикого нет, - пробурчал он, снова укладываясь.

- Минуточку. Мне надо с вами поговорить.

- Что вам угодно?

- Я из полиции.

Мегрэ и не пытался разобраться, что бубнил себе под нос портье, но это были явно бранные слова по его адресу.

Портье нехотя поднялся с постели, на которой он лежал одетый, подошел к двери, повернул ключ в замочной скважине и впустил посетителя, окинув его злобным взглядом.

- Вы из полиции нравов? - нахмутив брови, спросил он.

- Откуда вы знаете, что в номере сорок семь никого нет?

- Тип, который там жил, уже несколько дней как смотался, а его подруга недавно вышла.

- Когда?

- Точно не скажу. Часов в девять или в половине десятого.

- Ее зовут Мадо? Портье пожал плечами.

- Я дежурю только ночью и имен не знаю. Уходя, она сдала мне ключ. Вот поглядите - он висит на доске.

- Эта дама ушла одна? Портье молчал.

- Я вас спрашиваю: эта дама ушла одна?

- Что вам от нее надо? Ладно, ладно. Не сердитесь. Незадолго перед этим к ней приходили.

- Кто? Мужчина?

Портье был поражен, что в такой гостинице, как эта, ему задают подобные вопросы.

- Гость долго оставался в номере?

- Минут десять.

- Он спросил вас, в каком номере она живет?

- Он меня ни о чем не спрашивал. Он поднялся по лестнице, даже не взглянув на меня. Тогда дверь еще была не заперта.

- Откуда вы знаете, что этот тип направился именно к ней в номер?

- Да потому, что они вышли вместе.

- У вас ее регистрационная карточка?

- Нет. Они все у хозяйки, она их хранит у себя в кабинете, а он заперт на ключ.

- А где хозяйка?

- Спит.

- Дайте мне ключ от номера сорок семь и разбудите хозяйку. Пусть она поднимется ко мне.

Портье как-то странно поглядел на Мегрэ и вздохнул.

- Да, в мужестве вам не откажешь. А вы уверены, что вы в самом деле служите в полиции?

Мегрэ предъявил свой жетон и с ключом в руке стал подниматься по лестнице. Номер 47 находился на четвертом этаже, это был самый обычный гостиничный номер, с железной кроватью, умывальником у стены, обтрепанным креслом и комодом.

Кровать была застелена покрывалом сомнительной чистоты, а на нем валялась газета с фотографиями Чарли Чинаглиа и Чичеро на первой странице. Это была вечерняя газета - в киоски она попадала не раньше шести часов. Всех читателей, видевших кого-либо из этих людей, просят срочно сообщить об этом комиссару Мегрэ.

Может, это объявление и заставило женщину, по имени Мадо, послать ему письмо?

В углу комнаты стояли два чемодана - один старый, потрепанный, другой совсем новый. На обоих - наклейки Канадского пароходства. Мегрэ раскрыл чемоданы и стал выкладывать на кровать все, что там лежало, - белье, платья, кофты; большинство вещей тоже были совсем новыми, купленными в магазинах Монреаля.

- Я вижу, вы не церемонитесь! - раздался голос у двери.

Это появилась хозяйка, она с трудом переводила дух, должно быть, слишком быстро подымалась по лестнице. Она была небольшого роста, с резкими чертами лица, а железные бигуди на ее седеющих волосах не прибавляли ей привлекательности.

- Прежде всего, кто вы такой?

- Комиссар Мегрэ из опергруппы.

- Что вам надо?

- Мне надо выяснить, кто эта женщина, которая здесь живет?

- Зачем? Что она сделала?

- Я бы вам посоветовал дать мне ее регистрационную карточку без пререканий.

Карточку хозяйка на всякий случай захватила с собой, но передала ее Мегрэ с большой неохотой.

- В полиции, видно, никогда не научатся хорошим манерам.

Она направилась к двери, ведущей в соседний номер, с явным намерением прикрыть ее поплотнее.

- Минуточку. А кто занимает тот номер?

- Муж этой дамы. Разве это не его право?

- Не трогайте эту дверь. Я вижу, что они записались под именами Перкинс мосье и мадам Перкинс из Монреалья, Канада.
- Ну и что?
- Вы видели их паспорта?
- Я никогда не сдала бы им комнат, если бы их документы не были в порядке.
- Судя по этой карточке, они прибыли месяц назад.
- Вас это огорчает?
- Вы можете мне описать Джона Перкинса?
- Небольшого роста, брюнет, нездорового вида и вдобавок с больными глазами.
- Почему вы думаете, что у него больные глаза?
- Потому что он всегда носит темные очки, даже ночью. Разве он совершил что-нибудь плохое?
- Как он был одет?
- С иголки, во все новое с головы до ног. Впрочем, в этом нет ничего удивительного для молодожена, не так ли?
- Они молодожены?
- Я так думаю.
- Почему?
- - Потому что они почти не выходят из своих комнат.
- А почему они сняли два номера?
- Ну, знаете, это меня не касается.
- А где они едят?
- Я их об этом не спрашивала. Мосье Перкинс, видимо, в номере, потому что я никогда не видела, чтобы он днем выходил куда-нибудь, особенно последнее время.
- Что значит - последнее время?
- Ну, скажем, последнюю неделю. А может быть, и две.
- Неужели он никогда не выходил подышать воздухом?
- Только вечером.
- Всегда в темных очках?
- Я вам говорю то, что видела. Ваше дело - верить или нет.
- А жена его выходит на улицу?
- Да, она бегаёт в магазины, чтобы купить для него еду. Я даже как-то зашла к ним проверить, не вздумали ли они готовить у себя в номере, - у нас это запрещено.
- Таким образом, в течение нескольких недель он ест всухомятку?
- Похоже на то.
- И вам это не казалось странным?
- От иностранцев и не такого можно ждать.
- Портье мне сказал, что Перкинс вот уже несколько дней не показывается в гостинице. Когда вы его видели в последний раз?
- Не помню. В воскресенье или понедельник.
- Из вещей он ничего не взял?
- Нет.
- Он не предупредил вас, что уедет на несколько дней?

- Он ни о чем меня не предупреждал. Впрочем, что бы он мне ни говорил, я бы все равно ничего не поняла - ведь он не знает ни слова по-французски.

- А его жена?

- Она говорит, как мы с вами.

- Без акцента?

- С легким акцентом, похожим на бельгийский. Говорят, это канадский акцент.

- У них канадские паспорта?

- Да.

- Как вы узнали, что Перкинс уехал из гостиницы?

- Как-то вечером он вышел погулять - то ли в воскресенье, то ли в понедельник - я вам уже говорила, а на следующий день Люсиль, горничная, которая убирает эти номера, сообщила мне, что его нет и что его жена как будто этим обеспокоена... Но если вы еще долго собираетесь меня расспрашивать, мне придется сесть.

Она уселась с важным видом в кресло и бросила на комиссара раздраженный взгляд.

- К Перкинсам приходили знакомые?

- Насколько я знаю, нет.

- Где у вас телефон?

- В конторе, и я там нахожусь весь день. Они ни разу не пользовались телефоном.

- А письма они получают?

- Ни единого.

- Мадам Перкинс не ходит на почту? Может быть, она получает корреспонденцию до востребования?

- Я за ней не следила. Послушайте, а вы уверены, что имеете право рыться в их вещах?

Дело в том, что Мегрэ, задавая все эти вопросы, продолжал вынимать из чемоданов вещь за вещью, и теперь все их имущество было разложено на кровати.

Вещи эти были хорошего качества, не слишком шикарные, но и не дешевые.

Туфли поражали высотой каблуков, а белье больше подходило бы для танцовщицы ночного кабаре, чем для новобрачной.

- Я хочу зайти в соседнюю комнату.

- Вы у меня разрешения не спрашивали! Хозяйка пошла за ним следом, словно боялась, что он что-нибудь унесет. Во втором номере тоже стояли новые чемоданы, купленные в Монреале, и вся мужская одежда была тоже новой, с этикетками канадских фирм. Можно было подумать, что эта парочка вдруг решила явиться в каком-то новом виде, и за несколько часов они приобрели все необходимое для путешествия. На комодке валялось штук десять американских газет - и все.

Ни единой фотографии, ни единого документа. На самом дне чемодана Мегрэ нашел паспорт на имя Джона ') Перкинса из Монреала, Канада, с женой. Судя по визам и печатям, супруги сели на пароход шесть недель назад в Галифаксе и высадились в Саутхэмптоне, откуда они через Дьепп попали во Францию.

- Вы удовлетворены?

- А Люсиль, горничная, о которой вы говорили, живет в гостинице?

- Она ночует на седьмом этаже.

- Попросите ее спуститься ко мне.

- С величайшей охотой! Как удобно служить в полиции! Можно будить людей в любой час ночи, нарушать их сон...

Поднимаясь по лестнице, она продолжала что-то возмущенно бубнить. Мегрэ тем временем обнаружил бутылку синих чернил, которыми Мадо написала письмо.

Он увидел также сверток с колбасой, лежавший за окном.

Люсиль оказалась невзрачной брюнеткой, да к тому же еще и косою. На ней был халатик небесно-голубого цвета, и она все время старательно запахивала его полы.

- Вы мне больше не нужны, - обратился Мегрэ к хозяйке. - Можете идти спать.

- Ах, как вы любезны!.. Люсиль, не смущайся, держись независимо!

- Хорошо, мадам!

Люсиль и в самом деле несколько не была смущена.

Едва за хозяйкой захлопнулась дверь, как она произнесла с неописуемым восхищением:

- Правда, что вы знаменитый комиссар Мегрэ?

- Садитесь, Люсиль. Я хотел бы, чтобы вы мне рас сказали все, что вы знаете о Перкинсах.

- Мне всегда казалось, что это какая-то странная пара.

- Почему? Она покраснела.

- Потому что они жили в разных комнатах.

- В котором часу вы делали уборку?

- Как когда: иногда в девять утра, а иногда и после обеда. Ее номер я старалась убирать, когда она уходила. Но он всегда бывал дома.

- Как он проводил время?

- Читал толстые газеты, я уж не знаю, на скольких страницах, решал кроссворды или писал письма...

- Вы сами видели, как он писал письма?

- Да, довольно часто.

- Говорят, он никогда не выходил днем?

- Первое время выходил, а последние две недели нет.

- У него болели глаза?

- В комнате не болели, там он никогда не надевал темных очков, но даже в коридор без них не выходил.

- Иначе говоря, он от кого-то прятался?

- Думаю, что да.

- Вам не казалось, что он чем-то напуган?

- Да, пожалуй. Когда я стучала в дверь, он никогда не открывал задвижки, пока я не назовусь.

- Она вела себя так же, как и он?

- Нет, совсем не так. Разве что с понедельника. Точнее, с утра вторника.

Во вторник я заметила, что мосье Перкинса больше нет.

- Она вам сказала, что он уехал?

- Нет, она мне ничего не сказала, но была сама не своя. Несколько раз она меня просила купить ей колбасы и хлеба. Сегодня вечером...

- Значит, это вы бросили письмо в почтовый ящик?

- Да. Она мне позвонила и велела его отправить. Я обычно выполняла для нее всякие мелкие поручения, и она мне хорошо платила за это. Газеты тоже я ей покупала.

- Вы ей и сегодня принесли вечернюю газету?

- Да.

- Вам показалось, что она собирается куда-то уйти?

- Нет, она уже разделась.

- Потом она позвонила вам, чтобы вы отправили письмо?

- Да, когда я вошла, на ней было домашнее платье.

- В котором часу вы легли?

- В девять часов. Я начинаю работать в семь утра.

- Благодарю вас, Люсиль. Если вы вспомните еще какую-нибудь подробность, позвоните мне, пожалуйста, в префектуру. Если меня не будет, передайте то, что вы хотите сказать, инспектору, который подойдет.

- Хорошо, мосье Мегрэ.

- Вы можете идти спать.

Она еще минутку в нерешительности постояла, улыбнулась и прошептала:

- До свиданья, мосье Мегрэ!

- Вы можете идти спать.

Он спустился вниз к портье, который ждал его за бутылкой красного вина.

- Ну, так что же вам рассказала хозяйка?

- Она была весьма любезна, - ответил комиссар. - Люсиль тоже.

- Люсиль небось с вами заигрывала?

- Вы каждый вечер заступаете в девять часов?

- Да. Но я ложусь не раньше одиннадцати, а иногда я позже, после того как кончается представление в "Фоли-Бержер".

- Вы видели мужчину, который приходил за мадам Теркине?

- Сквозь эту занавеску, но все же я его разглядел.

- Опишите мне его.

- Высокий блондин, в мягкой шляпе, сдвинутой на затылок. Он был без пальто, и это меня удивило, потому что теперь холодно.

- Может, у дверей стояла его машина?

- Нет. Я долго слышал их шаги.

Мегрэ показалось, что рассказ о человеке без пальто ему что-то напоминает. Но что именно? Этого он пока не мог сообразить.

- Как вы думаете, она шла с ним по доброй воле?

- Что вы хотите сказать?

- Она открыла дверь дежурки?

- Конечно, открыла, раз она мне передала ключ.

- А спутник ждал ее в коридоре?

- Да.

- У вас не было впечатления, что он ей угрожает?

- Нет. Он спокойно курил сигарету.

- Она вам ничего не передала?

- Нет, ничего. Она мне протянула ключ и сказала:
"Добрый вечер, Жан". Вот и все.

- Вы обратили внимание на то, как она была одета?
- На ней было темное пальто и серая шляпа.
- У нее в руке не было чемодана?
- Нет.
- Когда ее муж выходил вечером, ему случалось брать такси?
- Нет. Насколько я видел, он всегда уходил и возвращался пешком.
- А куда он ходил? Далеко?
- Не думаю, чтобы далеко. Он никогда не отсутствовал больше часа.
- А вместе они когда-нибудь выходили?
- Только вначале.
- А последние две недели?
- По-моему, нет.
- Он так и не снимал своих темных очков?
- Нет.

Окна номера 47 и смежной с ними комнаты выходили на улицу. Если жена никогда не сопровождала так называемого Перхинса, то не значит ли это, что она следила из окна, свободен ли путь? Быть может, когда он возвращался, она условным знаком оповещала его, что он безбоязненно может войти в свой номер.

По описаниям Перкинса, если не считать одежды, весьма походил на Маскарели, по кличке Неряха Джо!

Его исчезновение в ночь с понедельника на вторник не заставляет ли предположить, что он и был тем незнакомцем, которого выбросили из машины на улице Флешье чуть ли не к ногам бедняги Лоньона?

Мегрэ вынул из кармана фотографию Билла Ларнера и показал ее портье.

- Вы его узнаете?
- Нет. Я его никогда не видел.
- Вы уверены, что за мадам Перкинс заходил же он?
- Абсолютно уверен.

Потом Мегрэ показал ему фотографии Чарли и Чичеро.

- А этих вы знаете?
- Не знаю. Видел эти фотографии сегодня вечером в газете.

Мегрэ приехал сюда на такси, но тут же его отпустил. Поэтому ему пришлось пешком отправиться в сторону Монмартра в надежде поймать какую-нибудь машину. Не успел он пройти и ста метров, как ему показалось, что за ним следят.

Он остановился. Шаги, которые он слышал все время за спиной, тоже заглохли. Он пошел дальше и снова услышал, что за ним кто-то идет. Тогда он резко обернулся и заметил, что кто-то метрах в пятидесяти от него тоже резко повернул и пошел в другую сторону.

Впрочем, разглядеть человека, следившего за ним, Мегрэ не удалось - тот прятался в тени домов. Само собой разумеется, Мегрэ не мог ни бежать за ним, ни окликнуть его.

Выйдя на улицу Монмартр, комиссар уже не пытался поймать такси, а зашел в первый попавшийся ночной бар.

Нисколько не сомневаясь, что тот тип стоит возле бара и ждет его выхода, Мегрэ заказал рюмку коньяку и направился в телефонную будку.

В КОТОРОЙ ДЕЛО ПОШЛО НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Комиссариат полиции 4-го округа находился через несколько домов от ярко освещенного бара, куда зашел Мегрэ; это был как раз тот самый комиссариат, которому и пришлось бы расследовать это дело, не усердствуй так Лоньон, ведь улица Флешье проходила как раз по границе участка. Мегрэ с сосредоточенным видом набрал номер.

- Алло? Это кто?.. Говорит Мегрэ.

- Инспектор Бонфис у аппарата, господин комиссар.

- Сколько человек с тобой дежурит, Бонфис?

- Только двое, Большой Никола и Данвер.

- Слушай меня внимательно. Я нахожусь в бар, "Солнце". За мной следят какой-то тип ходит за мной по пятам.

- Его приметы?

- Понятия не имею. Он прячется в тени домов и держится на таком расстоянии, что разглядеть его невозможно.

- Вы хотите, чтобы мы его взяли?

Мегрэ едва не повторил с раздражением фразу, которую слышал от Поччо к от Луиджи: "Тут придется иметь дело не с любителем".

- Слушай меня внимательно, - сказал он. - Если этот тип подошел к окну и увидел, что я тут же направился в кабину телефона-автомата, он все понял и, скорее всего, уже удрал. И даже если он не видел, что я звоню, он все равно, наверное, подумал о такой возможности... Что ты там бубнишь?

- Я говорю, что люди не всегда могут все предвидеть.

- Такие, как он, все предвидят. Во всяком случае, он настороже.

Хотя Мегрэ и не видел Бонфиса, он не сомневался в том, что по его лицу пробежала ироническая усмешка. Стоит ли разводить всю эту антимионию, чтобы задержать одного типа на улице, да еще в тот момент, когда он этого не ждет!

- Вы останетесь в баре, шеф?

- Нет. Здесь на улице еще встречаются прохожие. Я предпочел бы, чтобы мы произвели эту операцию без свидетелей. Пожалуй, улица Гранд Бательер подошла бы лучше всего. Она короткая, и ее легко заблокировать с обоих концов.

Немедленно пошли двух-трех полицейских в форме на улицу Друо и прикажи им укрыться. чтобы до поры до времени их не заметили, и пусть держат пистолеты наготове.

- Такое серьезное дело?

- По-видимому, Никола и Данвер должны устроить засаду на ступеньках Пассажа Жуфруа. Мне кажется, что в этот час решетка, перекрывающая вход в Пассаж, уже закрыта, да?

- Да.

- Передай им мои инструкции да повтори все дважды. Минут через десять я выйду из бара и медленно пойду направо. Когда я сверну на улицу Гранд Бательер, никто из твоих людей не должен двинуться с места. А когда этот тип с ними поравняется, они его схватят. И пусть они будут осторожны - он наверняка вооружен.

Помолчав, Мегрэ добавил, хотя и знал, что вызовет этим улыбку у инспектора.

- Если я не ошибаюсь, это - убийца. Что до тебя, Бонфис, то ты с несколькими полицейскими перекроешь улицу Фобур Монмартр.

Редко приходится прибегать к таким мерам, чтобы задержать одного человека, и все же в самую последнюю минуту Мегрэ добавил:

- Чтобы действовать наверняка, приготовь машину на улице Друо.

- Кстати о машине...

- Что такое?

- Может, тут и нет связи, но все же лучше вам это знать. Этот тип давно идет за вами?

- С улицы Рише.

- А вы знаете, как он туда добрался? Дело в том, что примерно полчаса назад один из ажанов обнаружил на Монмартре, как раз совсем поблизости от улицы Рише, украденную машину, о пропаже которой нас известили сегодня после обеда.

- Где ее украли?

- У ворот Майо.

- Твой ажан <Ажан - так французы в разговорной речи называют полицейского.> пригнал ее в комиссариат?

- Нет, она все еще стоит неподалеку от улицы Рише.

- Не трогайте ее. А теперь повтори мои указания. Бонфис повторил все слово в слово, как хороший ученик, даже слово "убийца" не обошел, хотя и произнес его, пожалуй, после еле уловимой паузы.

- Десять минут тебе хватит?

- Дайте лучше пятнадцать.

- Хорошо, я уйду из бара ровно через пятнадцать минут. Проверь, чтобы у всех было оружие.

У самого Мегрэ оружия не было. Он подошел к стойке и выпил грог, чтобы как-то одолеть этот злосчастный грипп, который привязался к нему.

По тротуару время от времени проходили запоздавшие парочки. Было уже час ночи, и почти все такси направлялись теперь к ночным кабаре на Монмартре. Не спуская глаз со стенных часов, Мегрэ выпил вторую порцию грога, застегнул доверху пальто, открыл дверь и, сунув руки в карманы, двинулся в путь.

Поскольку он пошел назад, человек, выслеживающий его, должен был бы оказаться впереди него, но он никого не видел. Может, этот тип успел забежать вперед, пока комиссар говорил по телефону?

Мегрэ не хотелось оборачиваться, он соблюдал все правила игры, шел нарочито неторопливыми шагами и даже полистал у фонаря записную книжку, делая вид, что ищет адрес.

Украденная машина действительно стояла у тротуара; полицейских видно не было. На улице было человек десять прохожих, они громко говорили - видно, сильно выпили.

Мегрэ понимал, что только на улице Гранд Бательер он выяснит, идет ли за ним его преследователь, поэтому он завернул за угол не без некоторой тревоги и, лишь пройдя метров пятьдесят, вновь услышал звук шагов за своей спиной.

Теперь уже все зависело от Большого Никола, громадного парня, любителя всяких облав и драк. Проходя мимо Пассажа Жуфруа, Мегрэ не позволил себе обернуться, но он знал, что там, на ступеньках, в тени решетки, притаились в засаде два полицейских. В гостинице напротив в двух или трех окнах еще горел свет.

Мегрэ шел, посасывая свою трубку, и старался как можно точнее рассчитать, в какой момент его преследователь дойдет до входа в Пассаж. Еще десять шагов... Ну вот, сейчас...

Он ожидал, что до него донесется шум рукопашной схватки, быть может, звук падения тела на асфальт.

Вместо этого вдруг ни с того ни с сего в полной тишине прогремел выстрел.

Мегрэ резко обернулся и увидел посреди улицы невысокого коренастого парня, который выстрелил второй раз, а потом и третий в сторону Пассажа.

На улице Монмартр раздался свисток - видно, Бонфис звал своих ажанов.

Улица Гранд Бательер была заблокирована с обоих концов. Кто-то скатился со ступенек Пассажа - должно быть, это был Никола, потому что распростертое на тротуаре тело казалось огромным. Данвер тоже выстрелил. Подбежали ажаны с угла улицы Друо. Один из них выстрелил слишком рано, и пуля едва не угодила в Мегрэ. Секунду спустя подъехала полицейская машина.

Практически у убийцы не было никаких шансов удрать, и, однако, по чисто случайному стечению обстоятельств ему удалось совершить это чудо.

В тот момент, когда с двух сторон двигались цепи полицейских, на углу улицы Друо появился грузовик с овощами, который, непонятно почему, направлялся на Монмартр, чтобы таким кружным путем проехать к Центральному рынку. Ехал он на большой скорости и изрядно тархтел. Шофер, видно, не понимал, что творится вокруг, - он слышал выстрелы, и один из полицейских крикнул ему что-то, наверное, велел остановиться, но шофер с перепугу сделал обратное: нажав на акселератор, он пулей промчался по улице.

Бандит тут же сориентировался и, уцепившись за борт, на ходу вскочил на грузовик, хотя в него стрелял Данвер и даже Никола, который, не будучи в силах приподняться, все же продолжал палить из пистолета.

Казалось, что в этом поединке победит полиция, потому что за грузовиком помчалась подоспевшая легковая машина, но на углу улицы Монмартр пуля пробила ей скат, и от погони пришлось отказаться.

Бонфис, который отскочил в сторону, пропуская грузовик, свистел теперь что было мочи, чтобы оповестить ажанов, которые могли оказаться на пути грузовика, на Больших Бульварах. Но те ничего не поняли. Они видели, как проехал грузовик, но не знали, что им надлежит делать. Прохожие, услышав выстрелы, в панике бросились бежать.

В полной тишине прогремел выстрел.

Мегрэ понял, что все пропало - на этот раз он проиграл. Предоставив Бонфису заняться погоней, он подошел к Никола и склонился над ним.

- Ранен?

- В живот, - простонал Никола, и лицо его исказилось от боли.

Подъехал полицейский автобус, из него вытащили носилки.

- Знаете, шеф, я уверен, что тоже попал в него, - сказал Никола, когда его вносили в машину.

Это оказалось правдой. Когда мостовую осветили, то в том месте, где гангстер стоял во время перестрелки, обнаружили пятна крови.

Вдалеке, где-то за Большими Бульварами, в направлении Центрального рынка, прогремело еще несколько выстрелов. В том квартале удрать ничего не стоило.

В ночные часы нескончаемой вереницей съезжались туда грузовики с овощами и фруктами. Их разгружали прямо на улице. Скопление машин, толчея - сотни безработных ждали случая хоть немного подработать, помогая таскать мешки и ящики; пьяницы, пошатываясь, выходили из захудалых ночных кабачков, которые здесь встречались на каждом шагу.

Мегрэ, опустив голову, понуро приплелся в комиссариат и зашел в пустой кабинет Бонфиса. Посреди комнаты стояла маленькая печурка, и комиссар стал механически засыпать в нее уголь.

Комиссариат был почти пуст - там находился только бригадир и трое рядовых полицейских, которые не решились задавать вопросы комиссару, но всем видом и поведением выражали свое крайнее изумление.

Все произошло совсем не так, как обычно. События разыгрались чересчур быстро, причем точность и жестокость каждого хода просто сбивали с толку.

- Вы оповестили опергруппу? - спросил Мегрэ у дежурного.

- Как только узнал, как обернулось дело. Они оцепят весь район Центрального рынка.

Таков был заведенный порядок, но Мегрэ прекрасно знал, что все это ничего не даст. Если стрелявший умудрился уйти от шести вооруженных людей на пустынной улице, к тому же блокированной с двух концов, то в таком муравейнике, как Центральный рынок, скрыться ему будет легче легкого.

- Вы не будете ждать результатов погони?

- Куда отвезли Никола?

- В городской госпиталь.

- Я буду на Набережной Орфевр. Пусть меня держат в курсе событий.

Мегрэ взял такси, и когда он проезжал район рынка, его дважды останавливали полицейские пикеты: началась большая облава и "черный ворон" стоял уже наготове.

Поччо и Луиджи были не так уж не правы - это Мегрэ знал с самого начала.

Конечно, Чинаглиа и его компания не новички и не любители. Можно было подумать, что они предвидят каждый шаг, предпринимаемый полицией, и тут же его парируют.

Мегрэ медленно поднялся по большой лестнице, прошел через комнату инспекторов, где Вашэ, который еще ничего не знал, варил на плитке кофе.

- Хотите, шеф?

- Выпью с удовольствием.

- Вы нашли Мадо?

Но, взглянув на Мегрэ, который молчал, Вашэ предпочел не повторять своего вопроса.

Мегрэ снял пальто, но, сам того не замечая, сел за стол прямо в шляпе и принялся машинально играть карандашом.

Так же машинально он набрал свой номер и услышал голос жены:

- Это ты?

- Я, вероятно, не приду ночевать.

- Что случилось?

- Ничего.

- Я вижу, ты совсем расклеился. Из-за насморка?

- Быть может!

- Неприятности?

- Спокойной ночи.

Вашэ принес ему чашку дымящегося кофе, и он подошел к стенному шкафу, чтобы достать бутылку коньяку, которая там всегда стояла.

- Хочешь?

- В кофе - это было бы как нельзя более кстати.

- Барон не звонил?

- Нет еще.

- У тебя есть его номер?

- Я его записал.

- Позвони-ка ему.

Молчание Барона тревожило Мегрэ. Ведь Барон обещал ему звонить, и было маловероятно, что он еще продолжает свою охоту.

- Никто не отвечает, шеф.

- Где Люка?

- Я отослал его спать, как вы велели.

- А Торанс?

- Вслед за дамой, которую вы ему поручили, он отправился в закусочную на улицу Руаяль - она там ужинала со своей подружкой. Потом вернулась домой одна, а Торанс продолжает следить за домом.

Мегрэ пожал плечами. К чему все это, раз противник их все время опережает? Вспомнив о словах Поччо, о покровительственном тоне Луиджи, он в бешенстве сжал зубы. Оба итальянца как бы говорили ему: "Вы, комиссар, очень хороши здесь, в Париже. В борьбе с преступниками-кустарями вы мастак. Но это дело вам не по зубам. Речь идет о ребятах, которые ведут отчаянную игру, и они могут с вами дурно обойтись. Лучше бросьте! Какое вам, в конце концов, до всего этого дело?"

Он позвонил в госпиталь, чтобы узнать, как себя чувствует Никола, с трудом добился толка.

- Сейчас как раз идет операция, - сказали ему наконец.

- Положение серьезное?

- Лапартония, полостная операция.

Лоньона они увозят на машине в лес Сен-Жермен, бьют кулаком по физиономии, а потом чуть не пробивают череп рукояткой револьвера. Большому Никола они всаживают пулю в живот, прежде чем он успевает двинуться с места.

Иначе говоря, следуя за Мегрэ по улице Гранд Бательер, этот тип ждал ловушки и держал револьвер наготове. Только чудом удалось Данверу уцелеть.

Судя по облику, это был Чарли. Чарли, который почти не знает Парижа, который не говорит ни слова по-французски, умудрился, однако, один, в центре города одурачить целый отряд полицейских!

Маскарели, тот, кого звали Неряха Джо, покинул Монреаль под чужим именем, в обществе женщины, которая, судя по всему, была ему совершенно чужой. А Чарли и Чичеро сели на теплоход в Нью-Йорке под своими собственными именами, не прячась, как люди, которым нечего бояться, и в гостинице на улице Этуаль они тоже остановились под своими именами.

Знали ли они, зачем едут в Париж? Наверняка. Они знали также, к кому можно обратиться за помощью. Мегрэ готов был поклясться, что такой человек, как Билл Ларнер, который никогда не прибегал к насилию, с тяжелым сердцем согласился с ними сотрудничать. Так или иначе, им удалось принудить его к соучастию и заставить взять на свое имя машину из гаража.

Знали ли они адрес Маскарели? Вряд ли, потому что они схватили его только спустя две недели после своего появления в Париже. Они ничего не делали необдуманно, использовали в игре каждый козырь. В течение двух недель, пока готовилась расправа, они, вероятно, посетили ресторан Поччо в обществе Билла Ларнера.

Ходили ли они в бар "Манхеттен"? Возможно. Луиджи был честным человеком, но он все равно никогда бы не рассказал Мегрэ об их посещении. Разве он не говорил весьма многозначительно об американских коммерсантах, которые предпочитают платить выкуп, чем ждать пули из-за угла!

Неряха Джо тоже, видно, был в курсе всего, поскольку последние две недели он удвоил меры предосторожности. Сидя в гостинице на улице Рише, он все время чувствовал, что ему грозит опасность, и выходил на улицу лишь по вечерам, да и то на несколько минут, в темных очках, как некоторые киноактеры, скрывающиеся от толпы поклонников.

Чарли и Чичеро, должно быть, несколько дней кряду следили за ним, тщательно готовили ловушку и в понедельник, в машине, взятой Ларнером напрокат, караулили его вблизи гостиницы "Бретань". Видимо, все произошло точно так же, как с Лоньоном, - машина ждала у тротуара, револьвер был наведен на Маскарели. "В машину! Быстро!"

И все это в центре города, в час, когда на улице полно народу! Увезли ли его из города, чтобы всадить в него пулю? Скорее всего, нет. Возможно, они воспользовались револьвером с глушителем и, совершив свое грязное дело, выбросили труп на улице Флешье.

Думая, Мегрэ рисовал на листе бумаги человечков, как школьник на полях тетради.

В тот момент, когда машина тронулась, они вдруг заметили Лоньона в тени ограды. Видимо, стрелять было уже невозможно. К тому же для них не имело особого значения, будет ли обнаружен труп или нет. Главное дело сделано Джо убран.

В правильности своих рассуждений у Мегрэ сомнений не было. Машина с гангстерами, покружив в том же квартале, вернулась через несколько минут на улицу Флешье, и тут выяснилось, что труп исчез. Полиция этого сделать не могла - на такую операцию у нее ушло бы куда больше времени, не говоря уже о разных формальностях - составлении протокола и тому подобному. А на тротуаре никого не было.

Как же узнать, кто похитил тело?

"Это - профессионалы", - сказал тогда Луиджи.

И они действительно вели себя как профессионалы. Догадываясь, что человек, которого они обнаружили у ограды церкви, наверное записал номер их машины, они с утра стали следить за гаражом, где взяли машину напрокат, увидели Лоньона, который пытался собирать сведения, и пошли за ним, ожидая, видимо, найти у него труп или раненого.

Чарли и Чичеро ни слова не говорили по-французски, поэтому они не могли ни о чем расспросить ни консьержку, ни госпожу Лоньон. Тогда они послали туда Ларнера. Можно себе представить, как у них вытянулись физиономии, когда они узнали, что Лоньон служит г. полиции. Но почему же молчат газеты? Это не могло их не тревожить.

Понятно, им было крайне важно отыскать свою жертву живой или мертвой.

Вместе с тем теперь, когда они узнали, что их разыскивает полиция, им следовало исчезнуть.

Можно было подумать, что начиная с этой минуты они предвидели каждый шаг Мегрэ и умело отражали его атаки. Все трое удрали из гостиницы, а потом, полудив записку от Поччо, покинули и убежище на улице Брюнель. фотографии всех трех появились в газетах. А несколько часов спустя подругу Неряхи Джо уводят из гостиницы. А когда из этой же гостиницы вышел Мегрэ, за ним стал следить Чарли Чинаглиа, который, ничего не боясь, устроил перестрелку на улице, словно они были в Чикаго, а не в Париже.

- Послушай, Вашэ...

- Да, комиссар.

- Позвони еще раз Барону.

Эта история с Бароном его все больше тревожила. Инспектор сказал, что он пошатается по барам, где бывают люди, играющие на скачках.

Мегрэ не недооценивал силы противника. Барон, возможно, кое-что узнает.

Но не догадались ли гангстеры, что он напал на их след? Не случилось ли с ним того же, что и с Лоньоном?

- Номер по-прежнему не отвечает.
- Ты уверен, что у тебя правильный номер?
- Сейчас проверю.

Ваше позвонил в справочную и выяснил, что номер у него верный.

- Который час?
- Без пяти два.

И вдруг Мегрэ пришло в голову, что "Манхеттен", видимо, один из тех самых баров, куда ходят люди, связанные с ипподромом.

Быть может, бар еще открыт? Даже если нет, Луиджи, наверное, еще не ушел, проверяет кассу.

И в самом деле, Луиджи снял трубку.

- Говорит Мегрэ.

- Да...

- У вас еще есть посетители?

- Я закрыл бар десять минут назад. Я здесь один и как раз собирался уходить.

- Скажите, Луиджи, вы знаете инспектора Барона?

- Тот, что занимается скачками?

- Да. Вы видели его нынче вечером?

- Видел.

- В котором часу?

- Сейчас соображу. В баре еще было много народу. Наверное, что-нибудь около половины двенадцатого. Как раз после окончания спектаклей.

- Он говорил с вами?

- Мимоходом.

- А вы не знаете, с кем он разговаривал? Возникла пауза.

- Послушайте, Луиджи. Вы хороший человек, и у нас к вам никогда не было никаких претензий.

- К чему вы это?

- Одному из моих инспекторов только что всадили пулю в живот.

- Он умер?

- Ему сейчас делают операцию. Кроме того, из гостиницы похитили женщину.

- Вы знаете, кто она?

- Подруга Неряхи Джо. Снова пауза.

- Барон забрел к вам не только потому, что ему захотелось выпить.

- Что-нибудь случилось?

- Чарли стрелял в моего инспектора.

- Вы его арестовали?

- Ему удалось бежать, но он тоже ранен.

- Что вас интересует?

- Я не знаю, где Барон, а мне необходимо его найти.

- Ну, сами посудите, чем я могу вам помочь? Я понятия не имею, куда он пошел.

- Если вы мне расскажете, с кем он у вас разговаривал, я, может быть, соображу, где его искать.

Снова пауза, на этот раз еще более длительная, чем первая.

- Послушайте, комиссар, думаю, что нам с вами не вредно поболтать. Я не уверен, впрочем, что это вам что-нибудь даст, потому что я знаю не так уж много. Только, пожалуй, нам лучше встретиться не здесь, а в другом месте.

Кто знает...

- Вы зайдете в префектуру?

- Ну нет уж, благодарю покорно. Послушайте, если вы поедете на бульвар Монпарнас в "Купель" и будете при этом уверены, что за вами не следят, я тоже туда приеду.

- - Когда вы там будете?

- Вот закрою здесь и поеду.

Прежде чем уйти, Мегрэ еще раз позвонил в госпиталь.

- Надеемся его спасти, - сказал ему врач. Потом он попросил соединить его с Бонфисом.

- Ну что, так и не задержали?

- Полчаса назад нам сообщили, что украли еще одну машину на улице Виктуар. Я передал по линии ее номер. Все одна и та же тактика.

- Скажите, Бонфис, вы осмотрели машину, которую бросили на улице Монмартр?

- Да. Она, видимо, сегодня была за городом, потому что грязь на скатах еще не высохла. Я позвонил ее хозяину, но он утверждал, что утром машина была чистой.

Выйдя на улицу, Мегрэ разбудил спящего шофера.

- В "Купель".

Луиджи приехал раньше его, он уже сидел за столиком и ел сосиски, запивая их пивом. Зал был почти пуст.

- За вами никто не следил?

- Нет.

- - Садитесь. Что вы закажете?

- То же, что и вы.

Впервые Мегрэ видел Луиджи не в его баре. Вид у него был серьезный, озабоченный, говорил он шепотом, не спуская глаз с двери.

- Не люблю, уж поверьте мне, просто терпеть не могу впутываться в такие дела. Но, с другой стороны, если я этого не сделаю, вы не оставите меня в покое.

- Можете не сомневаться, - холодно ответил Мегрэ.

- Сегодня утром я попытался вас предостеречь. Теперь, похоже, отступить поздно.

- Да, игра начата, и я сыграю ее до конца. Что вы знаете?

- Ничего определенного. Но все же вдруг это поможет вам найти след. В любой другой вечер я бы, наверно, не обратил внимания на Барона. Его появление привлекло мое внимание потому, что это был второй...

Он спохватился и хотел было прикусить язык, но Мегрэ ему подсказал:

- Второй шпик за день, да? - И добавил:

- Барон был пьян?

***

- Во всяком случае, не трезв. Это была слабость Барона, но, даже выпив, он редко терял самообладание.

- Он довольно долго просидел один в своем углу, наблюдая за клиентами, а потом подошел к некому Лорису, который когда-то работал в конюшне Ротшильда. Не знаю, о чем они говорили. Лорис - пьяница, из-за этого он и потерял свое место. Оба сидели в конце стойки, у стены. Потом я видел, как они направились к одному из столиков в глубине зала, и Лорис познакомил Барона с Бобом.

- Кто этот Боб?

- Жокей.

- Американский?

- Он жил в Лос-Анжелосе, но не думаю, чтобы он был американцем.

- Он живет в Париже?

- В Мэзон-Лафите...

- Это все?

- Потом Боб отправился звонить по телефону, и звонил он, видимо, за город, потому что взял у меня несколько жетонов.

- Похоже, что он звонил в Мэзон-Лафит?

- Пожалуй!

- Они ушли вместе?

- Нет. Я их на некоторое время потерял из виду, потому что, как я вам уже сказал, у меня была уйма людей после театра - многие заходили выпить рюмочку. Когда я снова кинул взгляд на их столик, Боб и ваш друг сидели уже вдвоем.

Мегрэ не совсем понимал, к чему ему все это знать; Луиджи тем временем сделал знак, чтобы им принесли еще пива.

- Один из моих клиентов все Бремя наблюдал за ними, - сказал он наконец.

- Кто такой?

- Парень, который вот уже несколько дней заходит ко мне выпить виски.

Кстати, он был здесь и сегодня утром, когда вы пили у стойки.

- Высокий блондин?

- Он сказал мне, чтобы я звал его Гарри. Я знаю о нем только то, что он из Сен-Луи.

- Как Чарли и Чичеро, - пробурчал Мегрэ.

- Вот именно.

- Он не говорил с вами о них?

- Вопросов он мне не задавал, но когда пришел в первый раз, он постоял у фотографии Чарли и как-то странно улыбнулся.

- Он мог слышать, о чем говорили Барон и Боб?

- Нет. Он просто наблюдал за ними.

- Он двинулся вслед за Бароном?

- До этого мы еще не дошли. Я вам рассказываю, заметьте, только то, что видел, и никаких выводов не делаю. Увы, этого нельзя себе позволить, и мне было бы куда приятнее знать, что Чарли убит, а не ранен. Боб подошел ко мне и спросил, не видел ли я сегодня Билли Фаста.

- Кто такой Билли Фаст?

- Билли тоже занимается лошадьми и тоже живет где-то в Мэзон-Лафите. Он был внизу... Не помню, право, доводилось ли вам там бывать, - ведь у меня в подвале есть еще комната, где собираются завсегда.

- Знаю.

- Сперва Боб спустился туда один, потом вернулся за Бароном. Примерно в четверть первого, а может и позже, Барон прошел через большой зал и направился к двери.

- Один?

- Один. И он нетвердо держался на ногах.

- А ваш новый клиент, блондин из Сен-Луи?

- Вот именно он вышел следом за Бароном. Мегрэ решил, что Луиджи добавить больше нечего, и мрачно посмотрел на свой стакан. То, что он узнал, имело, конечно, свой тайный смысл, но выявить его было чертовски трудно.

- Вы действительно больше ничего не знаете? Луиджи посмотрел ему прямо в лицо и долго не отводил взгляда, прежде чем сказать:

- Вы понимаете, что я рискую своей шкурой? Мегрэ почувствовал, что ему лучше молчать и терпеливо ждать.

- Само собой разумеется, я вам ничего не говорил, я вас не видел сегодня вечером, и ни при каких обстоятельствах вы не будете выставлять меня свидетелем.

- Обещаю, можете на меня положиться.

- Билли Фаст живет, собственно, не в самом Мэзон-Лафите, а в небольшой гостинице, расположенной прямо в лесу. Я слышал об этом заведении. Насколько я себе представляю, некоторые типы ездят туда время от времени, чтобы быть в курсе того, что происходит в определенных кругах. Заведение это называется "Весельчак".

- Хозяин американец?

- Американка, которая когда-то была танцовщицей в мюзик-холле; она питает слабость к Биллу.

Мегрэ вытащил из кармана бумажник, но Луиджи остановил его и сказал с гримасой вместо улыбки:

- Нет уж, простите, платить буду я. И так говорят, что полиция кидает мне куски. Сколько с меня?

Когда они вышли из "Куполя", лица у обоих были весьма озабоченные.

Глава 7

В КОТОРОЙ МЕГРЭ В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ И РИСКУЕТ НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ СЕРЬЕЗНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Увидев Мегрэ, Вашэ сразу понял, что есть новости, но он понял и другое: задавать вопросы сейчас неуместно.

- Несколько минут назад звонил Бонфис. Сказал, что бандиту удалось прорваться через оцепление. Какая-то торговка на рынке уверяет, что видела его за грудой корзин, но что он, угрожая револьвером, заставил ее молчать.

Видимо, это правда, потому что на одной из корзин обнаружили следы крови. На улице Рамбуто он налетел на какую-то девицу; она говорит, что у него одно плечо выше другого. Бонфис думает, что он и не пытался вырваться из оцепленного квартала, а скрывался там, перебегая с места на место, в зависимости от маневров полиции. Поиски продолжаются.

Мегрэ, казалось, не слушал доклада Вашэ. Он вынул из ящика своего стола револьвер и проверил, заряжен ли он.

- Ты не знаешь, у Торанса есть при себе оружие?

- Скорей всего, нет, если вы не дали ему специальной инструкции.

Торанс всегда уверял, что его кулаки не хуже любого револьвера.

- Соедини меня с Люка.

- Ведь вы два часа назад отослали его спать.

- Да, да, помню.

Комиссар сосредоточенно глядел в одну точку; говорил он медленно, усталым голосом.

- Это ты, Люка? Прости, старик, что я тебя разбудил, но я подумал, что ты огорчишься, если нам ночью посчастливится кончить это дело без тебя.

- Сейчас приеду, шеф.

- Нет, не сюда. Мы выиграем время, если ты поймаешь машину и приедешь прямо на авеню Гранд Армэ, угол улицы Брюнель. Мне все равно придется заехать туда за Торансом. Да, кстати, не забудь захватить свой пугач.

После секундного раздумья Люка все же решился спросить:

- А как Жанвье?

Такой вопрос могли понять лишь несколько человек в Сысской полиции. Еще до того как Мегрэ упомянул о револьвере, Люка понял, что предстоит серьезная операция. Раз Мегрэ позвонил ему, раз он заедет за Торансом, Люка не мог не подумать о Жанвье, их верном товарище. Отправиться на такое дело без него было как бы несправедливо.

- Жанвье я отпустил домой. Если мы заедем за ним, мы потеряем слишком много времени.

Жанвье жил в пригороде, как раз в противоположном направлении от тех мест, куда им надо было ехать.

- Меня вы не возьмете с собой? - робко спросил Вашэ.

- А кто будет дежурить?

- Бюшэ сидит в своем кабинете.

- Нельзя взвалить на него всю ответственность. Ты бывал в Мэзон-Лафите?

- Я часто проезжал мимо на машине, а два или три раза ездил туда на скачки.

- А места вокруг Мэзон-Лафита, в сторону леса, знаешь?

- В свое время я там тоже как-то был с ребятами.

- Ты не слыхал про заведение, которое называется "Весельчак"?

- Такое название часто встречается. Проще всего позвонить в жандармерию.

Можно, я вас соединю?

- Ни в коем случае! И в местную полицию тоже нельзя обращаться. Вообще никому ни слова об этом. Чтобы ни в одном разговоре не было даже намека на Мэзон-Лафит, ясно?

- Да, шеф.

- Добрый вечер, Вашэ.

- Добрый вечер, шеф.

Когда Мегрэ вышел из кабинета, в каждом его кармане лежало по пистолету.

Садясь в дежурную машину, которая ждала во дворе, он спросил полицейского, сидевшего за рулем:

- Оружие при тебе?

- Да, господин комиссар.

- У тебя есть дети?

- Мне двадцать три года.

- Ну и что ж?

- Да я еще не женат.

Это был ажан новой школы, и он больше походил на чемпиона Олимпийских игр, чем на тех усатых и пузатых полицейских, которые стояли на перекрестках до войны.

Поднялся сильный холодный ветер, но небо этой ночью было каким-то совсем необыкновенным. Низко над землей проносились свинцовые тучи; они сбились в плотную массу, и временами темнота была такая, что хоть глаза выколи; но все же иногда эта завеса как бы разрывалась, и в разрыве, будто в щели между скалами, открывался фантастический лунный пейзаж: высоко в небе застыли сверкающие курчавые облака, отливающие чистым серебром.

- Давай-ка поедem медленнее.

Люка жил на левом берегу, и надо было дать ему время добраться до авеню Гранд Армэ. Мегрэ не без сожаления отказался выполнить просьбу Вашэ. Была минута, когда комиссар колебался, не прихватить ли все же и его, и Бонфиса, который с восторгом участвовал бы в такой операции.

Мегрэ прекрасно понимал, какую ответственность он взял на себя и в каком тяжелом положении он может оказаться.

Прежде всего, он не имел никакого права действовать в районе Мэзон-Лафита. Согласно установленному порядку, он должен был либо обратиться в Управление национальной безопасности, которое послало бы туда своих людей, либо получить разрешение по всей форме в жандармерии департамента Сенэ-Уаз, но на это пришлось бы потратить много часов.

Даже с точки зрения элементарной осторожности - ведь он с самого начала знал, с каким противником имеет дело, а тем более после того, что произошло на улице Рише, - все как будто говорило о том, что для этой операции необходимо привлечь большой вооруженный отряд и устроить настоящую облаву с оцеплением и прочим. Но Мегрэ был убежден, что именно при такой облаве они не обошлись бы без жертв.

Вот почему он решил действовать на свой страх и риск и остановил свой выбор на Торансе и Люка. Он охотно взял бы с собой еще только Жанвье, будь тот на месте, да, быть может, и Малыша Лапуэнта, чтобы представить ему случай выказать свою храбрость.

- Сверни на улицу Брюнель. Как увидишь Торанса, остановись.

Торанс их уже поджидал, топая ногами, чтобы согреться.

- Ну, лезь в машину. Оружие есть?

- Нет, шеф. Знаете, шеф, та дама оказалась совсем неопасной.

Мегрэ дал ему один из своих двух револьверов; машина проехала еще несколько метров и остановилась на углу авеню Гранд Армэ.

- Вы напали на след? Мы их задержим?

- Скорее всего.

- Когда моя подопечная отправлялась в театр, она спросила меня: "Почему бы вам не сесть со мной в одно такси, раз мне все равно от вас не отвязаться?" У меня не было никаких оснований отказать себе в этом удовольствии, и я сел к ней в такси. "А спектакль вы не будете смотреть?" спросила она, когда мы приехали в театр. Но я предпочел охранять ее уборную.

Я только позволил себе из-за кулис посмотреть ее номер. Потом мы вместе вернулись назад.

- Она ни о чем не говорила?

- Только о Билле Ларнере. Похоже, она и в самом деле не знает тех двух.

Она клянется, что сама их боится. Потом она позвала какую-то подругу и вместе с ней отправилась в ресторанчик на улице Руаяль, чтобы перекусить.

Она и мне предложила поужинать с ними, но я отказался. Потом мы вернулись к ее дому и, словно влюбленные, довольно долго стояли у парадного, прежде чем расстаться.

Мегрэ подозревал, что Торанс нарочно болтает без удержу, - видно, он заметил напряженность шефа. В эту минуту к их машине подъехало такси, хлопнула дверца, и торопливо, бодрым шагом к ним подошел Люка.

- Поехали? - спросил он.

- Ты не забыл оружие? Мегрэ скомандовал шоферу:

- В Мэзон-Лафит.

Они проехали Нэи, потом Курбеуа. Мегрэ взглянул на часы - половина четвертого; тяжелые грузовики почти непрерывным потоком двигались в сторону Центрального рынка; попадались также фургоны, но легковых машин почти не было.

- Вы знаете, в какое гнездышко они залетели, шеф?

- Может, знаю, но я в этом не уверен. Барон не позвонил мне, хотя обещал.

Боюсь, как бы ему в голову не пришла та же мысль, что и Лоньону, - сделать все самому.

- Он выпил?

- Мне говорили, что изрядно.

- Он с машиной? Мегрэ нахмурил брови.

- У него есть машина?

- Дней десять назад он купил по случаю сильно подержанный автомобиль и теперь с ним не расстается.

Не это ли объясняет странное поведение инспектора? Когда он, набравшись как следует, вышел из бара Лунджи и сел в свою машину, не пришла ли ему в голову пьяная мысль прокатиться в Мэзон-Лафит, чтобы воочию убедиться, что он напал на след?

- Вы звонили в жандармерию? - спросил Люка.

Мегрэ отрицательно покачал головой.

- А Управление национальной безопасности в курсе нашей операции?

- Нет.

Они прекрасно понимали друг друга, никто не хотел прерывать молчания.

- Наши приятели все вместе?

- Если не разбежались. Но не думаю. Чарли ранен, видимо, в плечо.

Мегрэ коротко рассказал им о сцене, которая разыгралась на улице Рише, Люка и Торанс напряженно слушали его, по достоинству оценивая ситуацию.

- Похоже, Чарли приехал сегодня в Париж один. Вы думаете, он хотел увезти эту женщину из гостиницы?

- Скорее всего. Видно, он просто опоздал, вот и все. Раз он рассчитывал справиться с этим один, значит, полагал, что ему никто не окажет сопротивления.

В сущности, все они были несколько взволнованы, потому что на этот раз им приходилось действовать в непривычной обстановке. Как правило, они могли почти с абсолютной точностью предвидеть, как себя поведет противник: французских бандитов любого сорта они успели изучить как свои пять пальцев, знали все их повадки. Но парни из-за океана прибегали к методам, которые ставили в тупик французских сыщиков. Американцы действовали чересчур быстро.

Вот эта быстрота, с которой они принимали решение, и была, пожалуй, их главной особенностью. Вместе с тем они несколько не боялись огласки, и то обстоятельство, что полиция знала их имена и дела, не имело, видимо, для них никакого значения.

- Будем стрелять? - спросил Торанс.
- Только в случае необходимости. Я бы предпочел обойтись без трупов.
- У вас есть определенный план?
- Нет, никакого.

Мегрэ знал только одно - с него довольно! Так или иначе, но с этим пора покончить. Заокеанские гости убили в центре Парижа человека, потом расправились с Лоньоном, чуть ли не в упор выстрелили в полицейского, уж не говоря о том, что они похитили женщину из дома напротив "Фоли-Бержер".

Их фотографии напечатаны во всех газетах, их приметы переданы в полицейские участки по всей стране, и, несмотря на все это, они ведут себя в незнакомом городе, как дома, и крадут машины с той же легкостью, с какой другие останавливают такси.

- Куда дальше? - спросил шофер, когда они проехали мост и вдалеке засверкали огни Мэзон-Лафита.

В стороне возвышался замок. Они миновали ипподром, освещенный луной. На улицах - ни души, но в домах еще кое-где горел свет. Чтобы найти гостиницу "Весельчак", проще всего было бы обратиться к полицейскому, который дежурил у фонаря.

- Нет, поехали дальше, - сказал Мегрэ. - Там будет еще один перекресток.

Не стоит привлекать его внимание.

К счастью, сторожка у шлагбаума была освещена. Видимо, ожидался поезд.

Мегрэ вылез из машины и зашел в сторожку. За столом перед литровой бутылкой вина сидел стрелочник с огромными усищами.

- Вы знаете, где находится гостиница "Весельчак"? Усач пустился в нескончаемые объяснения, и Мегрэ пришлось позвать шофера, потому что оказался не в силах разобраться во всех тех перекрестках и поворотах, про которые ему толковал стрелочник.

- Вы проедете через второй мостик и направитесь в сторону Этуаль.

Понятно? Главное - не вздумайте сворачивать на дорогу, которая ведет к замку Миэт, вы должны свернуть на ту, предыдущую...

Казалось, шофер понял, куда надо ехать. И все же десять минут спустя выяснилось, что они заблудились в лесу, и им пришлось выходить у каждой развилки и разбирать названия на указателях.

А тучи тем временем опять сгустились, тьма была кромешная, и без электрического фонарика и шагу нельзя было ступить.

- Перед нами стоит машина с погашенными огнями.

- Придется пойти посмотреть.

Машина стояла на дороге посреди леса. Они вчетвером направились к ней.

Мегрэ приказал вынуть пистолеты. Сухие листья шуршали под ногами. Быть может, все эти предосторожности и были смешны, но комиссар не хотел рисковать жизнью своих ребят, - не меньше десяти минут ушло на то, чтобы незаметно подкрасться к машине.

Машина оказалась пустой. Внутри была прибита дощечка с фамилией владельца и с его адресом - улица Риволи. Они осветили машину фонариком и обнаружили на переднем сиденье свежие пятна крови.

Еще одна украденная машина!

- Интересно, почему он ее здесь бросил? Ведь вокруг нет домов. Если мы действительно находимся там, где я думаю, если стрелочник не ошибся, то "Весельчак" отсюда в полукилометре, не больше. Измерь-ка, Люка, сколько там осталось бензина?

Это было самым простым объяснением: Чарли сел в первую попавшуюся машину и не смог доехать - не хватило бензина.

- Ну, пошли! Важно, чтобы они не услышали, что мы подходим к дому.

- Как вы думаете, Барон здесь проезжал? Земля на дороге размокла, но была покрыта сухими листьями, поэтому обнаружить следы шин или ботинок оказалось невозможным. К тому же пользоваться фонариком уже становилось опасным.

Наконец они дошли до какого-то поворота, за которым начиналась лужайка, а на этой лужайке, слева, разрывая темноту, резко выделялись два слабо освещенных прямоугольника - это явно были окна, и в них сквозь неплотные занавески пробивался свет. Мегрэ отдавал распоряжения шепотом:

- Ты останешься здесь, - приказал он шоферу, - и присоединишься к нам, только если начнется драка. Ты, Торанс, обойдешь дом сзади, на случай, если они попытаются удрать через окно.

- Стрелять в ноги?

- Желательно. Люка пойдет вместе со мной - мы подкроемся к дому с этой стороны, чтобы наблюдать за окнами.

Все трое были возбуждены, хотя им уже не раз приходилось бывать и не в таких переделках и задерживать бандитов при куда более сложных обстоятельствах.

Что же было такого особенного в этих американцах? Словно Поччо и Луиджи внушили Мегрэ невесть какой комплекс неполноценности!

- Желаю удачи, ребята!

- Идите к черту, - проворчал Торанс, постучав о ствол дерева, и даже Люка, который уверял, что он совсем не суеверный, тоже прошептал словно нехотя:

- Идите к черту!

Судя по всему, "Весельчак" был прежде охотничьим домиком. Сквозь тучи пробился луч луны и осветил его. Остроконечная крыша, крытая шифером; на первом этаже, наверное, не больше трех комнат и столько же - на втором.

Мегрэ и Люка бесшумно подходили все ближе, и, когда до дома оставалось метров двадцать, комиссар коснулся руки инспектора, показывая ему, что надо свернуть налево.

Сам он еще немного постоял, не двигаясь, чтобы его товарищи успели занять указанные места. К счастью, ветер, еще более сильный, чем в Париже, гнул ветки и шуршал сухими листьями. В течение двух-трех минут им всем грозила серьезная опасность: луна пробилась сквозь тучи и, словно луч прожектора, осветила поляну - стало так светло, что Мегрэ четко видел пуговицы на пальто Торанса и пистолет в руке у Люка, хотя Люка находился теперь от него дальше, чем дом.

Но как только луна снова зашла за тучи, Мегрэ подкрался к одному из освещенных окон, которое было неплотно завешено занавеской в красную клетку, как у Поччо. Сквозь щель комиссар прекрасно мог наблюдать за всем, что происходило внутри.

Он увидел довольно большую комнату, что-то вроде бара, с оцинкованной стойкой и шестью дубовыми столиками. На побеленных стенах висели лубочные картинки. Вместо стульев стояли деревенские скамьи, и на одной из них в профиль сидел Чарли Чинаглиа.

Он был без рубашки; его чересчур пухлая, очень белая грудь вся была покрыта черными волосами. В комнату вошла толстая крашеная блондинка, она несла кастрюлю, из которой шел пар. Губы ее двигались, она что-то говорила, но звуки ее голоса не проникали за окно.

Тони Чичеро тоже сидел здесь. На столе рядом с бутылкой, то ли со спиртом, то ли с каким-то дезинфицирующим средством, лежали два револьвера.

На полу стоял таз с розоватой водой - в нем плавали кусочки окровавленной ваты.

У Чарли никак не прекращалось кровотечение, - это, видимо, его пугало.

Пуля угодила ему в левое плечо и вырвала кусок мяса.

Никто из этой троицы, судя по их виду, не предполагал, что их могут здесь побеспокоить. Женщина налила теплой воды в блюдце, плеснула туда немного жидкости из бутылки, окунула в эту смесь вату, а потом приложила ее к ране Чарли стиснул зубы.

Тони Чичеро курил сигару; он взял с соседнего стола бутылку виски и протянул ее Чарли, который отхлебнул прямо из горлышка. Билла Ларнера в комнате не было. А когда Чичеро повернул голову, Мегрэ обнаружил не без удивления, что у него подбит глаз.

Все дальнейшее произошло так быстро, что никто толком не понял, что же, собственно говоря, происходит.

Возвращая Чичеро бутылку с виски, Чарли случайно бросил взгляд на окно.

Мегрэ явно ошибался, думая, что из комнаты невозможно его увидеть, потому что Чарли, не изменившись в лице, протянул здоровую руку к одному из револьверов. Но Мегрэ выстрелил первый, и, словно в кадре голливудского фильма, револьвер Чарли упал на пол, а рука его бессильно повисла.

В тот же миг Чичеро, не оборачиваясь, опрокинул стол, который таким образом, словно щит, заслонил его от Мегрэ; блондинка тоже укрылась от пуль, метнувшись к простенку между окнами.

Мегрэ наклонился как раз вовремя - первая пуля со звоном пробила стекло, а вторая оторвала часть оконного наличника.

Мегрэ услышал слева от себя шаги - к нему подбежал Люка.

- Промахнулись?

- В одного попал. Берегись!

Чичеро продолжал стрелять. Люка стал ползком пробираться к двери.

- А мне что делать? - крикнул шофер издалека.

- Стой пока на месте!

Мегрэ чуть приподнялся, чтобы заглянуть в комнату, - пуля прострелила ему шляпу.

Он пытался прикинуть, где может быть Билл Ларнер. Примет ли он участие в этой схватке? Билл представлял для них серьезную угрозу, потому что они не имели понятия, где он находится, - он мог напасть на них с фланга, мог стрелять из окна второго этажа, мог подкрасться к ним сзади.

Ударом ноги Люка распахнул дверь. И в то же мгновение ликующий, воинственный вопль Торанса огласил комнату:

- Вперед, шеф, дорога открыта!

Блондинка тоже вопила. Люка кинулся в комнату. Мегрэ выпрямился во весь рост и увидел, что возле опрокинутого стола на полу схватились врукопашную двое мужчин. Хозяйка схватила подставку для поленьев и занесла ее над головой. Но Люка подскочил вовремя и не дал ей нанести удар. Смешно было глядеть, как коротышка Люка скручивает руки американке на голову больше его.

В следующую секунду Мегрэ уже был в комнате. Лежа на полу, Чарли пытался дотянуться до пистолета, который валялся сантиметрах в двадцати от его руки, и тогда комиссар позволил себе то, чего ни разу не позволял за все годы работы в полиции, - он дал волю охватившему его бешенству и что было силы стукнул Чарли каблуком по руке.

Торанс всей своей тяжестью навалился на Чичеро, который пытался ткнуть ему пальцем в глаз, и Мегрэ пришлось изрядно повозиться, прежде чем ему удалось надеть на Чичеро наручники. Только тогда Торанс смог наконец встать на ноги. Он весь сиял, хотя вид у него был весьма неприглядный: перепачканное пылью потное лицо, расцарапанная в кровь щека, разорванный ворот рубашки.

- Шеф, может, мы на нее тоже наденем наручники? Люка уже выбился из сил в единоборстве с хозяйкой, и Мегрэ, взяв у Торанса наручники, надел их на беснующуюся блондинку.

- Как вам не стыдно так обращаться с женщиной! Торанс приподнял Чарли за плечи - его передернуло от боли.

- Что мне с ним делать, шеф?

- Посади его в угол.

- Когда я услышал выстрелы, - рассказывал Торанс, - я решил проникнуть в дом через черный ход. Но дверь оказалась заперта. Тогда я высадил стекло и очутился на кухне.

***

Мегрэ медленно, тщательно набивал свою трубку - ему нужно было отдышаться. Потом он подошел к застекленному шкафу, где стояли стаканы.

- Кто хочет виски?

Однако он все еще не был спокоен и послал шофера поглядеть, не пытается ли кто-нибудь удрать из дома.

- А ты, Люка, проверь, пожалуйста, не стоит ли поблизости еще машина.

Мегрэ заглянул на кухню - на столе валялись какие-то объедки, толкнул следующую дверь и попал в комнату поменьше, которая, видимо, служила столовой.

Держа в руке еще не остывший револьвер, он поднялся по лестнице на второй этаж, задержался на мгновение на площадке, прислушался, а потом распахнул ногой ближайшую дверь.

- Есть здесь кто?

В комнате - судя по всему, спальне хозяйки - никого не оказалось. Все стены были увешаны фотографиями мужчин и женщин, как в ресторане у Поччо, не менее ста фотографии, причем большинство из них были с автографами на имя Элен, а на некоторых была изображена она сама лет двадцать назад, в костюме танцовщицы мюзик-холла.

Прежде чем войти в соседние комнаты, Мегрэ убедился, что и там никого нет. Все постели были застелены. В одной из комнат стояли чемоданы, набитые шелковым бельем, предметами туалета, ботинками, но ни единого документа Мегрэ там не обнаружил.

Видимо, это были те самые чемоданы, которые Чарли и Чичеро таскали с собой, переезжая с места на место. На самом дне наиболее тяжелого из них Мегрэ нашел еще два пистолета, кастет, резиновую дубинку и изрядный запас патронов.

Ничто не указывало на то, что они привезли сюда подругу Неряхи Джо. Зато, возвращаясь назад через кухню, Мегрэ заметил возле кофейника портсигар с инициалами "Б. Л." - явное свидетельство, что Ларнер побывал в этом доме.

Вернулся Люка, ботинки его были забрызганы грязью.

- Вокруг нет других машин, шеф.

Торанс внимательно разглядывал изувеченную руку Чарли: странная вещь крови не было, но рука отекала, пальцы синели прямо на глазах.

- Интересно, здесь есть телефон? Аппарат висел за дверью.

- Вызови любого доктора из Мэзон-Лафита, но не говори, что мы из полиции.

Пожалуй, скажешь, что просто произошел несчастный случай.

Люка взялся выполнить это поручение, а Мегрэ после некоторых колебаний, преодолев смущение, все же решился - впервые в присутствии своих инспекторов - заговорить по-английски, хотя и говорил на нем весьма скверно.

- Где Билл Ларнер? - спросил он у Чичеро, который сидел на скамье, прислонившись спиной к стене.

Как он и ожидал, Чичеро не удостоил его ответом, а только презрительно улыбнулся.

- Я знаю, что Билл был здесь нынче вечером. Это он тебе подбил глаз?

Улыбка исчезла, но Чичеро все равно не раскрыл рта.

- Как тебе будет угодно. Говорят, ты упрям, но и у нас найдутся не менее упрямые парни, чем ты.

- Я хочу позвонить своему консулу, - произнес наконец Чичеро.

- Всего лишь! В четыре часа утра! А что ты ему скажешь, интересно?

- Не хотите - не надо. Но вам придется за это ответить.

- Да, мне за все придется ответить... Люка, тебе удалось вызвать доктора?

- Он будет здесь через пятнадцать минут.

- Как ты думаешь, он не позвонит перед выездом в полицию?

- По-моему, нет. Он не выразил никакого удивления.

- Подожди, еще выяснится, что он сюда не раз заглядывал. Соединись-ка с Набережной Орфевр, надо узнать, не звонил ли Барон.

Молчание Барона его беспокоило, и исчезновение этой женщины из гостиницы "Бретань" тоже.

- Да, раз уж Вашэ на проводе, попроси его выслать нам еще одну машину. В одной мы, пожалуй, все не усядемся.

Потом он подошел к Чарли и поглядел на него в упор:

- Тебе нечего мне сказать?

В ответ тот обрушил на комиссара одно из самых отборных и витиеватых английских ругательств.

- Что он говорит? - поинтересовался Торанс.

- Он скромно намекает на некоторые обстоятельства, связанные с моим появлением на свет, - пояснил Мегрэ.

- Вашэ не имеет никаких сведений от Барона, шеф. Последний раз Вашэ звонил ему минут пятнадцать назад. Бонфис сообщил, что украли еще одну машину.

- С улицы Риволи? - Да.

- Ты ему сказал, что мы ее нашли здесь, в лесу? У дверей остановилась машина, и в комнату вошел молодой еще человек с черным чемоданчиком в руках.

Увидев царящий в комнате беспорядок, пистолеты, валяющиеся на столе, и наручники, он невольно сделал шаг назад.

- Входите, доктор, не смущайтесь. Мы из полиции, и у нас произошло здесь небольшое объяснение с этими господами и с этой вот дамой.

- Доктор, - завопила хозяйка, - немедленно сообщите в полицию Мэзон-Лафита, там меня знают, что эти скоты...

Мегрэ объяснил доктору, кто он такой, и, указав на Чарли, который, казалось, вот-вот потеряет сознание, сказал:

- Я хотел бы, чтобы вы оказали ему первую помощь, привели его, так сказать, в чувство, чтобы мы могли доехать до Парижа. В первый раз его угостили свинцом еще в городе, а потом добавили здесь, во время нашего спора.

Пока доктор возился с Чарли, Мегрэ снова обошел дом; особенно его заинтересовали фотографии, висевшие в комнате хозяйки; он взял один из чемоданов, вывалил все барахло прямо

на пол и накидал в него, не разбирая, фотографии со стен, документы, лежавшие в ящике, письма, счета, вырезки из газет. Туда же он положил портсигар, стаканы и чашки, аккуратно завернув их сначала в бумагу.

Когда Мегрэ вернулся в холл, он заметил, что у Чарли какой-то странный вид.

- Я впрыснул ему наркотик, так что у вас не будет с ним никаких хлопот.

- Он серьезно ранен?

- Он потерял много крови. В больнице ему сделают, наверно, переливание...

Кто-нибудь еще нуждается в моей помощи?

- Нет, но, прошу вас, выпейте с нами стаканчик. Мегрэ знал, что он делает. Он опасался, как бы доктор все же не предупредил местную полицию или жандармерию, поэтому он не хотел отпускать его, прежде чем придет машина, которую выслал сюда Вашэ.

- Садитесь, доктор. Вам уже случалось здесь бывать?

- Несколько раз... Верно, Элен? Видимо, он был с хозяйкой накоротке.

- Я приезжал в этот дом при совсем других обстоятельствах. Помню, как-то один жокей сломал себе здесь ногу и пролежал месяц в комнате на втором этаже. Я тогда часто навещался сюда - лечил его. В другой раз меня позвали посреди ночи - один джентльмен хватил лишнего и ему стало плохо с сердцем.

Припоминаю также, что однажды меня вызывали из-за какой-то девицы, которую стукнули - как мне объяснили, совершенно случайно - бутылкой по голове.

Наконец приехала машина. Чарли пришлось туда внести - ноги у него были как ватные. Чичеро прошел сам, с презрением глядя на всех, и, ни слова не говоря, сел на заднее сиденье, сложив руки на животе.

- Ты поедешь с ним, Торанс! Он заслужил эту честь, ведь он первым ворвался в дом!

- Жаль, что еще так рано и ресторан Поччо закрыт. Будь сейчас не половина пятого утра, а девять, Мегрэ, возможно, не отказал бы себе в удовольствии заехать на улицу Акаций: пусть-ка Поччо поглядит, кто сидит в машине.

- По дороге завезите Чарли в госпиталь Божон. Лоньону будет приятно узнать, что они с ним находятся под одной крышей. А Чичеро доставьте в префектуру.

Потом он обратился к блондинке, которую, судя по ее документам, звали Элен Донау:

- Садитесь в машину.

Она поглядела ему в глаза, но не двинулась с места.

- Я же вам сказал: садитесь в машину.

- И не подумаю. Я у себя дома. Где ордер на мой арест? Я требую, чтоб меня соединили с консулом!

- Ясно. Об этом мы с вами поговорим потом. Так вы, значит, отказываетесь садиться в машину?

- Да.

- Ну что ж, Люка, придется нам еще поработать! Они схватили Элен и понесли ее. Доктор, не в силах сдержать смеха при виде этой сцены, любезно распахнул перед ними дверь. Элен так отбивалась, что Люка на мгновение ее отпустил и она чуть не упала на пол. Пришлось звать на помощь шофера.

Наконец все же удалось запихнуть Элен в машину, и Люка сел рядом с ней.

- В префектуру, - скомандовал комиссар.

Но они не проехали и ста метров, как он передумал.

- Ты очень устал. Люка?

- Да нет, не очень. А что?

- Мне не хотелось бы оставлять этот домик без присмотра.

- Ясно. Выхожу.

Мегрэ пересел на его место и, закулив, галантно спросил свою соседку:

- Надеюсь, вам дым не мешает? Вместо ответа она кинула ему в лицо ругательство, смысл которого он недавно объяснил Торансу.

Глава 8

В КОТОРОЙ НЕКИЙ ИНСПЕКТОР ПЫТАЕТСЯ ВСПОМНИТЬ, ЧТО ЖЕ ЕМУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ

Мегрэ уселся поудобнее и поднял воротник пальто; глаза у него ломило - то ли от простуды, то ли от бессонной ночи; он уставился в одну точку и не обращал ни малейшего внимания на свою спутницу. Но не прошло и пяти минут, как Элен сама заговорила, отрывисто, словно про себя:

- Видала я таких субчиков из полиции, которые думают, что они умнее всех, но потом им вправляли мозги...

Долгая пауза. По всей вероятности, она ожидала, что Мегрэ будет как-то реагировать на ее слова, но комиссар выслушал эту тираду совершенно равнодушно.

- Я заявлю консулу, что типы, ворвавшись в мой дом, вели себя как дикари.

Он меня знает. Все меня знают... Я скажу, что они меня избили, что один из инспекторов приставал ко мне...

Видимо, она когда-то была красивой; даже теперь, когда ей было уже пятьдесят, а то и все пятьдесят пять, она сохраняла известную привлекательность. Забавно было за ней наблюдать: несколько минут она пыталась демонстративно молчать, но потом всякий раз не выдерживала, срывалась и, как бы ни к кому не обращаясь, гневной фразой громко выражала свое возмущение:

- Я расскажу, что они избили раненого человека!.. Быть может, она выкрикивала эти фразы, чтобы дать выход душившему ее бешенству, а может, она просто пыталась вывести Мегрэ из себя.

- Хороши, ничего не скажешь! Невесть что о себе воображают только потому, что надели наручники на невинную женщину!

Она несла такую околесицу, что шофер едва сдерживал смех. Что до Мегрэ, то он невозмутимо потягивал трубочку, выпуская дым малыми клубами, и изо всех сил старался сохранять серьезное выражение лица.

- Готова спорить, что никому и в голову не придет угостить меня сигаретой!

Мегрэ пропустил эти слова мимо ушей - пусть обратится к нему непосредственно.

- Вы мне дадите в конце концов сигарету?

- Извините. Я не понял, что это вы ко мне обращаетесь. К сожалению, у меня при себе нет сигарет - я курю трубку. Но как только мы прибудем на место, я достану вам сигареты.

Она не прерывала больше молчания до моста Лажат.

- Мнят о себе невесть что... Одни французы умные, а мы все дурачки! Ни черта бы вам нас не взять, если бы не Ларнер!

На этот раз Мегрэ поглядел на Элен внимательно, но на ее лице, слабо освещенном приборной доской, он не смог ничего прочесть; он даже не понял, нарочно ли она это сказала или просто проговорилась.

Дело в том, что в этой маленькой фразе содержалась очень ценная для него информация. Впрочем, он и сам об этом догадывался. С самого начала ему казалось, что Билл Ларнер не по доброй воле сотрудничает с такими парнями, как Чарли и Чичеро. К тому же его роль была тут явно второстепенной, он был, так сказать, лишь подручным: достал машину, сделал обыск у Лоньона, нашел им жилье - сперва у своей подруги на улице Брюнель, а потом, видимо, в "Весельчаке". Во время допроса Лоньона в лесу Билл служил переводчиком, но сам он не бил инспектора. Этой ночью он, воспользовавшись, видимо, тем, что Чарли поехал в Париж, решил отделаться от этой компании и вернуть себе свободу, о которой уже давно мечтал, особенно с тех пор, как стало ясно, что дело это явно не в его вкусе. Прямо ли он заявил Чичеро, что намерен смотаться? Или Чичеро засек Билла, когда он собирался бежать, и попытался его остановить? Так или иначе, ясно было, что Билл Ларнер стукнул Чичеро это он подбил ему глаз.

- У вас есть машина? - спросил Мегрэ у Элен.

Теперь, когда Мегрэ задавал вопросы, Элен демонстративно молчала, с презрением глядя на него.

Насколько он помнил, гаража возле "Весельчака" не было. Чарли вернулся в Париж на той машине, на которой все они приехали в Мэзон-Лафит. Ларнер, видимо, пошел пешком через лес к шоссе или к вокзалу. С момента его ухода прошло не больше двух часов. Но теперь мало шансов задержать его, прежде чем он перейдет границу.

Когда у ворот Майо они проехали мимо быстро, которое оказалось уже открытым, Элен заявила, снова ни к кому не обращаясь:

- Я хочу пить!

- У меня в кабинете есть коньяк. Мы там будем через десять минут.

Машина быстро мчалась по еще пустынным в этот час улицам.

Когда они въехали во двор префектуры, Элен, прежде чем двинуться с места, спросила:

- Вы мне правда дадите коньяку?

- Обещаю.

Мегрэ с облегчением вздохнул: теперь можно не бояться, что ее снова придется тащить насильно, как в лесу.

- Жди меня, - сказал он шоферу. Когда Мегрэ попытался помочь своей спутнице подняться по лестнице, она завопила:

- Не трогайте меня! Я пожалуюсь консулу! Быть может, она всего-навсего разыгрывала эту дурацкую роль? Быть может, она всегда разыгрывала какую-нибудь роль...

- Сюда, пожалуйста!

- А коньяк?

- Да, да.

Он открыл дверь в комнату инспекторов. Торанс со своим подопечным еще не прибыл, потому что по пути он заехал в госпиталь и оставил там раненого.

Вашэ, говоривший в этот момент по телефону, с любопытством поглядел на американку.

- Значит, просто снята трубка? Вы в этом уверены? Благодарю вас.

- Сейчас, - бросил Мегрэ, видя, что Вашэ хочет ему что-то сказать. Постереги ее, пожалуйста.

Мегрэ прошел к себе в кабинет, взял бутылку, налил в стакан коньяку и протянул его Элен. Элен выпила залпом и тут же показала пальцем на бутылку.

- Зачем же сразу? Подождем немного... У тебя есть сигареты, Вашэ?

Он сунул Элен в рот сигарету, поднес спичку, и она, пустив ему в лицо струю дыма, с трудом проговорила:

- Все равно я вас ненавижу.

- Вашэ, кто-нибудь должен ее стеречь. Но при ней нельзя ни о чем говорить.

- А почему бы нам не сунуть ее в "клетку"? "Клеткой" они называли узенькую камеру под лестницей, где с трудом помещался матрас. Света там не было. После минутного раздумья Мегрэ все же предпочел оставить ее в пустом кабинете. Выходя, он запер его на ключ.

- А коньяк? - крикнула она ему из-за двери.

- Успеется.

Он вернулся к Вашэ.

- У кого это снята трубка?

- У Барона. Я набирал его номер через каждые полчаса. Сперва никто не подходил. Но вот уже час как все время занято. Мне это показалось странным, и я позвонил в справочную. Дежурная уверяет меня, что там просто сняли трубку.

- Ты знаешь, где он живет?

- На улице Батиньоль. Номер дома у меня записан. Вы хотите туда поехать?

- Пожалуй, придется. А ты пока объяви розыск Билла Ларнера. Часа три назад он ушел из Мэзон-Лафита. Я думаю, скорее всего, он попытается перейти бельгийскую границу. Торанс привезет сюда Тони Чичеро.

- А Чарли?

- В госпитале Божон.

- Вы его как следует отделали?

- Да нет, не очень.

- Что они говорят?

- Ничего.

Они переглянулись, прислушались, и Мегрэ направился в кабинет, где он запер Элен. Несмотря на наручники, она учинила там настоящий погром: чернильницы, настольные лампы, бумаги - все валялось на полу. Увидев комиссара, она заявила, нагло улыбаясь:

- Я веду себя примерно так, как вы себя вели у меня.

- "Клетка"? - спросил Вашэ.

- Что ж, раз ей так хочется.

***

На мосту Пон-Неф машина Мегрэ повстречалась с машиной, в которой Торанс вез Чичеро в префектуру, и шоферы успели даже помахать друг другу. Как только Мегрэ очутился на улице Батиньоль, его внимание привлек открытый спортивный автомобиль, который как-то странно поставили: его передние колеса заехали на тротуар. Заглянув внутрь, он обнаружил маленькую дощечку с фамилией "Барон".

Мегрэ позвонил. Консьержка, которая еще спала, впустила его в парадное, но ему пришлось вступить с ней в переговоры через дверь, чтобы узнать, на каком этаже живет инспектор.

- Он вернулся один? - спросил Мегрэ.

- Какое вам дело?

- Я его коллега.

- Вот у него и спросите!

Это был один из тех многонаселенных домов, где на каждом этаже расположено по несколько квартир. В основном здесь жили рабочие, и во многих окнах в этот ранний час уже горел свет. Поражал контраст между этим убогим домом и аристократическими замашками его жильца. Теперь Мегрэ понял, почему Барон, неисправимый старый холостяк, никогда не рассказывает о своей личной жизни.

На четвертом этаже к одной из дверей была прибита визитная карточка; на ней стояла только фамилия хозяина, профессия указана не была. Мегрэ постучал. Никто не отозвался, и тогда он на всякий случай дернул за ручку двери.

Дверь поддалась. Мегрэ чуть не споткнулся о шляпу Барона, валявшуюся на полу. Он зажег свет и увидел слева крохотную кухню, справа - столовую в стиле Генриха II (такое количество вышитых салфеточек теперь можно встретить только в квартирах консьержек), а за ней, сквозь распахнутую дверь, спальню.

Барон лежал одетый поперек кровати, руки его безжизненно свисали, и, если бы он не храпел, можно было подумать, что случилось несчастье.

- Барон! Послушай, старик!

Барон перевернулся на другой бок, но не проснулся, и Мегрэ снова принялся его трясти.

Через несколько минут инспектор наконец засопел и, приоткрыв веки, застонал, потому что яркий свет больно ударил ему в глаза; он сразу узнал Мегрэ и, внезапно охваченный ужасом, попытался сесть.

- Какой сегодня день?

Видимо, он хотел спросить, который час, потому что искал взглядом будильник, валявшийся, должно быть, где-то под кроватью - оттуда доносилось тиканье.

- Дать вам воды?

Мегрэ принес из кухни стакан воды; инспектор был крайне мрачно настроен и явно чем-то встревожен.

- Извините меня, пожалуйста... Спасибо... Я болен... Если бы вы только знали, как я худо себя чувствую...

- Может быть, вам приготовить крепкий кофе?

- Мне стыдно... клянусь вам...

- Полежите еще несколько минут.

Квартира Барона больше походила на жилье старой девы, чем на квартиру холостяка, и, глядя на эту обстановку, можно было себе легко представить, как Барон, возвращаясь из полиции, надевает передник и занимается хозяйством.

Вернувшись из кухни, Мегрэ увидел, что инспектор уже сидит на краю кровати, с безнадежным видом уставившись в одну точку.

- Выпейте! Вам станет лучше.

Мегрэ тоже налил себе чашку кофе. Он снял пальто и сел на стул. В комнате сильно пахло алкоголем. Костюм Барона был настолько грязный и мятый, что казалось, инспектор провел ночь под мостом.

- Ужасно, - пробормотал он и вздохнул.

- Что ужасно?

- Не знаю. Мне нужно вам сказать что-то очень важное. Понимаете, что-то такое, что имеет решающее значение.

- Говорите, я вас слушаю.

- Я и пытаюсь вспомнить, но не могу. Что произошло?

- Мы арестовали Чарли и Чичеро.

- Вы их арестовали?

Лицо Барона выражало крайнее напряжение.

- Я думаю, в жизни своей я еще не был так пьян. Я действительно чувствую себя совсем больным. Это из-за них... Подождите. Я вспоминаю, что их не надо было арестовывать.

- Почему?

- Гарри мне сказал...

Он вспомнил вдруг имя и счел это уже крупной победой.

- Его зовут Гарри... Подождите...

- Сейчас я вам помогу. Вы были в баре "Манхеттен" на улице Капуцинов. Вы разговаривали там с разными людьми и изрядно выпили.

- Нет, у Луиджи я почти не пил. Это было потом...

- Вас хотели сподить?

- Не знаю. Подождите. Я уверен, что постепенно я все вспомню. Он мне сказал, что их не надо арестовывать, потому что из-за этого провалится...

Господи! До чего же трудно все это вспомнить!

- Что провалится? Вы очень поздно ушли от Луиджи. Ваша машина стояла у дверей. Вы сели в нее, должно быть, с намерением поехать в Мэзон-Лафит.

- Откуда вы это знаете?

- Кто-то в баре, скорее всего, Лоп или Тэдди Браун...

- Черт побери! Откуда вы все это можете знать?! Да, верно, я с ними разговаривал. Теперь я это точно вспомнил. Это вы мне поручили найти их. До этого я успел побывать еще в нескольких барах.

- И везде пили?

- Ну конечно, стаканчик здесь, стаканчик там - иначе ничего не получится.

Что-то голова у меня...

- Подождите.

Мегрэ прошел в туалетную комнату, вернулся с полотенцем, смоченным холодной водой, и положил его Барону на лоб.

- Вам кто-то рассказал про Элен Донау и про ее маленькую гостиницу в лесу. Про "Весельчак", помните?

Барон широко раскрыл глаза от удивления.

- Который сейчас час?

- Половина шестого утра.

- Как вам удалось их взять?

- Это не имеет значения. Когда вы вышли от Луиджи и сели в свою машину, за вами вышел высокий парень, блондин, очень высокий, молодой еще, и он, наверное, подошел к вам?

- Точно. Это его зовут Гарри.

- А дальше?

- Он назвал мне свою фамилию. Я твердо уверен, что он мне ее назвал. Я помню даже, что она состоит из одного слога. Фамилия певца.

- Он что, певец?

- Нет, но у него фамилия певца. Прежде чем я успел захлопнуть дверцу, он сел рядом со мной и сказал: "Не бойтесь!"

- По-французски?

- Он говорит по-французски с сильным акцентом, делает много ошибок, но понять его можно.

- Американец?

- Да. Слушайте, потом он сказал мне вот что: "Я тоже как бы из полиции.

Здесь нам стоять не стоит, поедem куда хотите". Как только машина тронулась, он стал мне объяснять, что он помощник. Это, насколько я понял, что-то вроде следователя и вместе с тем прокурора штата. В больших городах все они имеют по несколько помощников.

- Знаю.

- Ну да, вы ведь там были. Он попросил меня остановить машину, чтоб я взглянул на его паспорт. По особо важным делам и его помощники сами ведут следствие. Это точно?

- Точно.

- Он знал, куда я собирался отправиться из бара Луиджи. "Вам не следует ехать сейчас в Мэзон-Лафит. Из этого ничего хорошего не получится. Во всяком случае, до этого я должен с вами поговорить".

- И этот разговор состоялся?

- Мы говорили с ним не меньше двух часов. Но в этом-то и вся беда, что я никак не могу вспомнить, о чем мы говорили. Сперва мы довольно долго колесили по городу, и он угостил меня сигарой. Быть может, из-за этой сигары мне и стало так худо. Нестерпимо захотелось пить. Я не знал точно, где мы находились, но увидел открытое бистро. Кажется, это было где-то в районе Северного вокзала.

- Вы ему не посоветовали встретиться со мной?

- Конечно, посоветовал. Но он не хочет.

- Почему?

- Это все очень сложно. Если бы у меня не болела так ужасно голова!..

Кое-какие подробности я помню с удивительной точностью. Отдельные фразы целиком встают в моей памяти, я мог бы их повторить дословно, но между ними - полный провал.

- Что вы пили?

- Всего понемногу.

- Он тоже пил?

- Ну да. Он сам доставал бутылки за стойкой и выбирал на свой вкус.

- Вы уверены, что он пил с вами наравне?

- Да что вы, он пил даже больше меня! Он был по-настоящему пьян. В доказательство скажу вам, что он даже упал со стула.

- Вы мне не объяснили, почему он не хочет со мной встретиться.

- Вообще-то он вас хорошо знает и восхищается вами.

- Бросьте!

- Он видел вас на каком-то коктейле, который устроили в вашу честь в Сен-Луи, и был там на вашем докладе. Он приехал во Францию за Неряхой Джо.

- Это он его подобрал на улице Флешье?

- Да.

- Что он с ним сделал?

- Он отвез его к какому-то доктору. Подождите, не перебивайте меня! Я сейчас вспомнил целый кусок нашего разговора. В связи с доктором. Он мне рассказал, как он с ним познакомился. Это было сразу же после освобождения.

Гарри служил тогда в американской армии и больше года был приписан к какой-то комиссии, которая дислоцировалась в Париже. Тогда он еще не был помощником прокурора. Он здорово веселился. И вот среди людей, с которыми он кутил, и был этот доктор... Это молодой доктор, он еще не обзавелся кабинетом и живет где-то поблизости от бульвара Сен-Мишель.

- Туда Гарри и поместил Неряху Джо?

- Да. У меня возникло впечатление, что он говорит со мной вполне откровенно. Он все твердил: "Вот это вы скажите Мегрэ... И вот это тоже не забудьте ему передать".

- Куда проще было бы прийти ко мне.

- Он не хочет устанавливать официальный контакт с французской полицией.

- Почему?

- Ночью мне это казалось очень понятным. Помню, я с ним полностью согласился. А теперь это стало куда менее ясным. Погодите, погодите!..

Прежде всего, вам пришлось бы допросить раненого - и вся история попала бы в газеты.

- Гарри знает, что Чинаглиа и Чичеро в Париже?

- Он все знает. Их он знает как свои пять пальцев. Он раньше меня выяснил, что они скрываются в "Весельчаке".

- Билла Ларнера он тоже знает?

- Да. Минутку... Я как будто припоминаю всю историю... Видите ли, мы оба немало выпили. Он несметное число раз повторял одно и то же, видимо считая, что я, как француз, не способен ничего понять.

- Это мы знаем! Как Поччо! Как Луиджи!

- Дело в том, что в Сен-Луи сейчас ведется серьезное следствие. Как это там часто бывает, назрела необходимость хоть немного очистить город от гангстеров. Этим занимается главным образом Гарри. Все знают, кто там возглавляет их банду. Гарри назвал мне имя этого типа, - очень влиятельный человек, проник в высшее общество, живет в городе, весьма уважаемый гражданин, является личным другом большинства видных политических деятелей и крупных полицейских чиновников.

- Все это не ново.

- Вот и Гарри так говорит. Но только там, за океаном, другие законы, чем у нас здесь, и запрятать человека в тюрьму не так-то просто. Это правда?

- Правда.

- Никто не смеет давать показания против главаря гангстеров. Ведь всем ясно, что тот, кто на это решится, не проживет и двух суток.

Барон был просто счастлив. Он вдруг нашел ведущую нить.

- Вы мне разрешите выпить еще стаканчик пива? Мне от него лучше. Вам налить?

Лицо у него было все еще серое, черные круги под глазами не прошли, но в зрачках уже начинали вспыхивать искорки.

- Наше бистро закрыли, и мы отправились искать другое место, где можно посидеть и поговорить по душам. Куда мы попали, не помню. Как будто в маленькое ночное кабаре, - там выступали три или четыре танцовщицы. Кроме нас, в зале никого не было.

- Он говорил о Неряхе Джо?

- Пытаюсь сейчас вспомнить... Этот Джо - несчастный парень, он чуть ли не умирает от туберкулеза. Он буквально с детства связан с гангстерами, но всегда был последней спицей в колеснице. Два месяца назад в Сен-Луи убили человека перед дверью ночного клуба. Ах, если бы я только мог вспомнить имена! Все в городе знают, что убийца - это тот тип, о котором я вам говорил, главарь тамошних гангстеров. При убийстве присутствовало два человека. Одного из них - швейцара клуба - на следующее утро нашли мертвым.

Вот тогда Неряха Джо и удрал из Сен-Луи, потому что он был вторым свидетелем убийства. А у них за океаном оказаться свидетелем опасно для жизни.

- Он отправился в Канаду?

- Да, в Монреаль. Но там он тоже не нашел покоя. С одной стороны, за ним охотились помощники, чтобы заставить его говорить; с другой - гангстеры, чтобы заставить его молчать.

- Понятно!

- А вот я никак не мог понять, в чем здесь дело. Оказывается, от Неряхи Джо зависит судьба миллионных состояний. Если он заговорит, то разом рухнет не только могучая организация гангстеров, но и вся слаженная политическая машина в Сен-Луи. Гарри столько раз твердил одно и то же, что и сейчас я словно слышу, как он говорит: "Нет, здесь вам этого не понять. У вас не существует подобных бандитских объединений, организованных по принципу анонимных акционерных обществ. Ваша работа куда легче, чем наша..."

Мегрэ тоже казалось, что он слышит слова Гарри. Эту песню он уже знал наизусть.

- В Монреале Джо чувствовал себя в опасности, потому что был слишком близко от своих соотечественников. Ему удалось раздобыть себе фальшивый паспорт. Так как этот паспорт был выписан на имя супружеской пары, он стал искать женщину, которая согласилась бы уехать вместе с ним, думая, что таким образом он вернее сойдет со следа своих преследователей. В конце концов он уговорил продавщицу сигарет в ночном кабаре сопровождать его. Она всю жизнь мечтала увидеть Париж... Извините меня...

Барон неуверенным шагом отправился в туалетную комнату и вернулся оттуда с двумя таблетками аспирина.

- У Неряхи Джо денег было немного. Он понимал, что даже в Париже его рано или поздно найдут. И вот в один прекрасный день он написал длинное письмо прокурору, где заявлял, что, если ему гарантируется защита от гангстеров, если за ним приедут в Париж и выплатят ему солидную сумму, он готов выступить в качестве свидетеля на суде. Быть может, я что-то и путаю, но вот в чем суть этой истории.

- Гарри поручил вам все это мне рассказать?

- Да. Он даже готов был позвонить вам по телефону. И наверняка сделал бы это сегодня утром, если бы не выяснил вчера, что я знаю, где прячутся Чарли и Чичеро. Они настоящие убийцы. Особенно опасен Чарли.

- Как Чарли и Чичеро нашли в Париже Неряху Джо?

- Они нашли его в Монреале. Через ту девицу, которую Маскарели увез с собой в Париж. У нее там мать, и девица оказалась настолько неосторожной, что писала ей из Парижа.

- Она указала свой адрес?

- Нет, она получала письма до востребования, но сообщила, что живет напротив большого мюзик-холла. Когда Гарри решил сесть на теплоход, чтобы отыскать и привезти в Сен-Луи Неряху Джо, он узнал, что Чинаглиа и Чичеро опередили его на двое суток.

Мегрэ представил себе жизнь Маскарели в Монреале, а потом в Париже, где он даже вечером не решался выйти на несколько минут подышать свежим воздухом.

Теперь комиссар понимал, зачем Чичеро и Чарли была нужна взятая напрокат машина. В течение нескольких дней они, должно быть, ожидали в ней у "Фоли-Бержер" подходящего момента, чтобы перейти к действиям. Когда же этот момент наконец наступил, Гарри уже следил за ними.

- Гарри рассказал мне эту сцену... Он бродил вокруг гостиницы и как раз завернул на улицу Рише, когда увидел, что Неряха Джо садится в какую-то машину. Гарри сразу понял, в чем дело. Такси поблизости не было, и он вскочил в первую попавшуюся машину, стоящую у мюзик-холла, которая оказалась, по счастью, незапертой.

Мегрэ не мог не улыбнуться, представив себе, как помощник прокурора уводит чужую машину! Все эти люди из-за океана, к какой бы среде они ни принадлежали, ведут себя в Париже, как у себя дома. Многочисленные прохожие, которые шли в тот час по улице Рише, даже не подозревали, что присутствуют при погоне в духе Чикаго. И если бы бедняга Лоньон, прижавшись к решетке церкви Нотр-Дам де Лорет, не выслеживал бы в ту ночь мелкого торговца кокаином, никто бы никогда ничего не узнал обо всей этой истории.

- Неряха Джо жив?

- Да. Как говорит Гарри, доктору удалось его подштопать. Ему необходимо было сделать переливание крови, и Гарри дал ему уж не знаю сколько кубиков своей. Он ухаживает за ним, как родной брат, да куда там - лучше брата! Если он вернется в Сен-Луи с живым Неряхой Джо и сумеет сохранить ему жизнь до дня процесса; если, наконец, в день процесса Джо не струсит и подтвердит свои показания, Гарри станет почти таким же знаменитым, как Девей - после того как сумел очистить Нью-Йорк от гангстеров.

- А спутница Джо? Ее увел Гарри?

- Да. Он сердился на вас, когда увидел фотографии Чарли и Чичеро в газетах.

Слов нет, эти люди были сильны - что помощник прокурора, что гангстеры!

Они угадали, что подруга Маскарели, увидев фотографии в газете, решится действовать и обратится в полицию. Она это и сделала - ведь написала же она письмо Мегрэ!

Чарли уехал из "Весельчака", чтобы заставить ее молчать. Но за несколько минут до его прихода в гостиницу явился Гарри и увел ее, чтобы надежно укрыть.

Они не стеснялись в выборе средств. Они вели себя так, будто Париж - это своего рода ничья земля, где каждый может действовать на свой страх и риск.

- Она тоже у доктора?

- Да.

- Гарри не боится, что Чарли узнает этот адрес?

- Он будто бы принял необходимые меры предосторожности. Прежде чем туда идти он всякий раз убеждается, что за ним не следят, да к тому же кто-то их охраняет.

- Кто?

- Не знаю.

- Короче, что же он просил мне передать?

- Он просит вас не заниматься Чарли и Чичеро, во всяком случае, ближайшие несколько дней. Неряху Джо можно будет посадить на самолет не раньше чем через неделю. Он опасается всяких неожиданностей, которые могут помешать их отлету, - Если я правильно вас понял, он просил мне передать, что вся эта история меня не касается?

- Примерно так. Но он ваш горячий поклонник и заранее радуется, что, когда все кончится, ему наверняка представится случай поболтать с вами либо здесь, либо в Сен-Луи.

- Воплощенная любезность! Где вы расстались с этим господином?

- У дверей его гостиницы.
- Адрес помните?
- Это где-то в районе улицы Рени. Если я там похожу, то, мне кажется, узнаю дом.
- Вы в силах выйти?
- Разрешите мне только переодеться.

Начинало светать. Дом просыпался, наполнялся звучками, доносились голоса из соседних квартир, раздавались шаги на лестнице, где-то заговорило радио.

Мегрэ услышал плеск воды - инспектор, видимо, мылся, а когда он вернулся в столовую, то выглядел так, словно сошел с картинки модного журнала, только лицо его по-прежнему было цвета папье-маше.

Они спустились вниз; увидев, что машина стоит двумя колесами на тротуаре, Барон ужасно смутился.

- Мы поедем на моей машине?
- Я предпочитаю такси. Но если хотите, можете поставить ее как следует, вдоль тротуара.

Они прошли пешком до бульвара Батиноль и там сели в такси.

- Левый берег. Сперва на улицу Рени.
- Какой номер дома?
- Нам надо проехать всю улицу.

Не меньше четверти часа колесили они по этому кварталу, останавливались у всех гостиниц, и Барон разглядывал фасады. Наконец он сказал:

- Вот она.
- Вы уверены?
- Да. Я отлично помню эту медную дощечку. Они вошли. Какой-то мужчина протирал мокрой тряпкой коридор.
- В конторе никого нет?
- Хозяин приходит только в восемь часов. Я ночной сторож.
- Вы знаете имена постояльцев?
- Вон на доске все фамилии.
- Здесь живет американец, высокий блондин, еще молодой, его зовут Гарри?
- Наверняка нет.
- Может, все же проверите?
- Незачем. Я знаю, о ком вы говорите.
- Как?
- Парень, которого вы мне описали, зашел сюда сегодня часа в четыре утра.

Он спросил меня, в каком номере живет мосье Дюран. Я ответил ему, что у нас нет никакого Дюрана. "А Дюпон?" - спросил он. Я решил, что он смеется надо мной, - он ведь был сильно выпивши.

Мегрэ и Барон переглянулись.

- Он стоял вот тут, где вы сейчас стоите, и казалось, не собирался уходить. Потом он полез в карман, что-то долго искал и, наконец, вынул купюру в тысячу франков, сунул ее мне и сказал, что его будто бы преследовала женщина, и он решил забежать в гостиницу, чтобы от нее отделаться. Он попросил меня выйти на улицу и поглядеть, уехала ли машина, постоял еще несколько минут и только тогда ушел. Барон был взбешен.

- Он разыграл меня как мальчишку, - пробурчал он, когда они вышли на улицу. - Как вы думаете, он в самом деле помощник прокурора?

- Скорее всего.

- Тогда почему он это сделал?

- Потому что все эти люди из-за океана, что гангстеры, что прокуроры, считают нас чуть ли не детьми беспомощными, не способными справиться с мало-мальски серьезным делом. Мы для них, видите ли, приготовишки!

- Куда вас теперь везти, мосье Мегрэ? - спросил шофер такси, узнавший комиссара.

- Набережная Орфевр.

И, нахмурившись, Мегрэ забился в угол машины.

Глава 9

В КОТОРОЙ МЕГРЭ, НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО, СОГЛАШАЕТСЯ ВЫПИТЬ РЮМКУ ВИСКИ

- Господин комиссар, начальник приехал.

- Иду.

Было девять часов утра, и даже в тусклом свете пасмурного дня было заметно, что Мегрэ небрит и что глаза у него красные от бессонницы и простуды.

Уже три раза ему докладывали:

- Американка поднимает дьявольский шум.

- Пусть себе шумит на здоровье. Потом пришел инспектор и рассказал:

- Я приоткрыл дверь, чтобы передать ей чашку кофе, но она выхватила чашку и швырнула мне в лицо. Матрас разорван в клочья, и вся камера засыпана конским волосом.

Мегрэ только пожал плечами. Потом он велел позвонить Люка и передать ему, что охранять "Весельчак" больше не надо и что он может ехать домой спать.

Но Люка ни за что не хотел пропустить конца этой истории и поэтому отправился не домой, а примчался на Набережную Орфевр. Он тоже весь оброс темной щетиной.

Что касается Торанса, то он заперся в пустом кабинете с Тони Чичеро и упорно задавал ему одни и те же вопросы, на которые Тони отвечал презрительным молчанием.

- Ты только зря теряешь время, старик, - заметил Мегрэ.

- Знаю. Но мне это доставляет удовольствие. Он не понимает, о чем я его спрашиваю, но я отлично вижу, что его это тревожит. К тому же ему дико хочется курить, но он слишком горд, чтобы попросить сигарету. Как-то раз он все же открыл было рот, но тут же умолк.

В опергруппе Мегрэ все были охвачены каким-то лихорадочным возбуждением, непонятным для тех, кто не участвовал в этом деле. Маленький Лапуэнт, например, еще не был в курсе событий и с удивлением глядел на Мегрэ и его ближайших сотрудников, которые делали все в это утро с каким-то особым ожесточением.

Полицейские комиссариаты пятого и шестого районов были поставлены на ноги.

- Необходимо как можно скорее найти этого доктора. Живет он где-то возле бульвара Сен-Мишель, но сомневаюсь, чтобы у него на двери висела табличка.

Точный возраст его не знаю, думаю, что он еще молод. Надо расспросить о нем в аптеках квартала. Вполне вероятно, что в прошлый вторник он накупил много разных лекарств. Надо обойти магазины хирургических инструментов.

Все утро районные инспекторы обходили дом за домом, аптеку за аптекой, не имея ни малейшего понятия о том, что они занимаются людьми, которые приехали из Сен-Луи, только чтобы свести друг с другом личные счеты.

Инспектор из Сыскной полиции отправился на медицинский факультет и переписал там списки молодых врачей, получивших дипломы за последние два-три года. Потом он расспрашивал всех преподавателей факультета.

Если к этому прибавить всех полицейских и жандармов, которые искали Билла Ларнера на шоссе на дорогах и на бельгийской границе, то выходило, что в связи с делом американцев было мобилизовано несколько сот человек.

Мегрэ постучал в дверь, закрыл ее за собой, пожал руку начальнику Сыскной полиции и в изнеможении опустился на стул. В течение десяти минут он монотонным голосом изложил вкратце все, что знал об этом деле. К концу его доклада начальник, казалось, стал более озадачен, чем комиссар.

- Что вы собираетесь делать? Вы хотите схватить этого Маскарели?

Мегрэ испытывал сильное искушение так поступить - ему надоело, что с ним обращаются, как с первоклассником.

- Если я это сделаю, я помешаю помощнику прокурора разделаться с главой гангстеров в Сен-Луи.

- А если вы этого не сделаете, вы не сможете обвинить Чарли и Чичеро в покушении на убийство.

- Конечно. Но остается Лоньон. Они похитили Лоньона, увезли его в лес Сен-Жермен и отделали там под орех. Они ворвались также в его квартиру, прибегнув при этом к взлому, и, наконец, Чарли стрелял в инспектора на улице Гранд Бательер.

- Он заявит, что на него напали первыми, что он подумал, будто попал в ловушку бандитов и, естественно, защищался, и надо сказать, внешне все обстоятельства говорят в его пользу. Его адвокат распишет суду, как он спокойно шел по улице и вдруг увидел, что два человека кинулись на него.

- Хорошо. Допустим даже, что все это так и будет. Но Лоньон у нас остается, и за одно это Чарли получит несколько лет тюрьмы, а нам достаточно продержать его хотя бы несколько месяцев.

Начальник не мог не улыбнуться, глядя, с каким упрямством Мегрэ ведет свою линию.

- Американка никак не связана с делом Лоньона, - заметил начальник, подыскивая новые возражения.

- Я знаю, ее придется отпустить. Поэтому я даю ей вволю накричаться.

Против Поччо я тоже сейчас не могу возбудить дело. Но с ним мы сладим по-другому: обнаружим в ближайшее время какое-нибудь нарушение санитарной инструкции и прикроем его лавочку.

- Сердитесь, Мегрэ?

Мегрэ в свою очередь улыбнулся.

- Согласитесь, шеф, что они просто зарвались. Если бы Лоньон не проявил такого усердия в ночь с понедельника на вторник, мы бы это дело прошляпили как маленькие. А потом всю эту историю рассказывали бы в Сен-Луи. И я словно слышу: "Ну, а французская полиция?" - "Французская полиция? Куда ей! Этот орешек ей не по зубам! Да оно и понятно..."

Было одиннадцать часов утра. Мегрэ только что кончил говорить по телефону с госпожой Лоньон, которая тревожила его в этот день уже второй раз, как позвонил инспектор шестого района.

- Алло! Комиссар Мегрэ? Врача зовут Луи Дювилье, он живет в доме номер семнадцать-бис на улице Мосье де Принс.

- Он сейчас дома?

- Да.

- У него есть кто-нибудь?

- Консьержка говорит, что, по всей видимости, у него уже несколько дней живет какой-то больной. И еще какая-то женщина.

- С какого дня живет женщина?

- Она пришла вчера.

- Больше никого нет?

- Американец, который приходит почти каждый день.

Мегрэ повесил трубку, и четверть часа спустя он медленно подымался по лестнице указанного дома. Дом был старый, лифта не было, а квартира доктора находилась на шестом этаже. Слева был звонок. Он позвонил и услышал за дверью шаги. Потом дверь чуть-чуть приоткрылась, показалось чье-то лицо, и Мегрэ, распахнув ногой створку, воскликнул:

- А ты что здесь делаешь?!

Он не мог сдержать смеха. Человек, который встретил его с пистолетом в руках, был не кто иной, как Дедэ из Марсея, известный в Париже тем, что изображал бандитов во всех ночных кабаре. Дедэ не знал, что ответить, он растерялся и уставился на комиссара своими круглыми глазами, пытаясь спрятать пистолет.

- Я не делаю ничего плохого, поверьте мне!

- Хелло, мосье Мегрэ!

Высокий блондин в рубашке с засученными рукавами вышел ему навстречу из комнаты-мансарды с застекленной крышей, похожей на ателье художника. Лицо у него было чуть отекавшее, а глаза такие же погасшие, как у Барона. Но он весело поглядел на Мегрэ и протянул ему руку.

- Я так и думал, что вчера наболтал лишнего и что вы в конце концов найдете мой адрес. Вы на меня сердитесь?

Из кухни вышла молодая женщина - она там что-то разогревала на газовой плитке.

- Разрешите вас познакомиться?

- Я предпочел бы поговорить с вами в другом месте. Сквозь открытую дверь Мегрэ увидел кровать, на которой лежал темноволосый человек. Услышав голоса, он натянул на себя одеяло.

- Я вас понимаю. Подождите меня минутку.

Он вернулся в прихожую в пиджаке и со шляпой в руках.

- А мне что делать? - спросил Дедэ, обращаясь не только к нему, но и к Мегрэ.

- Ты свободен, - ответил Мегрэ. - Бандиты сидят за решеткой...

Комиссар и его спутник молча спустились по лестнице и направились в сторону бульвара Сен-Мишель.

- То, что вы сейчас сказали, правда?

- Четверо за решеткой, а Чарли в госпитале.

- Ваш инспектор передал вам мою просьбу?

- Через сколько дней вы сумеете сесть в самолет со своим подопечным?

- Через три или четыре дня. Как разрешит доктор. У него будут неприятности?

- Скажите мне, мосье Гарри... Гарри... как?

- Гарри Пиле.

- Понятно. Фамилия певца! Барон мне говорил. Так вот, представьте себе, что я приеду в вашу страну и буду вести себя там так, как вы вели себя у нас?

- Я принимаю ваш упрек.

- Но вы не ответили на мой вопрос.

- У вас были бы неприятности, серьезные неприятности.

***

- Где вы познакомились с Дедэ?

- После войны, когда я почти все ночи напролет проводил в мюзик-холлах Монмартра.

- Вы наняли его, чтобы он охранял раненого?

- Не мог же я стеречь его день и ночь. Доктору тоже надо было уходить.

- Как вы поступите с подругой Джо?

- У нее нет денег на обратную дорогу. Я обещал ей оплатить теплоход. Она уезжает послезавтра.

Они проходили мимо бара, Гарри Пиле остановился и после некоторого колебания неуверенно спросил:

- Вы не думаете, что мы могли бы вместе выпить? Я хочу сказать, не согласились ли бы вы...

Смешно было видеть, как этот здоровый парень атлетического сложения смущается и краснеет.

- А может, здесь нет виски? - возразил Мегрэ.

- Есть. Я знаю.

Он заказал виски и поднял свою рюмку, держа ее перед собой. Мегрэ поглядел на него хмуро, как человек, у которого еще не отлегло от души, и сказал не без яда:

- За веселый Париж, как вы говорите!

- Вы еще сердитесь?

Быть может, чтобы показать, что он не так уж сердится, или просто потому, что Пиле симпатичный парень, Мегрэ выпил еще рюмку.

А так как он не мог уйти, не угостив Гарри, они выпили по третьей.

- Послушайте, Мегрэ, старина...

- Нет, Гарри, теперь моя очередь спрашивать. К полудню Пиле уже говорил:

- Видишь ли, Жюль...

***

- Что с тобой? - спросила мадам Мегрэ. - Похоже, что ты...

- У меня грипп - вот и все, и я сейчас лягу, выпив грога и приняв две таблетки аспирина.

- Ты есть не будешь?

Не отвечая, он прошел через столовую, добрался до спальни и начал раздеваться. Если бы не жена, он лег бы, наверное, в носках.

И все же он им показал... Да, показал!

<http://book.zehinli.info>